

ВЛ. ВИЛЕНСКИЙ-СИБИРЯКОВ

СУНЬ-ЯТ-СЕН

ОТЕЦ КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

2-е ИЗДАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1924

2011094976

Главлит № 27.574

Гиз № 8.495

АП. № 23.

Тираж 10.000 экз.

Типография „Красный пролетарий“, Пименовская, д. 111.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

Немного прошло времени с момента выхода первого издания настоящей работы; между тем, Китай сейчас опять находится в огне гражданской войны, очередная вспышка которой является прямым следствием происков мирового империализма в Китае. Немалую роль в этих последних событиях в Китае сыграл Сунь-Ят-Сен, который, как и всегда, выступил с решительным протестом против захватнических действий агентов мирового империализма и этим немало содействовал оформлению большого национально-освободительного движения, которое сейчас мощно нарастает в Китае.

Сущность современных китайских событий сводится к следующему. В последнее время правящие круги современного Китая под напором китайского общественного мнения все больше и больше стали становиться на путь независимой политики. Начало этой новой китайской политики положил Сунь-Ят-Сен на юге Китая, где он в начале текущего года сделал попытку ввести китайский контроль над таможенными Гуан-дунской провинции. Сунь-Ят-Сен мотивировал это свое мероприятие желанием восстановить суверенные права китайского народа. В ответ на это т.-н. великие державы послали свои военные суда к Кантону и угрожали последнему обстрелом, если Сунь-Ят-Сен не откажется от своих намерений.

Для того, чтобы понять всю важность этого шага Сунь-Ят-Сена, нужно знать, какой вред китайской экономике приносит иностранный контроль над китайской внешней торговлей. Захватив в свои руки китайские таможни, мировой империализм обязал китайцев взимать самые минимальные

пошлины с ввозимых в Китай иностранных товаров (не свыше 5% стоимости товаров), и этим связал по рукам и ногам китайскую экономику. Но мало этого. Английские инспектора (Англия навязала Китаю своих чиновников) удерживают из таможенных доходов всякого рода платежи по иностранным ростовщическим займам, и только жалкие остатки таможенных сборов попадают в китайскую казну. Понятно, что при таких условиях таможенный вопрос имеет исключительное значение в международной действительности современного Китая.

Другой фактор международной политики Китая, тоже чрезвычайно неприятный для мировых империалистов,—это советско-китайское соглашение, подписанное пекинским правительством Цао-Куна. Это соглашение, по существу, разорвало в клочки пресловутый «протокол 1901 года», согласно которому Китай после боксерского восстания отдавался под международную опеку. Поскольку дипломатический корпус иностранных представителей, сидящих в Пекине, оказался бессильным помешать советско-китайскому соглашению, постольку престиж мирового империализма в глазах широких масс Китая поколебался. В Китае стали возникать «общества борьбы с империализмом», ставившие своей задачей борьбу за освобождение Китая от опеки мирового капитала.

Этот рост национально-освободительного движения и был главнейшей причиной, заставившей мировых империалистов организовать очередной наскок на Китай, а равным образом выпустить на арену гражданской борьбы в Китае послушных мировому капиталу китайских генералов, которые сейчас усердно между собою дерутся.

Наибольший интерес для мирового капитала представляет китайское тихоокеанское побережье, на котором сосредоточены центры китайской внешней торговли, вокруг которых сконцентрирована молодая китайская промышленность. Тяньцзинь, Шанхай, Кантон и ряд других второстепенных китайских тихоокеанских портов—вот те ворота, чрез которые иностранный капитал выкачивает китайское сырье и шлет в Китай свои товары. Учитывая нарастающее национально-освободительное движение в Китае, мировой капитал в первую очередь, бросился спасать свои позиции на тихоокеанском побережье, послав туда свои военные суда, которые

должны были защищать «интересы иностранных граждан» от угрозы гражданской войны в Китае.

Что касается гражданской войны, то последняя началась почти одновременно в нескольких пунктах Китая выступлением реакционных группировок и отдельных китайских генералов, находящихся в тесной связи с мировым капиталом. Военный губернатор провинции Чже-цзянь Лу-Юн-Сян начал военные операции с целью захвата арсеналов Шанхая. Якобы для его поддержки выступил против пекинского правительства ген. Чжан-Цзо-Лин и, наконец, на юге Китая, в Кантоне, против администрации Сунь-Ят-Сена начали активную борьбу китайские фашисты, «бумажные тигры», которые представляют организацию китайского купечества, поддерживаемого агентами английского империализма в Гонконге.

Все эти выступления китайских реакционеров были нужны мировому империализму, как предлог для того, чтобы оправдать свой очередной наскок, при помощи которого мировой капитал думал восстановить свое пошатнувшееся положение. У-Пей-Фу разгромил войска Лу-Юн-Сяна, и последний должен был бежать в Японию. Вооруженное столкновение Чжан-Цзо-Лина с У-Пей-Фу получило совершенно неожиданный исход в силу того, что один из чжилийских генералов Фын-Юй-Сян изменил У-Пей-Фу и устроил переворот в Пекине, где он сверг правительство Цао-Куна и объявил о своем нежелании поддерживать чжилийскую группировку в ее борьбе с Чжан-Цзо-Лином. Измена христианского генерала Фын-Юй-Сяна и захват последним Пекина должны углубить гражданскую войну в Китае, но вряд ли можно думать, что У-Пей-Фу может скорей сойти со сцены. Из попыток китайских фашистов ничего не вышло, ибо они оказались бессильны свергнуть Сунь-Ят-Сена. Но план мирового капитала погреть руки у костра китайской гражданской войны, который они так усердно разжигают, как-будто бы удался. Китай сейчас в огне войны... Однако, есть много оснований думать, что эта гражданская война даст не те результаты, которых ждет мировой империализм. Из хаоса гражданской войны в Китае должно родиться национально-освободительное движение, которое выведет Китай на правильный путь.

Если ближе присмотреться к событиям, развернувшимся в последние месяцы на юге Китая, в Кантоне, то здесь не трудно увидеть нарастание классовых противоречий, которые являются прямым следствием того левого уклона, на путь которого в последнее время, как мы отмечаем в нашей работе, стал Сунь-Ят-Сен, а за ним и все левое крыло партии Го-мин-дан. Крупная буржуазия южного Китая, все эти многочисленные компрадоры, обслуживающие мировой капитал, и вообще торговая буржуазия могли мириться с Сунь-Ят-Сеном, когда он дальше идеей национализма не шел. Но достаточно было обнажить острый угол классовой политики в программе Го-мин-дан, чтобы Сунь-Ят-Сен оказался совершенно неприемлемым, и против него началась борьба «бумажных тигров».

Появление на китайской политической арене китайских фашистов отнюдь не есть случайное явление. Оно является прямым производным от капиталистического развития Китая и обострения тех классовых противоречий, которые характеризуют современную китайскую действительность. В Кантоне эти противоречия сказались резче потому, что там господствует партия Го-мин-дан, которая уже сейчас дает чувствовать острее своей политики китайской буржуазии. Эта политика еще далеко не всегда чисто-классовая, но она вполне достаточна для того, чтобы китайская буржуазия бросилась в объятия мирового капитала в поисках защиты от призрака коммунизма. Этим и объясняется то обстоятельство, что «бумажные тигры» так тесно связаны с Гонконгом, который является базой английского капитала. Но, выступая против Сунь-Ят-Сена, они не учитывают одного обстоятельства, а именно, что левый уклон Сунь-Ят-Сена укрепил его связь с массами и дал ему значительную устойчивость в борьбе с натиском, как мирового империализма, так и «бумажных тигров». Во всяком случае, последние события в Кантоне показали, что у Сунь-Ят-Сена достаточно твердая почва под ногами в его борьбе с нарождающимся китайским фашизмом.

Интересно отметить, что при последнем выступлении китайских фашистов в Кантоне английские крейсера не начали обстрела города, как это они должны были сделать в силу ультиматума английского консула. Очевидно, англий-

ское правительство под впечатлением протеста английского и русского пролетариата, не решилось подтвердить «ультиматум» своего дипломатического агента и дало распоряжение воздержаться от вмешательства в китайские дела. Во всяком случае, кампания протеста, поднятая в свое время по поводу вмешательства в китайские дела, дала свои положительные результаты,—мировой капитал несколько умерил свой натиск на Китай. Несомненно, это крупный успех китайского национально-освободительного движения, в первых рядах которого стоит неутомимый боец за свободный Китай—Сунь-Ят-Сен.

* * *

Последняя события в Среднем Китае вновь поставили на очередь вопрос об объединении Китая. Герой пекинского переворота ген. Фын-Юй-Сян пытается выступить в роли собирателя Китая. Если судить по последним сведениям из Китая, в Тяньцзине должна произойти конференция генералов Фын-Юй-Сяна, Чжан-Цзо-Лина, Дуань-Ци-Джуя совместно с Сунь-Ят-Сеном. Ген. Фын-Юй-Сян думает, что путем такого сговора генералов можно решить сложную проблему объединения Китая.

Мы не знаем, примет ли участие в этом сговоре Сунь-Ят-Сен, но если бы он принял такое участие, можно очень сомневаться, что его предложения будут приемлемы для китайских генералов, которые вскормлены методами военного управления, мало пригодными для того, чтобы вывести Китай из того тупика в который его загнал китайский милитаризм.

Сунь-Ят-Сен был и остается поборником идеи демократизации Китая. На протяжении последнего десятилетия он не раз выступал против китайских милитаристов, в том числе и против Дуань-Ци-Джуя и Чжан-Цзо-Лина, особенно последнего, в котором он видел одного из злейших врагов (см. ниже письмо Сунь-Ят-Сена к Танака) демократического Китая, поэтому вряд ли можно обольщать себя надеждами на успешность Тяньцзинской конференции.

Пути объединения Китая лежат в иной плоскости, нежели предполагают китайские генералы. В своем последнем выступлении в Кантоне по поводу семилетней годовщины

Октябрьской революции Сунь-Ят-Сен сказал: «Мы празднуем эту годовщину, как пример, для национальной революции в Китае». Последует ли Китай советскому примеру, и как скоро,—покажет будущее, но поднявшаяся в настоящее время волна национально-революционного движения в Китае может служить достаточным основанием, чтобы съезду генералов противопоставить идею созыва всекитайского национального собрания на основе широкого представительства трудящихся для того, чтобы решить основные вопросы будущего политического устройства Китая.

Только таким путем Китай может создать необходимые предпосылки для консолидации своих сил, необходимых для борьбы против мирового империализма; иных путей у Китая нет, ибо если китайские генералы опять попытаются узурпировать власть китайского народа и без его участия решать вопрос о политических судьбах Китайской республики, ничего, кроме обычной генеральской склоки, из этого не выйдет. Китай вновь будет брошен в огонь гражданской войны.

Вл. Вилениский (Сибиряков).

Москва. Октябрь 1924 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

Пока-что Китай для многих—сказочная страна, которую от всего мира отделяет «великая китайская стена», где растет пахучий, ароматичный чай, и где мужчины носят длинные косы. Зато очень немногим известно, что международный капитал уже давно протаранил «великую китайскую стену», постепенно втягивает китайца в международный товарообмен; что в Китае в 1911 году была революция, которая, между прочим, отрезала традиционную китайскую косу и, свалив трон китайской монархии, утвердила на его развалинах Китайскую республику.

Еще меньше знают, кто делал эту китайскую революцию, во имя чего и каковы судьбы этой революции, которая имеет все основания на наименование великой революции, ибо эта революция знаменует собою пробуждение сотен миллионов трудящихся восточной Азии.

Задача настоящей книжки—познакомить широкого читателя с основными идеями китайской революции и вкратце рассказать историю борьбы китайского народа за утверждение республики. Эту задачу поставили перед нами многочисленные запросы нашей молодежи, интересующейся Китаем, которая, работая над изучением революций последних столетий, оказалась перед вполне естественным затруднением, когда она столкнулась с китайской революцией, ибо у нас нет достаточно полной литературы, вводящей в круг идей китайской революции.

Для того, чтобы устранить это препятствие к изучению китайской революции, мы решили дать некоторое систематизированное изложение идей вождя китайской революции—

доктора Сунь-Ят-Сена, придерживаясь по возможности изложения этих идей при помощи документальных данных (речей, статей, им написанных, и т. п.), что дало бы возможность сохранить своеобразие того китаизма, без которого китайская революция была бы выхолощенной. Попутно с этим мы дали некоторую критическую оценку идей Сунь-Ят-Сена, которые по своей природе являются мелкобуржуазными, но которые в условиях современной китайской действительности являются прогрессивным фактором, что заставляет нас, коммунистов, поддерживать последователей Сунь-Ят-Сена—гоминданцев.

Пусть читатель судит, в какой мере мы справились с поставленной задачей. Но ученых китаеведов (синологов) мы, вероятно, огорчим нашей книжкой, ибо мы допускаем, что приводимые нами переводы документов с китайского имеют те или иные неточности. Китайская грамота мудрена, она полна даже в политической литературе древними изречениями, которые трудно переводимы. Но это более формальная сторона, что же касается существа передачи переводами основных идей и мыслей, мы склонны думать, что мы не грешим против них.

Настоящая работа есть сгусток подготовляемой нами большой работы о китайской революции, а равно представляет собою выдержки некоторых глав из подготовляемых нами к печати сочинений Сунь-Ят-Сена («Проблема индустриализации Китая» и «Записки о китайской революции»). В критической части нашей работы мы ограничились только самым существенным.

В заключение не могу не выразить свою признательность советским китаеведам-синологам, товарищам С. А. Полевому и И. З. Певзнеру за их труды по переводу некоторых из рукописей Сунь-Ят-Сена, а равным образом моим молодым китайским друзьям за то, что они облегчили мне задачу понимания многих сторон истории китайского революционного движения.

Вл. Виленицкий (Сибиряков).

Москва. Июнь 1924 г.

Сунь-Ят-Сен (Сунь-Вень).

Родился в 1866 году в провинции Гуан-дун, близ Кантона (Гуанчжоу-фу). Очень рано научился английскому языку. В 1887 году поступил в английский медицинский институт в Гонконге, который окончил в 1892 г. Революционную деятельность Сунь-Ят-Сен начинает с 1895 года.

Несколько раз посещал Америку и Европу, ведя там энергичную пропаганду в пользу китайской революции. Им создана мощная революционная организация «Союзная Лига», которая в 1911 г. поднимает восстание в У-чане, заканчивающееся свержением династии маньчжуров и провозглашением Китайской республики.

Сунь-Ят-Сен был провозглашен первым президентом Китайской республики. В настоящее время Сунь-Ят-Сен возглавляет демократическую администрацию провинции Гуандун. Вместе с тем он остается лидером партии Го-мин-дан, которая образовалась в процессе революции из «Союзной Лиги».

Отец китайской революции.

„Борьба за освобождение Китая, идеология Сунь-Ят-Сена—это борьба демократическая, идеология прогрессивная, но буржуазная. Мы стоим за то, чтобы коммунисты поддерживали Го-мин-дан в Китае, толкая ее вперед“.

Л. Д. Троцкий.

(Из речи, произнесенной 21 апреля 1924 г.).

Доктор Сунь-Ят-Сен, или, как его называют китайцы, Сунь-Вень, несомненно, должен быть назван одним из крупнейших людей нашей эпохи. Имя его будет вписано в историю, как одного из крупнейших революционеров начала XIX века, который возглавлял революцию величайшего из азиатских народов—Китая.

Сунь-Ят-Сен неотделим от Китая. Он больше, чем кто-либо из его китайских современников, является китайцем, который при всей своей огромной европейской образованности не оторвался от Китая, но сделал попытку сочетать европеизм с китаизмом.

Для того, чтобы понять Сунь-Ят-Сена, нужно понять роль и значение четырехсотмиллионного Китая в его прошлом и будущем. Только тогда станет ясным значение китайской революции и тех идей, которые выдвинуты Сунь-Ят-Сеном в процессе китайской революции.

Китай—это безбрежное людское море. Всколыхнуть это море, вызвать революционный тайфун—это значит вывести из равновесия огромную людскую стихию, волны которой могут захлестнуть какое угодно судно мореплавателя револю-

ции. Еще труднее овладеть этой революционной стихией, заставить ее успокоиться и найти свое новое русло.

Поэтому мы должны удивляться не тому, что Сунь-Ят-Сен на тридцать девятом году своей революционной деятельности (он начал ее в 1885 году), на тринадцатом году китайской революции не только не погиб в волнах бушующей страстями гражданской войны стихии китайской революции, не вышел в политический тираж, но продолжает борьбу революционера за свои идеи.

Для того, чтобы по достоинству оценить Сунь-Ят-Сена,—эту колоритнейшую фигуру современного Китая,—стоит только обратиться к истории китайского революционного движения, в котором Сунь-Ят-Сен играл руководящую роль. Именно этот человек объехал несколько раз Америку и Европу для того, чтобы по крохам собрать будущую революционную организацию—«Союзную Лигу», которая в 1911 году была фактической руководительницей китайской революции, свергнувшей трон одной из старейших азиатских монархий, для того, чтобы утвердить Китайскую республику.

Идея республики нам сейчас кажется простой, но если припомнить, что Сунь-Ят-Сен—китаец, что революция, возглавляемая им, произошла в Китае, в том Китае, косность и консерватизм которого пользуются всемирной известностью,—то должна стать понятной та гигантская работа, которая проведена Сунь-Ят-Сеном и его друзьями в деле подготовки китайской революции и особенно в деле пропаганды идеи республиканизма в умах китайцев.

Поражения и неудачи, которых было много на путях китайской революции, мало смущали Сунь-Ят-Сена. В этом отношении этот поистине великий китаец—революционер, мало имеющий себе подобных даже в истории европейских революций. Бунтарь, с огромным революционным темпераментом и исключительной революционной энергией, Сунь-Ят-Сен сочетал в себе и практика, и теоретика революции. Вместе с тем он обнаружил исключительные способности политика.

Стоит вспомнить один эпизод из истории китайской революции. Когда в 1911 году в У-чане вспыхивает восстание, Сунь-Ят-Сен находится в Америке. Весь мир облетает известие о победоносной китайской революции и о том, что

президентом новой Китайской республики намечается Сунь-Ят-Сен. Вероятно, это было бы достаточным основанием, чтобы Сунь-Ят-Сену спешить в Китай. И другой на его месте, вероятно, так бы и сделал. Сунь-Ят-Сен обнаружил здесь исключительную дальновидность политика который взвесил международную обстановку, и поехал в Лондон для того, чтобы предпринять ряд шагов, которые должны были укрепить международное положение китайской революции. Этот факт, который найдет читатель в настоящей книге, свидетельствует об исключительной выдержке революционера Сунь-Ят-Сена, который обнаружил в этот момент качества подлинного вождя с широким политическим кругозором.

Вся последующая история пореволюционного Китая,—она целиком переплетается с Сунь-Ят-Сеном. С момента восстания в У-чане и затем провозглашения Китайской республики в Нанкине прошло двенадцать лет,—двенадцать лет гражданской войны, когда республике не раз угрожала смертельная опасность, когда делались попытки реставрации монархии. И если, тем не менее, Китайская республика продолжает оставаться, то можно без преувеличения сказать, что у нее есть верный страж, в лице Сунь-Ят-Сена, который держит врагов Китайской республики в вечной угрозе поднять знамя борьбы за республику.

Перманентная война южного Китая с северным—дело рук Сунь-Ят-Сена, и с точки зрения борьбы за утверждение Китайской республики эта война имеет огромное значение. С юга, из Гуан-дуна, из Кантона, угрожает Сунь-Ят-Сен врагам Китайской республики. Во все решительные минуты наступления китайской контр-революции на Севере, здесь, на Юге, не только громко, на весь мир звучит набатный голос Сунь-Ят-Сена, но здесь формируются батальоны революционных армий, которые Сунь-Ят-Сен двигает по направлению к У-чану. Так было во время «империи» Юань-Ши-Кая, так было во время реставрационной попытки монархиста Чжан-Сюня, во время господства клуба Аньфу, то же самое происходит и сейчас, когда Сунь-Ят-Сен выбросил знамя борьбы против президентства Цао-Куня.

И в этой борьбе Сунь-Ят-Сена, в его бунтарстве, в его «анти-северных экспедициях» имеется глубокий политический смысл, который очень часто ускользает от наших со-

временников, но который будет понятен историкам китайской революции. Смысл этот заключается именно в том, что угроза революционного удара с Юга парализует соверную контр-революцию. Не будь этой угрозы, вероятно, Китайская республика приказала бы долго жить, и место «императора» Юань-Ши-Кая занял бы кто-нибудь другой из многочисленных претендентов на роль китайского «бонапарта».

В большой европейской литературе принято говорить об ошибках Сунь-Ят-Сена. Об этих же ошибках говорят и сами китайцы. Мы не склонны идеализировать Сунь-Ят-Сена и отрицать ошибки отца китайской революции. Ошибок нет у того, кто ничего не делает,—говорит одна пословица. Сунь-Ят-Сен слишком много делал, чтобы не иметь ошибок.

Сунь-Ят-Сену вменяется в вину его соглашательство с Юань-Ши-Каем, когда в 1912 году Сунь-Ят-Сен уступил президентский пост будущему китайскому «бонапарту», который позднее разорвал свой договор с революцией и провозгласил себя императором. Допустим, что такое «соглашательство» есть действительно роковая политическая ошибка. И это так, если взять этот эпизод абстрактно, вне зависимости от соотношения революционных сил того времени.

Но когда изучаешь историю китайской революции, когда знаешь, что китайская революция 1911 года развязала революционную стихию, которая, подобно почве после дождя, выбрасывающей в большом количестве грибы, выбросила десятки партий и группировок, и что соотношение борющихся за революционную власть сил было не в пользу партии Сунь-Ят-Сена, которая имела всего одну треть в Национальном Собрании, то уступка власти и его «соглашательство» больше являются вынужденными, чем ошибкой в истинном смысле этого слова.

В 1921 году, после утверждения Сунь-Ят-Сена в Кантоне, он прислал письмо одному из деятелей Советской власти. В этом письме Сунь-Ят-Сен сравнил свое «соглашение» с «Брестским миром» и говорил, что политическая необходимость заставила его идти на это соглашение. Но он отнюдь не видел в этом капитуляции, ибо он исходил из интересов китайской революции и рассчитывал этим соглашением утвердить Китайскую республику на базе объединения юга с севером Китая.

История восстановит в свое время полную картину этой ошибки китайской революции, — мы подчеркиваем: ошибки китайской революции, а не одного Сунь-Ят-Сена, ибо, конечно, царствование Юань-Ши-Каю была причиной роста китайского милитаризма, в тенетах которого сейчас оказалась молодая Китайская республика. Но в этом повинен не столько Сунь-Ят-Сен, сколько соотношение сил революции, которые были недостаточны для того, чтобы преодолеть препятствия, стоявшие на путях развития китайской революции, и она вместо столбовой дороги пошла на кривые проселки соглашений с лицами и группировками.

Сунь-Ят-Сену обычно предъявляется много обвинений. И не только со стороны врагов, но и со стороны его друзей и соратников по революции. Тем интереснее послушать один чрезвычайно интересный документ — письмо гоминданца Чэнь-Ин-Шин к другому гоминданцу Хуань-Кэ-Цян.

Оба эти товарища играли руководящую роль в китайской революции 1911 года. И оба они, как это видно из письма Чэнь-Ин-Шин, были в сильной оппозиции к Сунь-Ят-Сену в период неудач китайской революции, во время борьбы гоминданцев с Юань-Ши-Каем. Но тем интереснее оценка деятельности Сунь-Ят-Сена одним из этих лидеров партии Гоминдан, письмо которого мы приводим.

«Брат Хуань-Кэ-Цян.

Со своими скромными талантами я принимал участие в государственных делах в течение ряда лет и все время встречал наилучшее отношение с вашей стороны.

Прошлым летом я лежал в госпитале, когда вы уезжали в Японию, и, несмотря на свое страстное желание, не мог повидаться с вами и на прощанье пожать вашу руку, чтобы этим хотя бы немного утешиться. Но срок вашего отъезда был уже назначен, и вы отправились в путь.

Теперь мы уже лишены возможности лично толковать обо всех делах с вами и высказывать наши мысли. Как печально все это сложилось.

На днях я видел своего японского друга Миязаки, который мне рассказывал, что вы опять ушли с головой в государственные дела, и я снова сильно-сильно стал думать о вас.

Еще до 1911 года товарищи Сунь-Цзяо-Жэнь и Тан-И-Кай во время своего пребывания в Шанхае говорили, что в нашей партии одним из выдающихся работников считают вас, как революционера-практика, а Сунь-Ят-Сена—как теоретика-идеолога. Этим было выражено бесспорное мнение всей страны. Но существует также мнение, что Сунь-Ят-Сен большой идеалист, и это предвзятое мнение во многом помешало проведению его идей в жизнь, и это становится в упрек Сунь-Ят-Сену, этим пользуются его противники для нападок на него. Но все факты прошедшего говорят за то, что крупнейшие поражения нашей партии происходили оттого, что мы ошибочно разумели суньятсеновские идеи, оттого, что мы признали их недостижимыми идеалами и выступили против них, поэтому-то мы и подготовили себе поражение.

В настоящее время мы не должны с той же нетерпимостью относиться к суньятсеновским идеям, чтобы опять не повторить ошибок прошлого. Лично я желаю смыть свои старые грехи и изложить всю историю наших выпадов против Сунь-Ят-Сена, приведших к нашему поражению. Я желаю говорить о некоторых выпадах против Сунь-Ят-Сена. Не угодно ли будет вам выслушать это?

В то время, когда Сунь-Ят-Сен вступил на президентский пост, общее положение в нашей стране было весьма смутным и беспорядочным, и он не осуществил своих политических планов, тем более, что экономическое состояние Китая было ужасным. Русский заем встретился с сильной оппозицией со стороны временного сената, а население страны, считая его губительным для своих интересов, смотрело на него, как на чуму или на холеру. Но в действительности этот заем нисколько не шел вразрез с нашими интересами, так как мы получили 97% займа на руки по 5⁰/₀ годовых, а если обратиться к последующему займу, заключенному Юань-Ши-Каем у банковского консорциума, то там мы получали реальных сумм на руки всего 82% по 5%⁰/₀ годовых, и, кроме того, заем обеспечивался соляной монополией и землей в четырех провинциях, а равно давал контроль над нашими финансами. Спрашивается, какой же из этих займов выгоден и какой из них губителен? Какой из них прибылен и какой убыточен?

Но китайская общественность не разбиралась в этом и

Вследствие этого погубила экономическую политику правительства. Сунь-Ят-Сена поставили в положение человека со связанными руками, не могущего уже проводить свои планы, а государство—в чрезвычайно опасное положение. И все это оттого, что мы упорно придерживались ложной точки зрения и с недоверием отнеслись к основным положениям Сунь-Ят-Сена. Это первое. Затем после Нанкинской мирной конференции, когда Юань-Ши-Кай должен был быть избранным в президенты, Сунь-Ят-Сен в то время выдвигал три своих главных положения, именно: первое—это то, что Юань-Ши-Кай должен вступить в президентство в городе Нанкине, т. к. он опасался и предвидел многие недоразумения между неокончательно примирившимися Севером и Югом, и во имя сохранения единства страны он полагал необходимым вступление Юань-Ши-Каю на президентский пост именно в городе Нанкине, для единения Севера с Югом и для укрепления доверия к Юань-Ши-Каю со стороны нашей партии (Го-мин-дан), а также с целью вызвать и верность с его стороны.

Во-вторых, республика должна перенести свою столицу в Нанкин вследствие того, что Пекин, переживший династии, является городом, погруженным в монархическую летаргию, которую и звук революционных колоколов не в силах будет рассеять, город гнилой, преступной бюрократии, которой не смыть и волнами рек, этот город должен умерять свои привилегии, и только тогда можно будет вырвать все преступные корни монархии, когда мы переменим местопребывание столицы. В-третьих, нельзя доверять организацию республиканского правительства Юань-Ши-Каю, основываясь только на акте отречения Дайцинской династии от престола, так как, согласно временной конституции, оно могло иметь место только после решения, последовавшего со стороны народных представителей, а не по соглашению представителей бывшей Дайцинской династии с Юань-Ши-Каем. Все эти три положения, выдвинутые Сунь-Ят-Сеном, весьма закономерны, и он не жалел ни сил, ни здоровья в отстаивании их. И то, что впоследствии Юань-Ши-Кай отказался от своих прежних слов о намерении вступить в президентство в Нанкине и дать полное самоопределение народу, а сделал попытку свержения республики, то здесь нет вины Сунь-Ят-

Сена, т. к. Китай к этому пришел благодаря отказу от его основных политических планов.

Приходится признать, что политические планы Сунь-Ят-Сена мы отвергли в силу чрезвычайно разнообразных причин. Но важнейшими из этих причин считаю недостаточную сознательность членов нашей партии. В силу этого мы не поддержали его программы и политических планов. Вот наше второе прегрешение против Сунь-Ят-Сена.

После ухода Сунь-Ят-Сена с поста президента он стоял за то, что наша партия должна всецело паходиться вне политики и специально заняться развитием народного образования, улучшением нашей промышленности, для укрепления твердого долговечного фундамента для республики, и уступить полностью политическую власть Юань-Ши-Каю. Мы в то время, считая это пустыми бреднями, выступили против этого и, кроме того, вмешивались в административные и другие дела правительства, став в сильнейшую оппозицию к нему, чем вызвали ярость Юань-Ши-Кая и подозрение со стороны нашей страны. Мы не сумели осуществить на деле идеи, взлелеянные в душе преданного нации Сунь-Ят-Сена, и в этом наше третье прегрешение против Сунь-Ят-Сена.

Обо всем этом можно сказать, что все произошло от недостатка сознательности членов нашей партии и далеко не являлось только нашей с вами ошибкой. Когда началось дело об убийстве Сунь-Цзяо-Жэнь, Сунь-Ят-Сен в то время как-раз вернулся в Шанхай и, узнав, что Юань-Ши-Кай реставрирует монархию и нарушает доверие республики, поклялся убрать его. План его был таков: во-первых, союз с Японией. Этот союз с Японией должен был ослабить силы Юань-Ши-Кая и укрепить силы нашей партии, так как Япония—восточное, соседнее нам государство, и добрососедские отношения с ней будут счастьем для нашего государства: «Если Япония поможет мне, то на моей стороне будет победа, а если она поможет Юань-Ши-Каю, то он победит»,—вот длинные слова Сунь-Ят-Сена. Признавая союз с Японией вопросом чрезвычайной важности, Сунь-Ят-Сен решил лично отправиться в Японию. Но я и еще некоторые из товарищей очень холодно отнеслись к этому и изо всех сил стара-

лись воспрепятствовать его отъезду, а некоторые упрекали Сунь-Ят-Сена в том, что он слишком легкомысленно играет своим престижем. Юань-Ши-Кай же тем временем через своих сподручников, токийских послов Сунь-Бао-Цзи и Ли-Шэн-То, уже осуществил все то, что предполагал Сунь-Ят-Сен, и наш план союза с Японией потерпел поражение.

Сунь-Ят-Сен полагал, что партия Го-мип-дан должна стремиться к союзу с Японией, так как она одна сумела из азиатских государств превратиться в могущественную и великую страну, чтобы сблизиться с ней и поучиться у нее. Второе—это идея немедленной войны. В виду того, что Юань-Ши-Кай захватил чрезвычайно большую власть в свои руки, он передвигал армии, свободно их перебрасывал, Сунь-Ят-Сен выдвинул план, что мы должны были с молниеносной быстротой нанести ему удар и неожиданно поразить его, ибо в случае промедления момент уже будет упущен. Это были слова Сунь-Ят-Сена. Но мы медлили, не веря ему, настаивали на разрешении этого вопроса на законном основании, высказываясь против объявления войны.

В этом наша четвертая вина перед Сунь-Ят-Сеном. Дело об убийстве Сунь-Цзяо-Жэнь было оттянуто, ибо Юань-Ши-Кай не желал считаться с законом. Заем у консорциума пяти государств был утвержден без санкции парламента. По всей стране раздавались бешено протестующие голоса. И мы надеялись, что под напором этих протестов Юань-Ши-Кай должен будет склониться к требованиям населения и уничтожить заем.

Сунь-Ят-Сен же находил, что парламент занимается болтовней, что закон бессилен, его провинциальные власти, в большинстве своем прислуживающиеся к Юань-Ши-Каю, недолго удержатся на занятых ими позициях, и что для разрешения вопроса необходимо прибегнуть к вооруженной силе, так как только ее аргументы могут быть понятны предателю, окружившему себя войсками. Предлагаемые Сунь-Ят-Сеном меры заключались в том, чтобы, с одной стороны, возбудить немедленно внимание прокуратуры к замятым процессам, а с другой стороны—выявить перед банковским консорциумом то, что весь народ не признает займа. Консорциум, получив такого рода обращение от Сунь-Ят-Сена, прекратил выдачу сумм по займу. Далее Сунь-Ят-Сен по теле-

графу приказал пров. Гуан-дун объявить независимость. Но пров. Гуан-дун не повиновалась. Он приказал мне объявить независимость Шанхая, но я воспротивился этому, находя, что место слишком незначительно по занимаемому им пространству, и что оно неудобно для оказания сопротивления. К этому времени подошел флот, заявляя о своей независимости. Сунь-Ят-Сен первый приветствовал это. Впоследствии, когда стало известно, что северные войска приближаются к Шанхаю, я выдвинул план внезапной атаки на море, который был поддержан и Сунь-Ят-Сеном, но вы нашли этот план неблагоприятным. Впоследствии, когда флот, по приказанию Юань-Ши-Кая, отправился в парт Янь-тай (пров. Шань-дун), Сунь-Ят-Сен хотел воспрепятствовать этому, говоря: «если флот будет помогать мне, то я одержу победу, а если он будет помогать Юань-Ши-Кая, то победит он; я же желаю опереться на его помощь и всеми силами буду стараться оставить его здесь, так как если он отправится в Янь-тай, то, несомненно, перейдет на сторону Юань-Ши-Кая», и вы полагали, что флот, выразивший свою лояльность к нам в прошлом, останется верным нам и в будущем, и флот отправился в Янь-тай, где попал в юаньшикаевскую ловушку; его обстреляли из усунских батарей, и он перешел на сторону Юань-Ши-Кая.

Стоя за объявление независимости пров. Гуан-дун, Сунь-Ят-Сен решил немедленно отправиться на Юг для руководства всеми операциями, назначив нас, нескольких товарищей, знакомых с военным делом, в ваше распоряжение. Но пужный момент уже был упущен. Все планы Сунь-Ят-Сена о провале займа и свержении Юань-Ши-Кая вследствие того, что было совершено промедление, не имели успеха. Общественное мнение было подавлено, расчеты на победу были побуждены силой денег, доверие к нам со стороны держав было подорвано, закон не обращался против Юань-Ши-Кая, 2-миллиардный заем, взятый для упорядочения государственных издержек, Юань-Ши-Кай употребил на покупку оружия, военного снаряжения и продовольствия, а равно на подкупы членов парламента и вознаграждение предателей, для подавления Юга и казни членов нашей партии. Если бы в то время, когда он уничтожил свое президентское звание, мы бы последовали плану Сунь-Ят-Сена и объявили

независимость ряда провинций, то тогда еще неизвестно, на чьей стороне была бы победа, так как в то время армии союзных провинций достигали численности 100 тысяч; и Ли-Тунь (командующий северными войсками) еще не достиг Цзян-си и о Дуань-Ци-Джуе еще ничего не было слышно на Юге. Мы должны были с свежими и бодрыми силами устремиться на государственных бандитов и смести их с лица земли. К сожалению, пров. Гуан-дун не объявила независимости в то время, когда заключался заем. Тогда не представлялось бы большой трудности к уничтожению системы дудзю-ната (должность управляющего провинцией, учреждена после первой революции в Китае). С заключением займа иностранцы стали оказывать помощь Юань-Ши-Каю, и после этого северные войска развернутым строем стали наступать на юг. Таким образом, идея «покорения Севера» оказалась запоздалой. В этом наша пятая погрешность против Сунь-Ят-Сена.

Суньятсеновская мысль шла далеко вперед, пронизывая будущее. Я слепо всегда шел против него, а вы хотя и признавали суньятсеновские идеи, но всегда выражали сомнение в возможности их осуществления. Я же со своим убогим сознанием стоял посредине между вами, но всегда с предвзятой мыслью, что Сунь-Ят-Сен—идеалист, и посему, что бы он ни выдвигал, мне казалось далеким от нашей действительности, почему я всегда присоединялся к вам и вашей оппозиции. Но кто мог знать, что китайскую пословицу: «отставши на вершок, потеряешь в дальнейшем движении целую сажень», можно будет также с успехом применить и к государственным делам, или «не забывай дел прошлого, это будет тебе служить в качестве учителя в будущем». Я, к сожалению, не знаю, что вы думаете по этому вопросу.

Я же, в свою очередь, могу сказать, что и с настоящего времени я желал бы работать совместно с вами и посему хотел бы обменяться с вами некоторыми мыслями. По-моему, человеческий разум совершенствуется с течением времени, и что если сознавать свои старые ошибки, то в будущем их можно и не повторять, и что если можешь от другого почерпнуть хорошее, то не позорно ему и повиноваться. Далее я полагаю, что идея является матерью действительности, так как, например, когда двадцать лет назад Сунь-

Ят-Сен пропагандировал идеи революции, то в то время против него были почти все граждане нашей страны, но спустя двадцать лет его идеи получили признание. Если бы мы признали его идеи двадцать лет назад, то они не опоздали бы на этот срок своим претворением в жизнь, а если бы мы действовали дружными усилиями, то, вероятно, мы смогли бы достигнуть успеха. Я считаю суньятсеновские идеи осуществимыми в зависимости от занятой нами позиции.

Сунь-Ят-Сен говорил, что, «вглядываясь в прошлое, мы можем понимать будущее», а мы «потерянное в восточном углу земли искали возле западной ее стороны» (китайское изречение, означающее, что члены партии Го-мин-дан слишком поздно спохватились и сознали свои ошибки).

Вы, конечно, превосходите меня в отношении разума во много раз, так что мои слова вам могут показаться детским лепетом, и потому я для того, чтобы высказаться полностью, должен сделать над собой усилие.

Сунь-Ят-Сен говорил, что дело революции может осуществиться в течение ближайших пяти лет. Действительно, при настоящем положении страны, когда страдания народа дошли до своего предела, когда волнения не прекращаются и войска свирепствуют, когда продажность и развратность стоящих у власти воистину приводят страну в состояние смуты, все же можно сказать, что законы окружности остаются неизменными (дословно: если при движении по кругу отправляешься из точки «а», то рано или поздно достигнешь ее), и необходимо воспользоваться моментом и восстать и в стремительном движении уничтожить смуту и восстановить справедливость (китайск. изречен.). Поэтому я говорю, что почти все идеи Сунь-Ят-Сена должны быть осуществлены уже, не ожидая двадцати лет, пока обстоятельства вынудят привести их к осуществлению, как было, например, после свержения маньчжурской династии. Организация китайских революционеров в единую партию является очередной задачей настоящего времени.

Наши враги не знали, что созданный нами тайный союз «Союзная Лига» после 1900 г. превратился в партию Го-мин-дан, и что хотя с внешней стороны партия и расширила сферу своего влияния и весьма укрепила свои силы, но, говоря по существу, она все же не имела определенного лица

и была чрезвычайно разнообразна по своему составу, что было весьма и весьма существенно, так как и китайская поговорка говорит: «если поместить в одном сосуде ароматное растение «сюнь» и вонючую водоросль «ю», то аромата никакого не услышишь».

Несколько наших товарищей хорошо поняли организационные планы и задачи Сунь-Ят-Сена. Он правильно наметил пути к изменению аппарата нашей партийной организации, а равно выдвинул вопросы, касающиеся значения присяги и партийной дисциплины. Он правильно полагал, что нарушение их привело нас к поражению революции, так как некоторые члены партии неосознанно извратили идею истинной свободы, и поэтому-то со времени революции народ не вкусил благ равноправия, ибо эти лица своим беспорядочным поведением и борьбой за привилегии забыли про свой долг перед революцией и не подчинялись установленным порядкам. А когда никто не подчиняется другому, то крайне трудно бывает достигнуть единства стремлений в партии. Поэтому Сунь-Ят-Сен был глубоко прав, когда предполагал, что мы должны подчиниться единому руководству для достижения единства действий и распределения обязанностей. Это нужно было не для того, чтобы притеснять, а для того, чтобы пресечь самовольные действия многих товарищей.

Я полагаю, что всякий желающий достигнуть целей революции, должен уважать взгляды Сунь-Ят-Сена, как «со-звездия почитают полярную звезду». Мы так же, как судно, должны иметь своего рулевого для определения своего курса. В противном случае, если найдутся товарищи, которые будут противодействовать Сунь-Ят-Сену в будущем так же, как противодействовали в прошедшем, то, несомненно, и в будущем все планы Сунь-Ят-Сена потерпят тот же крах. Посему я полагаю, что придерживаться присяги революции и повиноваться приказам Сунь-Ят-Сена является нашим прямым долгом.

В заключение скажу, что многие наши разногласия происходят от того, что нас отделяло большое расстояние, и наши мысли искажались другими лицами при передаче. Но так как наши цели едины, то я желал бы пожать вашу руку и объединиться вместе с вами для борьбы против

нашего общего врага—против страшного удава, захватившего в свои смертельные объятия горло нашей многострадальной родины.

Но довольно. Я, чувствуя, что слова мои не исперывают собой моих мыслей, бросаю кисть.

Чэнь-Ин-Шин.

Весна четвертого года Китайской республики».

Письмо Чэнь-Ин-Шина—документ китайской революции, дающий яркую картинку внутрипартийных отношений среди гоминданцев в эпоху первых лет революции. Большие политические идеи Сунь-Ят-Сена были даже в глазах его сопартийцев политическим идеализмом, который расходился с реальностью китайской действительности. И вот здесь-то, вероятно, и лежит ключ к пониманию той трагедии, которая характерна для Сунь-Ят-Сена, как вождя китайской революции.

Сунь-Ят-Сен оказался идеалистом в глазах китайцев потому, что он принес в китайскую революцию не одну только идею борьбы с монархией, которая в умах китайцев ассоциировалась с расовой борьбой китайцев с маньчжурами, к чему большинство китайцев было подготовлено различными тайными обществами. Но Сунь-Ят-Сен пришел в китайскую революцию с тремя принципами: национализмом, демократизмом и социализмом, что представляло собою продукт западных идей и далеко не всегда укладывалось в сознании широких масс китайцев, втянутых в водоворот революции.

Только тонкая прослойка молодой и немногочисленной китайской интеллигенции, к числу которой принадлежал и сам Сунь-Ят-Сен, понимала проповедуемые им идеи. Сунь-Ят-Сен преломил эти идеи через призму китаизма, пытался их приспособить и сделать доступными китайскому мышлению, но для того, чтобы эти идеи были понятны широким массам многомиллионного Китая, нужно было много времени и соответствующие условия. К сожалению, политическая действительность и реализм борьбы не дали Сунь-Ят-Сену возможности заняться подобного рода пропагандой и углублением его идей, именно поэтому они до самого последнего времени остаются в сыром виде и носят на себе печать незаконченности.

Партия китайской революции Го-мин-дан, лидером которой является Сунь-Ят-Сен, только в последнее время официально приняла «три принципа» учения Сунь-Ят-Сена и только в самое последнее время поставила задачей широкую пропаганду идей суньятсенизма в Китае. Это первая причина трагедии Сунь-Ят-Сена, почему он оказался «фантасмом и идеалистом» в китайской революции.

Другая, более глубокая причина заключается в том, что, будучи представителем китайской интеллигенции, превратившись в профессионала-революционера, Сунь-Ят-Сен не понял значения классовой борьбы и ее исторического значения. Побывав несколько раз в Америке и Европе, Сунь-Ят-Сен усвоил идеи демократизма и социализма в интерпретации Второго Интернационала, но прошел мимо марксизма и недооценил значения рабочего класса в социальной борьбе. Возможно, что Сунь-Ят-Сен недооценил значение рабочего класса потому, что в начале своей революционной деятельности он не видел в Китае рабочего движения, которое выявилось позднее, и с которым отец китайской революции в последние годы начинает серьезно считаться.

По методам своей революционной работы Сунь-Ят-Сен — типичный бланкист. Своеобразные методы комплектования армии в Китае позволили ему и его друзьям по партии широко использовать китайских солдат для формирования из них революционных отрядов. Это и привело Сунь-Ят-Сена к формам своеобразной милитаризированной революционной организации, которая подменила широкую массовую революционную организацию, базирующуюся на классовых требованиях.

Однако, было бы большой ошибкой утверждать, что у Сунь-Ят-Сена совершенно отсутствует понимание социальных элементов борьбы труда и капитала, — эти ноты у него звучат. И еще меньше его приходится обвинять в непонимании роли и значения массовой партии. Развитие капитализма в Китае, а равно рост рабочего движения заставили сейчас Сунь-Ят-Сена более серьезно отнестись к рабочему вопросу, что и нашло свое отражение в позднейшей реорганизации Го-мин-дан, а равно включении в ее программу параграфов, касающихся рабочего класса.

Но если обратиться к «трем принципам» учения Сунь-

Ят-Сена, то нужно признать, что социализм, как один из принципов его учения, разработан наименее всего. «Пропорциональное разделение земли», которое выдвинуто Сунь-Ят-Сеном, как первейшая и наиважнейшая задача его социальной программы, вытекает из того, что Китай является аграрной страной, страдающей от переизбытка населения. Аграрная программа Сунь-Ят-Сена во многом напоминает идеи (единого налога) Генри Джорджа, влияние которого здесь несомненно. Вторая часть социальной программы связывается с проблемой индустриализации Китая, где Сунь-Ят-Сен упирается в проблему привлечения иностранного капитала в Китай для осуществления грандиозного плана экономического возрождения Китая. Вообще у Сунь-Ят-Сена проблема труда слабо представлена в его учении, и если он ее касается, то скорее мимоходом.

Все это делает Сунь-Ят-Сена идеологом реформации Китая, который, выдвигая грандиозные планы реформации, является вместе с тем политиком, который борется за создание таких политических условий в Китае, которые обеспечили бы последнему возможность этой реформации. Демократизация Китая (один из принципов Сунь-Ят-Сена) имеет задачей именно создание в Китае таких политических условий, которые позволили бы развернуть огромные дремлющие производительные силы Китая.

Исключительный революционный темперамент Сунь-Ят-Сена увлек его в сторону политической борьбы. Отсюда превращение Сунь-Ят-Сена в политика, который на первый план выдвинул задачи политической борьбы, а равно и мышление его тоже нашло свое выражение в его схеме политического устройства Китая в виде «Конституции пяти видов» (или «Конституций пяти сил», как ее еще называют), в которой Сунь-Ят-Сен подверг систему европейского конституционализма своеобразной критике. В этой работе Сунь-Ят-Сена сказался больше всего его китаизм, который лег в основу пяти видов государственной власти, вместо трех видов, получивших гражданство с легкой руки Монтескье. Наряду с властью судебной, законодательной и исполнительной Сунь-Ят-Сен вводит, основываясь на опыте китайской истории, еще две власти: наказания (цензуры) и проверочных испытаний. Первая должна карать преступ-

ность властей, вторая обеспечивать доброкачественный. знающий свое дело состав государственных чиновников. Нельзя сказать, чтобы в этих поправках Сунь-Ят-Сена не было некоторого здорового ядра. Достаточно вспомнить нашу Рабоче-Крестьянскую инспекцию и идею Ленина о функциях ЦКК, чтобы понять, что Сунь-Ят-Сен отнюдь не случайно выдвигал идею параллельных с законодательной, судебной и исполнительной властями еще институтов власти, которые обеспечивали бы государство от злоупотребления властей и содействовали бы подбору хорошего административного персонала. У нас эти функции взяла на себя правящая партия рабочего класса. Сунь-Ят-Сен хотел это втиснуть в рамки конституции.

Как политик, Сунь-Ят-Сен представляет очень колоритную фигуру нашей эпохи. В приводимых нами ниже документах китайской революции, в письмах Сунь-Ят-Сена, в фактах из его политической деятельности читатель увидит, каким дальновидным политиком является Сунь-Ят-Сен на всем протяжении своей политической деятельности. Этим, вероятно, и нужно объяснить в значительной степени то, что Сунь-Ят-Сен привлекает к себе внимание не одного Китая, а буквально всего мира, который видит в Суне активнейшего китайского политика.

Советского читателя политик Сунь-Ят-Сен должен интересовать со стороны его отношения к Советской России. Поэтому мы позволим остановиться на этом вопросе несколько подробнее, тем более, что нигде мы на этом вопросе специально не останавливаемся.

Сунь-Ят-Сен, несомненно, реальный политик, и как таковой, он является реалистом в своей международной политике. Некоторые его считают американофилом. На заре своей революционной деятельности он широко использовал Японию и отчасти Францию. Но вот пришла китайская революция 1911 года, и Сунь-Ят-Сен едет в Англию для того, чтобы парализовать действия Японии, которая, по его расчетам, должна была поддерживать династию Дайцингов. Америка импонирует Сунь-Ят-Сену своей мощью, техникой и богатством, но последние его выступления против американского империализма говорят за то, что Сунь-Ят-Сен при всех своих симпатиях к Америке остается китайцем, ведущим реальную политику.

Неудивительно поэтому, что царская Россия была врагом для Сунь-Ят-Сена, и наоборот, Советская Россия, отказавшаяся от агрессивной политики на Дальнем Востоке, стала его другом. Начиная, примерно, с 1920 года между Сунь-Ят-Сеном и отдельными представителями советской государственности ведется переписка, которая говорит об исключительном интересе Сунь-Ят-Сена к опыту русской революции.

И это понятно. Русская революция была откровением для Сунь-Ят-Сена. Она открыла ему новые горизонты; она сдвинула с мертвой точки его идеологию и яснее очертила международные перспективы. Сунь-Ят-Сен понял значение Советской России, как огромного фактора международной политики будущего, и фиксировал это в ряде документов, один из которых мы сейчас приводим.

Это письмо Сунь-Ят-Сена к представителю СССР в Китае тов. Карахану.

«Я глубоко тронут вашей великодушной оценкой моей постоянной дружбы к Новой России и я утверждаю, что никакая критика тех идей, которые вы защищаете, не может помешать и не помешает мне согласиться с вами, что истинные интересы наших стран требуют создания общей политики, которая даст нам возможность жить на условиях равенства с другими державами и освободит нас от политического и экономического рабства, навязанного нам международной системой, опирающейся на силу и работающей методами экономического империализма. Вы вполне правильно чувствуете себя уверенным перед лицом манифестаций, симпатий и приветствий, с которыми вас встретили по приезде в Китай. Мои сограждане, я убежден, искренне желают успеха вашей миссии, особенно в вопросе о формальном признании советского правительства. Но ваше самое значительное затруднение состоит в ведении переговоров с политической группой, которая, кроме того, что она абсолютно не представляет китайский народ, перестала иметь даже видимость национального правительства, и ее дипломатия в действительности руководится скорее желаниями и указаниями некоторых иностранных держав, чем жизненными интересами Китая, как независимого и суверенного государства. Вы уже имели яркий пример этого китайского прислу-

живания чужеземным интересам на приеме, данном в вашу честь пекинским делегатом, который назначен вести переговоры с вами. Он предложил вам сформировать советскую политику по образцу американской, и вы должным образом ответили ему, заявив, что Россия никогда не будет следовать примеру Америки и не приложит своей подписи к такому документу, как Линченская нота. Россия никогда не будет требовать права экстерриториальности или капитуляции, не будет учреждать судов или администрации на китайской почве. Россия отказывается от всех концессий и привелегий, нарушающих суверенитет или интересы китайского народа. Россия установила в своих отношениях с Китаем принцип полного и абсолютного равенства. От имени китайского народа я должен выразить вам мое восхищение и благодарить вас за то, что вы, прочитали этот памятный урок политического реализма покорному слуге теперешних хозяев Пекина.

Сунь-Ят-Сен.

Этот документ, одобряющий советскую политику в отношении к Китаю, равно как и решительное отмежевание Советской России от методов и политики Америки в Китае, является чрезвычайно интересным документом, который свидетельствует о правильном понимании Сунь-Ят-Сеном значения, которое приобретает Советская Россия в международных делах. Это заявление тем более показательное, что Сунь-Ят-Сен в проявлении своих симпатий к Советской России был очень осторожен, заявляя, что открытая ориентация его в сторону Советской власти может повлечь неприятные для южного Китая последствия, в виде блокады, чего он хотел избежать.

Сунь-Ят-Сен—революционер, и ему импонирует одержавшая победу русская революция, отсюда симпатии к Советской России, отсюда внимательное изучение опыта последней и даже попытки применить этот опыт в условиях китайской действительности. Он еще не заявил себя сторонником советской системы, он продолжает оставаться при своих «трех принципах» и «конституции пяти видов», но мы отнюдь не удивимся, если его интерпретация и принципов, и конституции получит тот или иной советский уклон.

Почему? Да потому, что Сунь-Ят-Сен—революционер. Его

историческая роль для Китая,—роль революционера, бунтаря, который ломает тысячелетнюю косность Китая и организует трудящихся Китая для того, чтобы построить новый Китай. Он—вечная оппозиция китайской реакции, он—кипучая и неукротимая борьба. Но, ведь, это нужно для того, чтобы использовать процесс капиталистического развития Китая и всколыхнуть до самых глубин страну Конфуция, чтобы привести в движение это безбрежное людское море и не дать ему вновь погрузиться в спячку. Эту роль Сунь-Ят-Сен выполняет с честью.

В 1922 году, в наиболее критический для него момент, когда против него в Кантоне выступил Чень-Цзю-Мин, Сунь-Ят-Сену был задан вопрос: что вы будете делать, в случае полной неудачи на Юге?

Сунь-Ят-Сен, не задумываясь, ответил:

— Буду бороться до конца. Превращусь в странствующего агитатора, буду вести борьбу за те идеи, за которые я боролся до сих пор.

И это отнюдь не была бравада. Нет, в этих словах сказался старый борец—отец китайской революции, который именно этой несокрушимой революционной энергией страшен всему реакционному Китаю и импонирует китайской молодежи, которая видит в нем отважного борца за новый Китай.

Таков Сунь-Ят-Сен—отец китайской революции.

I

КИТАЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

- 1) Как готовилась китайская революция
- 2) Двенадцать лет гражданской войны
- 3) Сунь-Ят-Сен и гражданская война
- 4) Борьба классов в современном Китае

Как готовилась китайская революция?

(Из воспоминаний Сунь-Ят-Сена ¹⁾).

Мой призыв к осуществлению резолюции в Китае имел успех, и разрушительная часть революции, в виде свержения монархии маньчжуров, уже осуществлена, но созидательная ее часть еще далеко не начиналась. Все же я не теряю надежд на успешное завершение китайской революции. Поэтому я отдал все свои силы делу китайской революции.

В первом году республики, когда европейские литераторы и ученые посвящали тысячи статей китайской революции и подходили к фактам китайской революции больше с точки зрения морали, не касаясь их сущности, я выпустил первую главу своих «Записок о китайской революции», в которой излагал весьма сжато и кратко, как двадцать лет назад успех революции в Китае являлся вопросом очень спорным.

Находясь тогда в Лондоне, я не мог назвать себя одним из основателей общества «Возрождения Китая». Это тогда было связано с угрозой моего преследования. В настоящее время я возобновляю по памяти содержание этой главы своих воспоминаний, пополняя ее фактами прошедших тридцати лет, которые я раньше опускал в силу понятных соображений конспирации.

Со времени зарождения у меня идеи революционной борьбы до момента создания «Союзной Лиги» (основное ядро

¹⁾ Настоящая глава заимствована из книги Сунь-Ят-Сена „Записки о китайской революции“, опубликованной им на китайском языке в 1918 году.

партии Го-мин-дан) я был человеком, который делал революцию, и посему все мои революционные дела были весьма несложны. Я мог бы по пальцам перечестъ фамилии лиц, признававших в то время мои идеи. Со времени создания «Союзной Лиги» работа значительно усложнилась, и мне, конечно, не перечестъ имена всех патриотов-эмигрантов, равно как и революционеров-героев на нашей родине. Я пишу свои записки, как материалы для будущего историка партии Го-мин-дан.

С 1885 года, т.-е. со времени нашего поражения после войны с Францией, я поставил себе задачей свержение Дайцинской династии и учреждение на ее развалинах Китайской республики. С самого начала для своей пропаганды я избрал училище, в котором я учился, и докторское искусство в виде тетушки, которая вывела бы меня на широкий свет общественности.

Десять лет прошли, как один день. В кантонской медицинской школе я подружился с Чжен-Ши-Ляном, у которого был очень обширный круг знакомств среди бывалых людей, знающих Китай. Когда я заговорил о революции, пропагандируя ее идеи, он с радостью согласился со мною и заявил, что согласен немедленно вступить в партию, если я соглашусь руководить ими в революционном деле. Пробыв год в кантонской школе, я узнал, что в Гонконге открылась английская медицинская школа с более обширной программой, чем кантонская, тогда я, соблазненный еще тем обстоятельством, что там мне представлялось большое поле для развития моей революционной пропаганды, я направился в Гонконг продолжать свое образование и в течение четырех лет все время, свободное от учебных занятий, я отдавал делу революционной пропаганды, переезжая взад и вперед из Гонконга в Амой. В то время я почти не имел сторонников, исключая трех лиц, проживавших в Гонконге: Чэнь-Шао-Бо, Ю-Шао-Чжи и Ян-Хо-Лин, а также одного из шанхайцев, а именно Лу-Ко-Дун. Остальные же избегали меня, как мятежника, сторонясь, как зачумленного.

Живя вместе с тремя своими друзьями, Чэнь-Ю и Ян-ом в Гонконге, мы все время вели споры о революции. Наши мысли были устремлены в сторону задач китайской рево-

людин. Мы, главным образом, изучали историю революций. Когда бывало мы соберемся и не поговорим о революции, то не чувствуем и радости. Так прошло несколько лет, и мы получили у своих знакомых прозвище «четырех великих и неразлучных разбойников». Для меня это был период революционных споров и подготовки.

По окончании школы я оставил свое внимание на двух местах Амоэ и Ян-чэне, как-будто для практики, а в действительности для того, чтобы приступить к делу революционной пропаганды. В то же время Чжэнь-Ши-Лянь начал вербовку членов партий. Я и Лу-Ко-Дун отправились на север в Пекин и Тянь-цзинь для того, чтобы изучить, насколько прочно положение династии Дайцингов, а оттуда мы отправились в У-чан для изучения тамошнего положения.

В 1894 году мы решили, что настал подходящий момент, и отправились в Филиппины для организации «Общества возрождения Китая», имея своей целью войти в связь с филиппинскими резидентами в целях получения от них помощи. Однако, мы не учли, что момент для революции еще не созрел; результатом нашей пропаганды на Филиппинах явилось всего десять человек сочувствующих, из которых только двое братьев Дэн-Инь-Нань и Дэн-Дэ-Чжан соглашались идти на большие жертвы в пользу нашего общего дела.

Это было как-раз в то время, когда императорские армии терпели одно за другим поражения *). После потери Кореи монархия утратила обаяние своего могущества, так как пред всеми китайцами ясно раскрылся распад и гниль маньчжурской династии. Шапхайский товарищ Сунь-Юэ-Жо письменно потребовал нашего возвращения на родину. Я, Дэн-Инь-Нань и трое других товарищей вернулись на родину для дальнейшей работы, имея своей целью организовать восстание в Кантоне и захватить его.

Наш комитет находился в Гонконге, наше бюро находилось в Ян-чэне. В то время в комитете работали Дун-Инь-Нань, Ян-Цзюй-Юнь, Хаунь-Юнь-Шань, Чэнь-Шао-Бо и

*) Это был момент японо-китайской войны, когда Япония наголову разгромила китайские армии. В. В.

др., а в нашем бюро в Ян-чэне работали Ло-Ко-Дун, Чжэнь-Ши-Лянь и несколько американских инструкторов и генералов. Я часто ездил между Кантоном и Гонконгом. Наши задачи к тому времени вполне определились. Приготовления были в полном разгаре. Сил у нас было накоплено много, и можно было одним ударом уже достигнуть очень многого. Но как-раз в это время власти обнаружили перевезенное нами оружие (500 штук револьверов), и один из достойнейших наших товарищей Лу-Ко-Дун был казнен. Это была первая жертва, принесенная нами на алтарь китайской революции. Одновременно с ним были арестованы и казнены Це-Сы и Чжу-Гуй. Арестовано было около семидесяти человек, среди них кантонский адмирал Цин-Куй-Гуан.

День 9-го сентября 1895 года я считаю днем своего первого революционного поражения. Три дня после поражения я все еще находился в Кантоне, а десять дней спустя я вынужден был проселочными дорогами пробраться в Гонконг и оттуда вместе с товарищами Чжэнь-Ши-Лянем и Чэнь-Шао-Бо отправились в Японию, предполагая высадиться в Иокогаме. Я снял свои волосы (косу) и надел европейскую одежду, в виду того, что время моего возвращения на родину было неопределенно. Затем я поехал на Филиппинские острова, Чжэнь-Ши-Лянь отправился на родину восстанавливать прежнее положение, существовавшее до нашего разгрома, а Чэнь-Шао-Бо остался в Японии для изучения политического положения. Я был познакомлен в то время с японцем Сугавара, а затем мы познакомились и вошли в связь с Сонэи и Миязаки,—это было началом дружеских связей китайских революционеров с японцами.

Прибыв на Филиппинские острова, я стал собирать товарищей для усиления нашего «Общества возрождения Китая», но даже старые товарищи вследствие поражения не скрывали своего отчаяния, а некоторые просто отреклись от наших идей. Вследствие того, что не было еще соответственных предпосылок для развития революционного движения, его развитие несколько замедлило темп. Мне нечего было долго оставаться на Филиппинах, и я решил поехать в Америку для того, чтобы связаться с организацией тамошних китайских резидентов.

День моего отъезда был назначен, я прогуливался за

городом, встретил карету, едущую мне навстречу, и, оказывается, это ехал мой учитель Кандэли с супругой. Я вскочил на подножку. Оба они сильно удивились и даже испугались, приняв меня, очевидно, за злоумышленника. Они не узнали меня, так как я сильно изменил свою наружность. Когда же я сказал: «Я—Сунь-Ят-Сен», то они, смеясь, стали пожимать мне руку. Я спросил их, как это они попали сюда. Они отвечали, что держат путь на родину, а здесь гуляют, пользуясь установкой судна. Я предложил свои услуги в качестве проводника, что было принято ими. После прогулки я сообщил им, что совершу в ближайшем будущем кругосветное путешествие и надеюсь быть также в Лондоне проездом через Америку. С этим мы расстались, дружески попрощавшись.

В Америке в среде китайских резидентов и эмигрантов я нашел атмосферу еще более затхлую, чем на Филиппинах. Я пересек материк из С.-Франциско в Нью-Йорк. По пути я останавливался на несколько дней, самое большее на десять дней, и всюду проповедывал, что для спасения родины от грозящей ей гибели следует свергнуть Дайцинскую династию, и что долг каждого гражданина-китайца перестроить Китай на новых, демократических началах.

Несмотря на то, что я напрягал все силы в этой пропаганде, объекты нашей пропаганды все же оставались безучастными и мало признающими идеи китайской революции. Однако, все же среди американских резидентов существовали в довольно большом количестве так-называемые общества Хун-мэнь, которые, впрочем, выродились к моему времени в общества взаимопомощи. История возникновения этих обществ такова: сторонники Минской династии поднимали несколько восстаний против Дайцинской династии и терпели всегда поражения от императорских войск, и когда в эру правления Кань-Си маньчжурская династия достигла расцвета своего могущества, то все усилия сторонников Минской династии оказались обреченными на неудачу ¹⁾. Они частью поплатились жизнью за свои дерзновения, частью же успели спастись. Видя невозможность свержения Дай-

¹⁾ Цин (или Дайцин) последняя династия Китая, вышла из Маньчжурии в виде воинственного племени и в 1644 году захватила Китай, свергнув династию Мин. От 1644 до 1911 г. маньчжурская династия имела 10 китайских императоров,

цингов, они ухватились тогда за идею национализма и стали проповедывать ее, передавая эту задачу из поколения в поколение. Главной их целью при организации обществ Хун-мэнь было свержение Дайцинской династии и реставрация Минской династии. Самая же идея национализма была у них вспомогательной. Все свои дела они вели в большой тайне, остерегаясь правительственных чиновников, скрываясь также и от китайской интеллигенции, считая ее глазами и ушами китайского правительства. Зная психологию масс, общества Хун-мэнь распространяли свои националистические идеи путем постановки различных пьес, чем сильно действовали на китайскую толпу. В распространяемых ими идеях все зиждилось на пробуждении чувств недовольства своим положением, существующим неравенством и необходимости мести. Их паролями и лозунгами были грязные простонародные словечки, и интеллигенты-китайцы из чувства отвращения избегали их.

Партийная спайка, которая давала им помощь в беде, а равно некоторую согласованность в совместных действиях, оказалась весьма кстати для бродячего элемента и для различных блудных китайских сынов. Националистические же идеи давали им помощь в борьбе против ненавистной Дайцинской династии и, следовательно, питали надежды на реставрацию Минской династии.

Население Китая имело постоянные столкновения с чиновниками императорской власти и никогда не оставляло позиции противодействия к Цинской династии. Лозунги «Долой Цин, да здравствует Мин» были дороги и близки многим китайцам. Но в отношении наших заморских резидентов нельзя сказать того же, так как они, находясь в свободном государстве за границей, утратили необходимость организации обществ боевого характера. Поэтому немудрено, что в Америке общества Хун-мэнь утратили свою политическую окраску и превратились в кассы взаимопомощи. Многие члены обществ Хун-мэнь не уяснили себе смысл и точные цели, которые преследовало их общество. Когда я во время своего пребывания в Америке обратился к ним и спросил, для чего им нужно свергнуть Цинскую династию и реставрировать Минскую династию, то очень многие не могли мне дать положительного ответа. Впоследствии, когда наши то-

варищи вели длительную революционную пропаганду в Америке, в течение нескольких лет, только тогда члены общества Хун-мэнь уяснили себе, что они являлись старыми национал-революционерами.

Однако, мое пребывание в Америке не имело большого значения для дальнейших судеб китайской революции, но все же оно вызвало страхи и опасения со стороны императорского правительства. Поэтому по прибытии моем в Лондон я едва не попался в лапы императорского посольства, но от беды меня спас мой учитель Кандэли. Ему я обязан спасением от грозившей мне большой опасности.

Счастливо выбравшись из Лондона, я направился в Европу для изучения методов ее политического управления, а также для того, чтобы познакомиться с представителями оппозиционных партий. В Европе я понял, что хотя передовые европейские державы и достигли могущества и народоправия, но не могли дать полного счастья своим народам. Поэтому выдающиеся европейские революционеры стремились к социальной революции, и я, поставил задачу одновременного разрешения путем революции вопросов народной экономики, национальных задач и народоправства, откуда и родилась у меня так-называемая «Сань-минь-чжу» или трехпринципная демократическая идея.

Главной задачей в своей жизни я ставил себе революцию, и поэтому я поспешил не задерживаться в Европе, чтобы не терять дорогого для революции времени. Я поехал в Японию, полагая, что там, ближе к Китаю, можно будет успешнее реализовать наши революционные планы. По прибытии в Японию меня в Йокогаме встретили два лидера японской народнической партии. Впоследствии, когда мы встретились в Токио, то были уже словно старые друзья и обо всех вопросах, касающихся Китая, беседовали с большой откровенностью. В то время как-раз японская народническая партия пришла к власти, и Окума был назначен министром иностранных дел. С ним меня познакомили, равно как и с другими японскими политическими деятелями. Это было первое наше сношение с представителями японских правительственных кругов. Затем я познакомился с Соезима и др. представителями японской оппозиции,

Впоследствии все они много помогли делу китайской революции.

Китайских резидентов в Японии было до десяти тысяч, но атмосфера, царившая среди них, была затхлая. Они страшно боялись идей революции, так же, как и китайские резиденты в других странах. Наши товарищи в течение нескольких лет вели работу среди них, но, тем не менее, прикнувших к революционному движению оказалось всего сто с чем-то человек, что не составляло и 1% общего количества наших резидентов в Японии. Если пропаганда революционных идей среди резидентов и эмигрантов была так трудна и малоуспешна, то пропаганда революционных идей в Китае была делом еще более трудным. Китайцы не чуждались идеи свержения маньчжурской династии и охотно вступали в нашу партию, но сознательность их была весьма слаба, и спайка среди них также отсутствовала, убежденности у них не было никакой, ими можно было пользоваться, как пассивной силой, но ни в коем случае они не были активной силой.

С 1895 года, т.е. со времени нашего первого поражения, до 1900 года прошло пять лет, которые были периодом чрезвычайно трудным и мучительным для китайского революционного движения. Созданный нами революционный фундамент в течение десяти лет, как в смысле работы каждого из наших товарищей, так и в смысле занятых нами позиций, был разрушен. Пропаганда за границей также имела мало успеха. В это же время выросли монархические организации, выступившие на политическую арену с необыкновенной яркостью. Наши надежды были почти разбиты, но наши товарищи не приходили в уныние и бодро смотрели вперед.

Я послал Чэнь-Шао-Бо в Гонконг для издания там газеты для распространения революционных идей, а Ли-Цзянь-Жо приказал отправиться в провинцию Чжен-цзянь для организации тамошних сил. Чжэнь-Ши-Ляню приказал отправиться в Гонконг для учреждения там нашего организационного бюро и привлечения в Гонконге новых членов в нашу партию.

Очень скоро произошло слияние «Общества возрождения Китая» с организациями, зародившимися в Гуан-дунской про-

винции и другими провинциальными организациями бассейна Янцзы.

К этому же времени подоспело движение, инспирированное маньчжурской династией, так-называемое «боксерское восстание». Восемь иностранных держав ввели в Китай свои войска и открыли военные действия. Я решил, что этот момент не следует упускать, и приказал Чжэнь-Ши-Ляню отправиться в Гуй-чжоу для организации там выступления и с такими же заданиями отправил Ли-Цзянь-Жо в Ян-чэн. Пока все эти приготовления велись весьма лихорадочно, я с несколькими иностранными офицерами поехал в Гонконг, рассчитывая оттуда водными путями пробраться на родину, там лично принять руководство над лучшими сынами родины и организовать дисциплинированную революционную армию для спасения Китая от гибели. Но совершенно неожиданно для меня я был предан каким-то негодяем, и гонконгские власти подвергли меня обыску и не позволили высадиться на берег. Таким образом, я не смог осуществить свой первоначальный план. Поэтому все хужоуское дело я возложил на Чжэнь-Ши-Ляня, послав в Гонконг для оказания ему помощи Ян-Цзюя, Юнь-Ли-Цзи, Чэнь-Шао-Бо и др., а сам вернулся в Японию, откуда пробрался на Формозу, предполагая снова придумать возможность пробраться внутрь Китая. Генерал-губернатор Формозы был тогда Комада, человек, весьма сочувствовавший китайской революции, так как находил, что Север весь находится во власти анархии. Он поручил одному из своих помощников войти в переговоры со мной, обещая в случае возникновения серьезного дела оказать нам поддержку.

Я расширил наш первоначальный план, увеличив количество офицеров-специалистов, так как тогда наша партия располагала слишком незначительным количеством сознательных военных специалистов. С другой стороны, я приказал Чжэнь-Ши-Ляню изменить первоначальный план наступления на главный город провинции, а сперва захватить приморскую полосу в свои руки и сконцентрировать там наши силы, и потом уже повести наступление. Чжэнь-Ши-Лянь по получении моего приказа немедленно отправился к месту своего назначения. Предводительствуя, главным образом, крестьянскими отрядами, он атаковал цинских сол-

дат, расположенных в Синь-ане и Шэнь-чуан и разоружил их, а затем повел наступление на Лун-ган, Таншуй-Юн-ху и другие пункты и всюду имел успех, так что императорские войска стали разбегаться, как только приходили в соприкосновение с его авангардами. Вслед за этим он захватил последовательно всю приморскую полосу от Синь-аня, Да-пэна до Хуй-чжоу и стал дожидаться моего прихода с нашими сторонниками, а также подвоза оружия и военного снаряжения. Однако, совершенно неожиданно для нас в десятый день после выступления наших революционных армий совершились перемены в японском правительстве, и новый премьер занял позицию в отношении Китая, совершенно противоположную позиции его предшественника. Он запретил всякого рода переговоры формозского генерал-губернатора с китайскими революционерами, а также воспретил вывозить оружие, равно как воспретил японским офицерам вступать в революционную китайскую армию. Этим нарушался весь мой план. Я послал Ямада и несколько товарищей в лагери Чжэнь-Ши-Ляня известить его об этом, приказав ему поступать сообразно обстоятельствам момента. Когда Ямада и другие товарищи прибыли в место расположения войск Чжэнь-Ши-Ляня, то уже прошло тридцать дней после начала военных действий. Была собрана за это время армия в 10 тысяч человек, которая с нетерпением ожидала подкрепления оружием и командным составом.

Когда же ими было получено сообщение со стороны Ямада, то было немедленно решено распустить войска и Чжэнь-Ши-Лянь с несколькими сотнями наших товарищей вернулся в Гонконг. Ямада заблудился, был схвачен императорскими войсками и казнен. Это был первый иностранец, принесший свою жизнь в жертву на алтарь китайской революции. В то время, как Чжэнь-Ши-Лянь яростно воевал, Ли-Цзянь-Жо в Кантоне пытался откликнуться и помочь ему, но неудачно. Тогда он решил бросить бомбу в помещение, где находилось управление делами губернатора двух провинций Гуан (Гуан-дун и Гуан-си), но бомба не разорвалась, его же арестовали и казнили. Это был второй герой, погибший за республику. Он был человек с сильной волей, умен, искренен; в то же самое время его можно сравнить с Лу-Ко-Дуном, их храбрость и их таланты имели

очень много сходства: они оба одинаково хорошо рисовали и писали стихи *). Лу-Ко-Дун был храбр, а Ли-Цзянь-Жо неустрашим, и воистину жалко, что вследствие поражения мы потеряли достойнейших людей своего века. Воистину приходится сказать, что гибель этих героев была печальной для будущего китайской революции, но духовное богатство и храбрость двух погибших товарищей достойны подражания всех оставшихся в живых. Я всегда доминаю их, хотя они и умерли, но «их души все продолжают витать вокруг моей груди».

Дело 1900 года было вторым поражением китайской революции. Однако, после этого поражения настроения китайского народа к нам значительно изменились. После первого нашего поражения все смотрели на нас, как на каких-то смутьянов, разбойников, творящих что-то весьма несправедливое. Нас осыпали проклятиями и бранью, на нас смотрели, как на ядовитых змей, и избегали знакомства с нами. После поражения 1900 года хотя и громко звучали прежние голоса, проклинаящие нас, но нашлось уже много сознательных китайцев, которые сожалели о нашем поражении и выражали нам свое сочувствие. Если сравнить все это с прошедшим, то мы найдем здесь, конечно, колоссальную разницу, и наши товарищи, наблюдая эти обстоятельства, страшно радовались в душе этим признакам постепенного пробуждения Китая от сна. Обаяние могущества династии Дайцингов окончательно рассеялось, когда войска восьми государств вступили победителями в Пекин, а представители императорского дома бежали и после примирения согласились на 100-миллионную сумму возмещения убытков. Материальное благосостояние китайского народа ухудшалось, грозная опасность нависла над нашей родиной. Все сознательные китайцы стали понимать, что Китай на краю гибели. С этого момента начинает нарастать новая революционная волна.

В это же время почти все провинции начали посылать студентов в Японию для получения там образования. Среди приехавших в Токио учиться студентов оказалось много людей со свежими молодыми головами. Они сразу ухвати-

*) Признаки большой образованности китайца.

лись за революционные идеи и вскоре вошли в революционное движение. Все споры студентов того времени, все их мысли вращались вокруг революционных вопросов. Лю-Чэн-Юй на студенческом новогоднем собрании произнес большую речь о революции во имя свержения маньчжурской династии. Он был исключен из университета по настоянию дайцинского посла в Токио. Другие студенты, в роде Цзи-Юань-Чэн, Чэн-Чжа-Чжай, Чжай-Боцюань, издавали народные газеты для пропаганды идей революции.

Это революционное движение среди китайского студенчества перебросилось в Китай. В Шанхае студенты Чжан-Тай-Янь, У-Вей-Хой, Чжо-Жун и другие воспользовались христианскими газетами для революционной пропаганды. Действия эти были обжалованы представителями императорской власти, вследствие чего они были арестованы и заключены в концессионную тюрьму. Одному из них, впрочем, удалось бежать за границу. Затем последовал единственный в своем роде процесс, когда династия обжаловала отдельного человека перед иностранным судом, выиграла процесс, и Чжо-Чжан был осужден на два года тюремного заключения.

Между тем, народное движение все усиливалось. Резиденты сильно приветствовали появление в свет книги Чжо-Жуна «Революционная армия», в которой он с большей силой выступает против Дайцинской династии. И она сыграла большую роль в революционном движении китайских резидентов. Этот период я считаю началом эпохи широкого развития китайского революционного движения.

В 1900—1903 гг. во время наших сношений аннамский губернатор Таомэй несколько раз поручал токийскому французскому консулу пригласить меня для личного свидания с ним, но я все как-то не мог выкроить свободное время для этого. Во время открытия выставки в Хэнэй я поехал туда, но когда прибыл в Аннам, то узнал, что Таомэй ушел в отставку и выехал на родину, велел своему старшему секретарю радушно принять меня.

Во время своего пребывания в Хэнэй я познакомился с Хуа-Лун-Шэном, Ва-Цей-Тин, Ва-Би-Ян, и другими товарищами; все они впоследствии сделались нашими единомышленниками и принимали большое участие в деле под

Цянь-Лянем. По окончании хэнэйской выставки, я снова отправился в кругосветное путешествие через Японию в Америку.

При проезде через Японию меня встретили Ло-Чжун-Кай, Фу-Фу-Ма и другие, выразившие свое полное сочувствие революции. Я поручил им создать организацию среди наиболее сознательных товарищей. Впоследствии при создании нашей «Союзной Лиги» они привели с собой нам очень много сил. После поражения в Гуй-чжоу в период до создания «Союзной Лиги», к нам присоединились граждане Ли-Цзи-Тань, Хун-Цюань-Фу в Кантоне и Хуан-Кэ-Цен и Ма-Фу-И в провинции Ху-нань. Революционное движение в Китае значительно укреплялось. Резиденты, проживавшие за границей, под влиянием революционной пропаганды студентов и народного движения в Китае постепенно склонились в сторону революции и при моем проезде через Японию повсюду выражали мне свое сочувствие.

Весною 1905 года я снова приехал в Европу, и находившиеся там студенты в большинстве своем являлись сторонниками революции. Они только-что прибыли в Европу из Японии или из Китая. Революционная война охватила их, и они скоро от споров о революции стали переходить к непосредственному революционному действию. Я изложил тогда свои долго оберегаемые идеи трехпринципного демократизма и «конституции пяти видов», чтобы под их лозунгами создать революционную организацию.

Первое собрание мы имели в Брюсселе, и в наш союз вступило 30 человек. Второе собрание было организовано в Берлине, и там в наш союз вступило 20 с лишним человек. Третье собрание было в Париже, и там вступило в союз 10 человек; четвертое собрание, в Токио, дало нам несколько сот новых членов в наш союз. В нашем союзе находились представители всех провинций Китая за исключением провинции Ган-су, так как Ган-су не дала еще своих студентов в Японию. Во время создания нашего союза слово «революция» являлось еще страшным, и поэтому наш союз просто назывался «Союзной Лигой», каковое название он сохранял довольно долго. После создания «Союзной Лиги» я стал верить, что перед нами открывается новая эра китайской революции. До этого я не раз встречался с большими труд-

ностями, я подвергался оплеванию и осмеянию со стороны всех. Я не раз терпел поражения, но я дерзновенно подвигался вперед, хотя, признаться, я и не мечтал, что дело свержения маньчжурской династии будет совершенно еще при моей жизни. Однако, с осени 1905 года, после создания революционной «Союзной Лиги», я уверовал, что великое дело китайской революции будет завершено еще при мне, именно тогда я решился выдвинуть лозунг создания Китайской республики и выступить с ним перед всеми членами нашей партии, для того, чтобы они, возвращаясь по домам, в свои провинции, широко пропагандировали необходимость революции во имя создания Китайской республики. Прошло не более года, число вступивших в нашу «Союзную Лигу» уже достигало 10 тысяч человек. Отделы были организованы почти во всех провинциях, и с этого времени революционное движение сделало гигантский скачок вперед, и дальнейшее развитие революционного движения превзошло все мои ожидания.

Иностранные правительства в то время тоже стали благоприятно относиться к китайским революционерам. Однажды во время своего пути в Японию, когда я проезжал У-сун, ко мне явился французский офицер Букаби по приказанию своего главного начальства для свидания со мной и передал мне, что его правительство имеет намерение поддержать китайскую революцию, и затем спросил меня, в каком положении находятся революционные силы. Я рассказал ему об истинном положении дел. Тогда он снова спросил меня, как обстоит дело с организацией военных сил в провинциях и связью с местами, добавляя, что если в этом вопросе все обстоит благополучно, то его правительство немедленно окажет помощь. На это я ответил ему, что в этом отношении еще не все сделано, и просил послать агентов для оказания помощи, а также для того, чтобы расследовать положение дел и установить связь. Они тогда послали из тяньцзинского штаба офицеров в мое распоряжение.

Я приказал Ло-Чжун-Каю создать бюро в Тянь-цзине, приказал Ли-Чжун-Ша с некоторыми офицерами отправиться в провинции Гуан-дун и Гуан-си для обследования положения дел, далее я приказал Ху-И-Шэну с несколькими офицерами отправиться в провинции Сы-чуань и Юнь-

нань, также для ознакомления с тамошним положением, а также приказал Цяо-И-Чжаю с теми же целями отправиться с несколькими офицерами в Нанкин и У-хань. (Это общее название трех городов: У-чан, Хань-коу и Хань-ян). В то время в Нанкине и У-чане находились свежие мобилизованные войска и они приветствовали наших товарищей по прибытии их в эти места. В Нанкине с ними имел предварительные переговоры некий товарищ Чжао-По. Он имел совещания и тайные заседания с их командным составом в чине до батальонного командира. В У-чане вел переговоры Лю-Цзя-Юнь. Он с несколькими товарищами из военных созвал общее собрание в помещении церкви, куда пришло очень много народа, и говорят даже, что там присутствовал и командующий войсками Чжан-Ху. На этом собрании все собравшиеся выступали с речами, становясь вполне на сторону революции, и французские офицеры также присоединились к этому. Все это стало широко известным и вскоре после этого генерал-губернатор провинций Хубэй и Гуан-дун Чжан-Чжи-Дун послал одного иностранца, служащего тамошни, шпионить за французскими офицерами. Выражая преданность революции в Китае, этот шпион вошел в добрые сношения с французскими офицерами. Они приняли его, как европейца, и все рассказали ему. Чжан-Чжи-Дун тогда послал донесение в Пекин императорскому правительству, сообщая все планы китайских революционеров, как истинные, так и вымышленные. Императорское правительство, получив это донесение, немедленно вошло в переговоры с французским посольством по этому вопросу, французское посольство не будучи знакомо со всеми обстоятельствами дела запросило свое правительство о том, как поступить с Букаби, на что получило предписание замять это дело. Пекинские власти ничего не могли поделать. Спустя некоторое время сменилось французское правительство, и новый кабинет стал на совершенно иную точку зрения в этом вопросе: он отозвал Букаби и других, а впоследствии Лю-Цзя-Юнь в связи с этим делом был арестован и казнен.

С самого начала основания «Союзной Лиги» нами издавались газеты, широко распространяющие идеи китайской революции, идеи трехпринципного демократизма и «Кон-

ституции пяти видов». Волна революционной мысли прокатилась по всему Китаю, но наиболее сильными ее подъем был после того, как мы стали издавать журналы. В то время к нам присоединились доблестные герои, как, например, Сю-Си-Лин, Сюнь-Янь-Цзи и Цю-Цзинь и другие.

Выступление в Пин-ли началось в 1907 году и проведено самостоятельно силами нашей «Союзной Лиги», создавшей из своих членов революционную армию. В то время, когда в Пин-ли наша революционная армия сражалась с императорскими войсками не на жизнь, а на смерть, все наши токийские члены рвались в бой и осаждали наш комитет с просьбами отправить их на передовые позиции для принятия участия в боях. Я знаю случаи, когда некоторые товарищи, не имевшие возможности отправиться туда для принятия участия в бою, плакали, как дети.

К сожалению, о выступлении в Пин-ли, начатом членами нашей лиги, нам не было заблаговременно известно, и мы не успели подготовиться к нему, узнав о нем поздно.

Мы проиграли сражение под Пин-ли, и товарищи наши Лю-Дяо-И, Нин-Дяо-И и Юань-Хун-Ин были захвачены в плен императорскими войсками и частью были казнены, частью подверглись тюремному заключению. Это было первое боевое крещение членов нашей и «Союзной Лиги». После этого, можно было сказать, что революционное движение охватило уже все государство в небывалых до сего времени размерах. Наши союзные члены в Токио, конечно, тоже не могли оставаться безучастными зрителями. Тогда императорское правительство обратилось к японскому правительству с предложением изгнания нас из пределов Японии.

Я отправился из Японии с Хань-Мином и Цзин-Вэем в Аннам для того, чтобы организовать наше бюро в Хэнэе для организации нового выступления. Нами было поднято восстание в Чао-чжоу; однако, там войско Хуань-Гана потерпело поражение. Это было нашим третьим поражением. За этим последовало выступление Мин-Дэна в Гуй-чжоу, но оно также потерпело поражение. Это явилось моим четвертым поражением.

В округах Лянь и Цянь вспыхнуло восстание из-за нежелания уплачивать налоги. Императорское правительство послало четыре тысячи своих войск под предводительством

Ко-Жэнь-Чжана и Чжао-По-Сяня для умирения восставших. Я приказал Хуань-Кэ-Цяну отправиться в лагерь к Ко-Жэнь-Чжану, а Ху-И-Шэну приказал отправиться в лагери Чжао-По-Сяня и убедить их перейти на сторону революции. Оба генерала заявили, что если действительно настоящая революционная армия поднимется, то они тоже примкнут к ней.

После этого, нами были посланы организаторы в округа Лянь и Цянь для поднятия всех групп сознательных граждан и согласования их действий. С другой стороны, нами были посланы Сюань-Е и Чуань-Чжи для покупки оружия в Японию. Кроме того, нами были собраны товарищи в Аннаме, и было приглашено много французских офицеров из демобилизованных для инструктирования. Мы полагали, что с прибытием оружия нам удастся захватить всю приморскую полосу от Фан-чэна до Дун-сина. Дун-син чрезвычайно удобен для организации революционной армии, так как он граничит с французской концессией и по реке, которой они отделяются друг от друга, можно с большим удобством перевозить разного рода военное снаряжение. С прибытием оружия мы рассчитывали снарядить и вооружить армию в две с лишним тысячи человек и только потом в округе Цянь собрать армию в 6 тысяч человек и потом уже убедить Ко-Жэнь-Чжана перейти на нашу сторону, и тогда можно было составить сильную армию, которая после некоторого периода обучения легко могла бы занять провинции Гуандун и Гаун-си и потом уже наступать в сторону Ян-цзы и соединиться с недавно мобилизованными войсками Нанкина и У-чана и тогда, наконец, обрести достаточные силы для успешного завершения революции. Однако, совершенно непредвиденно для нас, в нашем токийском комитете разыгрались какие-то неурядицы, и план закупки оружия был разрушен. Фан-чэн в это время был атакован, но так как оружие не приходило, то я потерял доверие к товарищам, поехавшим получать его, а атаковавшие Фан-чэн товарищи, видя, что оружие все не приходит, отступили в Цянь-чжоу, надеясь, что войска Ко-Жэнь-Чжана придут к ним на помощь, но тот, видя, что наши силы слишком слабы, не решился выступить нам в помощь, опасаясь, что сам будет подавлен высланными подкреплениями со стороны

императорских войск. Наши войска отступили к Линь-шаню предполагая, найти там помощь со стороны войск Чжао-По-Сяня, но тот, видя, что Ко-Жэнь-Чжан не выступил, тоже не осмелился выступить. Тогда наша армия, в виду своей слабости, решила отступить к Ши-вань-да-шаню, что было и сделано. Это было нашим пятым поражением.

После того, как наш план восстания потерпел поражение в округах Цянь и Лянь, я, лично предводительствуя товарищами Хаунь-Кэ-Цянем, Ху-Хань-Мином, несколькими французскими офицерами и сотней других товарищей, неожиданной атакой захватили три форта Чжэнь-нань-гуаня и принял в свои ряды сдавшихся солдат. Здесь я надеялся собрать также товарищей, отступивших к Ши-вань-да-шаню, и совместными силами атаковать Гуй-чжоу. Но я не учел тогда того, что товарищи, ушедшие к Ши-вань-да-шаню, оказались слишком далеко.

Мы со своими захваченными тремя пушками, группа в количестве более ста человек, сражались семь суток против тысячных полчищ Лу-Цзи-Гуана и Лу-Ин-Тина и потом отступили в Аннам. При проезде моем через Лянь-шань я был опознан шпионом императорских властей, и императорское китайское правительство вошло в переговоры с французским правительством, после чего меня выслали из Аннама, и это было нашим шестым по счету поражением.

После своего отъезда из Хэнэя я, с одной стороны, приказал производить все приготовления для нового выступления в округе Лянь и Цянь, а с другой стороны, приказал Хуан-Мин-Тану захватить Хэ-коу для дальнейшего продвижения в провинцию Юнь-нань и для обоснования там нашей базы.

Хуан-Кэ-Цян через некоторое время выступил со своими друзьями из Аннама, в походном порядке продвинулся в вышеупомянутые округа, сражался там в течение нескольких месяцев и этим навел панику на императорские войска, приобретя этим большую известность. Однако, спустя некоторое время из-за недостатка боевого снаряжения и из-за недостатка помощи он также отступил. Это я считаю нашим седьмым поражением.

После моего прибытия в Син-чжоу, через месяц с лишним, Хуан-Мин-Тан со своими ста товарищами овладел Хэ-коу,

расстрелял главных начальников и присоединил к себе до тысячи сдавшихся солдат и стал ожидать руководства со стороны нашего комитета. Я в то время находился в Нань-янбе и не мог проехать через французскую территорию на передовые позиции, чтобы принять личное руководство, посему я телеграммой приказал Хуан-Кэ-Цяню принять командование на себя. Хуан-Кэ-Цян проделал уже половину своего пути. Он неожиданно подвергся подозрению со стороны французских властей и был выслан в Хэвэй, где после сношений с китайскими властями ему был запрещен въезд в Китай. Восставшие в Хэ-коу массы оставались, таким образом, без руководителя, в силу чего момент, удобный для наступления, был нами пропущен.

Хуан-Мин-Тан продержался больше месяца, все время ведя непрерывные бои, но враги превосходили их численностью в 10 раз. Хэ-коу нам не удалось удержать за собой, и отряды Хуан-Мин-Тана, в количестве 600 человек, отступили в Аннам, что явилось нашим восьмым поражением.

Вследствие настояния пекинского правительства, наши товарищи были высланы из французских владений и направились в Сингапур, но были задержаны там английскими чиновниками, не дозволившими им высадиться на берег. Тогда французский консул в Сингапуре вошел в переговоры с сингапурским генерал-губернатором, заявляя, что эти 600 человек китайских революционеров, отступивших после своего поражения на французскую территорию, вследствие выраженного ими желания были отправлены в Сингапур. Сингапурский генерал-губернатор ответил на это, что китайцы, выступающие против своего собственного правительства, не признаются им за воюющую сторону, и он рассматривает их не как политических преступников, а как простых мятежников, и поэтому им не будет разрешено высадиться на берег. Однако, после двух дней стоянки в порту французам удалось настоять на своем, и нашим товарищам разрешили высадиться.

Еще во время революционных боев в Хэ-коу французское правительство придерживалось нейтралитета, но фактически оно всецело признавало уже тогда революционеров, как воюющую сторону, и поэтому товарищей, отправленных в

Сингапур, оно не могло рассматривать как простых бунтовщиков.

После этого нашего последнего поражения товарищ Цзин-Вэй пришел в сильное уныние и решил отправиться в Пекин для совершения террористических актов. После совещания со мной он отправился в Пекин с несколькими товарищами, но покушение, произведенное им, потерпело неудачу, и они с Хуан-Фу-Шэном были брошены тогда в тюрьму и освобождены были только после учанского восстания.

До создания нашей «Союзной Лиги» помогавших средствами революционной армии было очень немного, и то из числа моих личных друзей. Кроме них, никто не осмеливался приходить нам на помощь. После создания нашей «Союзной Лиги» нам стали помогать извне. Из числа наиболее помогавших нам в то время могу указать на Чжан-Цзин-Цзяна, который, продав свое предприятие в Париже, внес нам сумму в 60 или 70 тысяч долларов. Далее из числа наиболее благородных жертвователей упомяну Хуан-Цзинь-Нана из Аннама, который отдал нам все свои сбережения в несколько тысяч долларов. Из других назову аннамских крупных купцов Ли-Чжо-Фэна, Цзэн-Си-Ижоу и Ма-Пэй-Шэна, пожертвовавших несколько десятков тысяч долларов.

После многократных своих поражений я не мог вполне свободно жить ни в Японии, ни в Гонконге, ни в Аннаме и вообще в прилегающих к Китаю местах. Таким образом, работа в пределах родины была для меня почти невозможна. Поэтому, поручив работу товарищам Хуан-Кэ-Цяну и Ху-Хань-Мину, я сам снова отправился в кругосветную поездку, имея своей специальной задачей изыскание средств для организации китайской революции.

Впоследствии товарищи Хуан-Кэ-Цян и Ху-Хань-Мин организовали в Гонконге главный комитет по южным делам и совместно с товарищами Чжао-По-Сянем, Ни-Ян-Ченом, Чжу-Чжи-Сином и Чэнь-Цзюнь-Мином подняли восстание новых мобилизованных войск в провинции Гуан-дун. Это движение было хорошо продумано, и знамя восстания было поднято в 1910 году.

В лагери к восставшим пошел товарищ Ни-Ян-Дянь и принял на себя руководство восстанием. Из Ша-хэ они

двинулись на главный город провинции и достигли уже Хэнь-чжи-гана, но там они встретили правительственные войска, где случайным разрывом снаряда был убит Ни-Ян-Дянь. Оставшись без руководителя, восставшие рассыпались в разные стороны. Это было нашим девятым поражением.

В это время я отправлялся из Америки на Восток. Когда я прибыл в Сан-Франциско я узнал об этом выступлении. Немедленно я взял курс на Филиппинские острова и Японию, чтобы вернуться в Китай. Но в Иокогаме был узнан шпионами и не мог остаться там и приехал на юг, где решил встретиться с Хуан-Кэ-Цяном и Ху-Хань-Мином для совещания о плане наших дальнейших действий. Среди товарищей в это время наблюдался большой упадок духа. После нашего поражения и гибели наиболее крепкого комитета, мы утратили выгодные позиции. Наши бойцы в большинстве вынуждены были разбежаться и эмигрировать. Снова же все организовать у нас не хватало сил. Поэтому настроение товарищей было чрезвычайно пессимистическое, и когда мы начинали говорить о наших будущих планах, то все тяжело вздыхали и не смотрели друг-другу в глаза. Я выступил и стал говорить, что наши поражения в прошлом были гораздо более тяжелы. Наши отряды в настоящее время хотя и редки, но революционная волна растет и ширится с каждым днем, сознательность китайцев также растет. И если мы теперь обратим внимание на предложенный мною план работы и не падем духом, то я обещаю, что найду средства для нашей дальнейшей работы. Мне возразили, что «если у нас не хватает средств на удовлетворение наших собственных эмигрантских нужд, то как же можно изыскать средства на дело революции».

Я снова повторил, что я средства найду. Тогда товарищ Бо заявил, что если действительно снова пачать действия, то необходимо немедленно послать товарища с несколькими тысячами долларов в провинцию Сы-чуань для помощи тамошним товарищам, во избежание их распыления. Только после этого можно будет уже подумать о том, чтобы создать новый комитет и снова открыть борьбу.

«Мы должны,—заявил товарищ Бо,—возвратиться в Гонконг для всестороннего обсуждения, а также немедленно должны отпустить пять тысяч для провинции Сы-чуань, в

случае же, если мы предполагаем дальнейшие активные действия, то нам необходимы несколько десятков тысяч долларов».

Тогда я созвал сочувствовавших нам китайских резидентов для совещания, результатом которого явилось, что нами было собрано 8 тысяч долларов и, кроме того, было постановлено делегировать товарищей для сбора нужных нам сумм по различным областям и провинциям. В течение нескольких дней нами было собрано 60 или 70 тысяч долларов.

Нами был разработан план действий, я отправился в голландские владения, но там меня не пропустили, через английские владения меня также не пропустили, так что мне не оставалось ничего иного, как снова направиться в сторону Европы или Америки.

Я поехал в Америку, где, посещая различные ее уголки, агитировал среди китайских резидентов для помощи нам и для внесения денежных сумм в помощь революции. На этот раз среди американских резидентов находилось очень много сочувствовавших.

В это время произошло гуандунское восстание. Там выступили все наиболее доблестные революционеры, и хотя мы опять здесь потерпели поражение, но славные деяния 72-х героев прогремели на весь мир. Это было наше десятое по счету поражение.

Еще до этого. товарищи Чэнь-Ин-Шин, Сунь-Тунь-Чу, Тань-Ши-Бинь, Цзюй, Дзяо-Шэн и другие, видя, что в провинции Гуан-дун мы терпим поражения одно за другим, решили перенести центр своего внимания на Хань-коу, У-чан и Хань-ян, а именно на работу среди тамошних гарнизонов, состоявших из вновь мобилизованных солдат, которые, после того как среди них была проведена агитация, были настроены настолько революционно, что генерал-губернатор провинций Ху-бэй и Гуан-дун приказал наиболее революционно настроенные части перебросить в провинцию Сы-чуан. Однако, после последнего гуандунского восстания число сторонников революции стало увеличиваться со дня на день. Императорские власти Цинской династии находились в состоянии панического ужаса опасаясь более всего удара со стороны У-чана, поэтому генерал-губернатор вышеназванных провинций Жуй-Чжен вошел в соглашение с

консулом «некоторого» государства о том, что, когда революционеры поднимут восстание, он должен ввести свои войска и обстрелять город из орудий *).

Настроение в У-чане было напряженное. Товарищи Сунь-У, Лю и другие решили действовать и поднять восстание в войсках. Однако, совершенно неожиданно провалился наш комитет, и 30 человек попали в тюрьму, но Ху-Ин-Шину, находясь в учанской тюрьме, удалось оповестить об этом Чань-Ин-Шина и предупредить его, чтобы и он не попался в ловушку.

В это время в руки императорских властей попал список артиллеристов, а равно солдат других частей, принявших участие в деле революции. В целях спасения товарищей от неминуемой гибели нужно было действовать немедленно, в самом спешном порядке. И вот первым открыл действия Сюнь-Бин-Чэн и вслед за ним Цай-Цзи-Мин и другие. Они во главе своих отрядов бросились в атаку на управление генерала-губернатора и стали бомбардировать его.

Губернатор Жуй-Чжэн, услыша шум канонады, немедленно бежал в Хань-коу, обратившись к консулу «некоторой» страны с просьбой бомбардировать город. Но согласно договору 1901 года ни одно государство не имело права самостоятельно выступить в Китае, и поэтому было созвано заседание консульского совета, на котором был поставлен на обсуждение вопрос, нужно ли бомбардировать город для наведения порядка.

Оказалось, что консулы не имели определенного мнения. Тогда выступил мой старый знакомый, французский консул, и, раскрывая перед консульским советом то, что это восстание произошло по моему приказу, заявил, что революционеры суньятсеновской партии отнюдь не бессмысленно бунтуют, а выступают в борьбе за переустройство политической власти, и поэтому их нельзя ставить на одну доску с боксерами и вмешиваться в их дела. Старшим из консульского корпуса в то время был русский, и он занял ту же позицию, что и французский консул. К ним присоединились и остальные консулы, вынеся постановление о невмешательстве и о сохранении нейтралитета.

*) Есть основание предполагать, что это „некоторое“ государство было Япония.

Жуй-Чжан, видя, что консул не действует согласно уговору, и что на него нельзя полагаться, бежал в Шанхай. Но, как только бежал генерал-губернатор, вслед за ним побежал также и Чжан-Ху. Императорские власти, таким образом, самоупразднились.

Со стороны революционеров в это время Сунь-У был контужен, шанхайские же товарищи еще не прибыли. Тогда члены «Союзной Лиги» Цай-Цзи-Мин и Чжан-Чжэнь и другие заставили полковника Ли-Юань-Хуна принять на себя генерал-губернаторство над провинцией Ху-бэй и только тогда порядок стал постепенно восстанавливаться.

Первая революционная вспышка, таким образом, произошла в провинциях Ху-нань и Ху-бэй, но единство действий еще не было у них установлено. Наш учанский успех во многом обязан бегству Жуй-Чжэна, ибо если бы он не бежал, то не бежал бы и Чжан-Ху, и тогда подвластные ему войска, несомненно, не взбунтовались бы. Большинство учанских мобилизованных солдат стало на сторону революции. Большинство из них было раньше переброшено в провинцию Сы-чуан. Из оставшихся в У-чане частей были артиллеристы и инженерные войска. Они дорого бы продали свою жизнь, если бы не разбежалось их начальство. Итак, «само небо помогало Китаю».

Цель нашей революции, конечно, не ограничилась взятием одного только У-чана. Товарищи начали проявлять активность по всей стране. Очень быстро мы овладели пятнадцатью провинциями. Быстрее всех в наши руки перешел Шанхай, там действовал Чэнь-Ин-Шин. Дело обстояло так: сразу после падения Хань-коу Чэнь-Ин-Шин захватил Шанхай, а за ним и Нанкин. Таким образом овладение У-чаном, Хань-коу и Хань-яном давало нам ключи от всего Среднего Китая. Чэнь-Ин-Шин в Шанхае тоже обрастал силами.

В то время как в У-чане происходило восстание, я прибыл в Колумбию. За десять дней до своего прибытия туда я получил телеграмму от Хуань-Кэ-Цян из Гонконга, но так как шифр находился в багаже, то я не смог разобрать ее и прочел только, прибыв в один из городов штата Колумбии. Телеграмма гласила, что Цзюй-Чжэнь прибыл в Гонконг и доносит, что необходимы денежные средства для выступления свежес мобилизованных солдат. Находясь в Колумбии,

я не имел, конечно, средств, не мог их достать и предполагал дать телеграмму об отсрочке выступления. Но наступила ночь, и я, утомленный с дороги, отложил это дело до утра, чтобы со свежей головой снова поразмыслить над этим вопросом. Проснувшись на следующий день в одиннадцать часов и почувствовав голод, я отправился в столовую позавтракать. По дороге я купил газету и, придя в столовую, развернул ее: сразу же мне бросилась в глаза телеграмма о взятии У-чана революционными войсками. Я вслед за этим отправил подробную телеграмму Хуан-Кэ-Цяну, в которой объяснил причину своего молчания.

В двадцать дней я мог прибыть в Шанхай и принять личное участие в революционной борьбе, но для нас важнее всего был теперь фронт наших внешних сношений по сравнению с фронтом военных действий. Поэтому я решил отдать свои силы дипломатическому делу и только после улаживания этого дела вернуться на родину.

Положение дел в то время было таково, что Америка провозгласила в это время в отношении Китая принцип открытых дверей и сохранение его суверенитета, но в отношении революции у Америки не было сложившихся взглядов, хотя американское общественное мнение и стало на нашу сторону. Со стороны французского правительства, как и французского народа, наша революция встретила сочувствие. В Англии общественное мнение выражало свое сочувствие революции, но правительство было настроено против нее.

Германия и Россия в то время были явно за поддержку Дайцинской династии, и, кроме того, сношения наших революционеров с их народами были незначительны, и мы не имели никакой возможности воздействовать на их политику. Значит, оставалась одна только Япония, которая была нам очень близка, и ее лучшие сыны не только выражали свое сочувствие нам, но и жертвовали своей жизнью для дела революции. Политика же японского правительства была не вполне ясна в этом вопросе, а, судя по прошедшему, можно было предполагать, что оно относилось отрицательно к нашей революции. Так, однажды, оно выслало меня из своих пределов и другой раз не позволило высадиться на берег Японии.

Начиная с 1900 года державы не имели права действовать самостоятельно в Китае. Держав, имевших в то время весьма близкое отношение к делам Китая, было шесть. Из них Франция и Америка стали на сторону революции, Германия и Россия выступили как противники революции, а Англия еще не определила своей политики, хотя ее народ также выражал свое сочувствие революции; японское правительство было против революции, японский народ сочувствовал нашей революции.

Таким образом, международное положение было вопросом жизни или смерти китайской революции. В нем важнее всего в настоящее время была для нас позиция Англии, ибо мы предполагали, что если Англия станет на нашу сторону, то и Япония не замедлит последовать ее примеру.

Поэтому я решил отправиться в Англию. Проезжая Сан-Луи я прочел газетное сообщение, гласящее, что в У-чане по приказу Сунь-Ят-Сена вспыхнула революция, и что в проектируемом создании республики президентом намечается Сунь-Ят-Сен. После этого мне пришлось скрываться от газетных корреспондентов, так как оказалось, что слухи опередили действительность.

В сопровождении тов. Чжу-Чжо-Вэня я продолжал свой дальний путь в Англию. По прибытии в Нью-Йорк я получил известие о том, что товарищи ведут наступление на Кантон, и я телеграфно предложил губернатору Чжан-Ни-Ци во избежание кровопролития сдать город и приказал товарищам даровать им всем жизнь. Что впоследствии и было все проведено в жизнь.

По прибытии в Англию я через своего товарища англичанина вступил в переговоры с банковским консорциумом четырех государств о прекращении всех займов для Маньчжурского императорского дома. Дело в том, что ранее консорциум дал заем под Чуань-ханскую железную дорогу 100 миллионов и затем денежный заем также в 100 миллионов. По одному из этих займов деньги уже были частью выданы, а по другому, хотя он был уже подписан, облигации еще не были выпущены. Мрим намерением было повести дело так, чтобы по проведенному займу прекратили выдачу сумм, а по другому займу совсем прекратили выпуск

облигаций. Я знал, что решение этого дела зависит от министра иностранных дел и поэтому я поручил директору вейхавейского арсенала войти в переговоры с английским правительством по трем вопросам, на разрешении которых я настаивал: первое—уничтожить все займы Дайцинской династии; второе—воспрепятствовать Японии помогать династии и, наконец, третье—это уничтожить все приказы о недопущении меня на английскую территорию для более удобного моего возвращения в Китай. Получив благоприятное разрешение этих вопросов со стороны английского правительства, я тогда обратился к банковскому консорциуму для получения займа революционному правительству и получил следующий ответ со стороны управляющего делами консорциума: «После того как правительством приостановлены займы для династии, наш консорциум дает эти займы только твердо установившемуся правительству, официально признанному. Теперь же консорциум предполагает послать представителя вместе с вами при вашем возвращении на родину, и когда официальное признание правительства состоится, тогда можно будет приступить к переговорам».. Это было все, что я мог сделать во время своего пребывания в Англии. Затем я возвратился домой через Францию и при проезде через Париж имел свидание с представителями ее оппозиционных партий и от всех получил выражение сочувствия, особенно от премьера Клемансо.

Через тридцать дней по отбытии из Франции я прибыл в Шанхай. В это время происходила мирная конференция Севера и Юга, но государственная структура будущей республики еще не определилась.

Еще до моего приезда в Шанхай все иностранные и китайские газеты широко сообщали, что я возвращаюсь домой с большим запасом денег для помощи революции. Когда я прибыл в Шанхай, товарищи так же, как и репортеры газет, иностранных и китайских, надеялись на это, но я ответил, что не привез с собой ни копейки денег, но привез с собой революционный дух, и что, пока не достигнута цель революции, не может быть места никаким мирным конференциям.

Вскоре после этого депутаты от всех провинций Китая, собравшись в городе Нанкине, избрали меня временным президентом Китая. В 1912 году я вступил на свой пост и при-

казал провозгласить Китайскую республику, изменить лунный календарь и этот год стал считаться первым годом Китайской республики.

Двенадцать лет гражданской войны.

Китайская революция 1911 года превратила Китай из монархии в республику, но она, к сожалению, не нашла в себе достаточных сил, чтобы вместе с Маньчжурской династией сбросить с плеч Китая также и китайскую бюрократию—мандаринат. Эта «недоделанность» китайской революции имела своим следствием не только отдельные попытки реставрации в дальнейшем, но также и сложный процесс организации контр-революционных сил, захвативших власть в свои руки, которые если и не реставрировали монархию, то, во всяком случае, извратили природу первой китайской конституции. И, что еще хуже, привели Китайскую республику на край пропасти иностранной опеки и финансового банкротства.

Восстание в У-чане закончилось победой китайских революционеров, которые разбили войска Маньчжурской династии и быстро начали расширять территорию восстания сначала в долине реки Ян-цзы, а затем в провинциях южного и северного Китая. Революционеры заставили Ли-Юань-Хуна принять командование над образовавшейся революционной армией.

В течение нескольких месяцев революционные войска захватывают почти половину Китая, и в январе 1912 года в Нанкине утверждают первое республиканское правительство, под председательством д-ра Сунь-Ят-Сена.

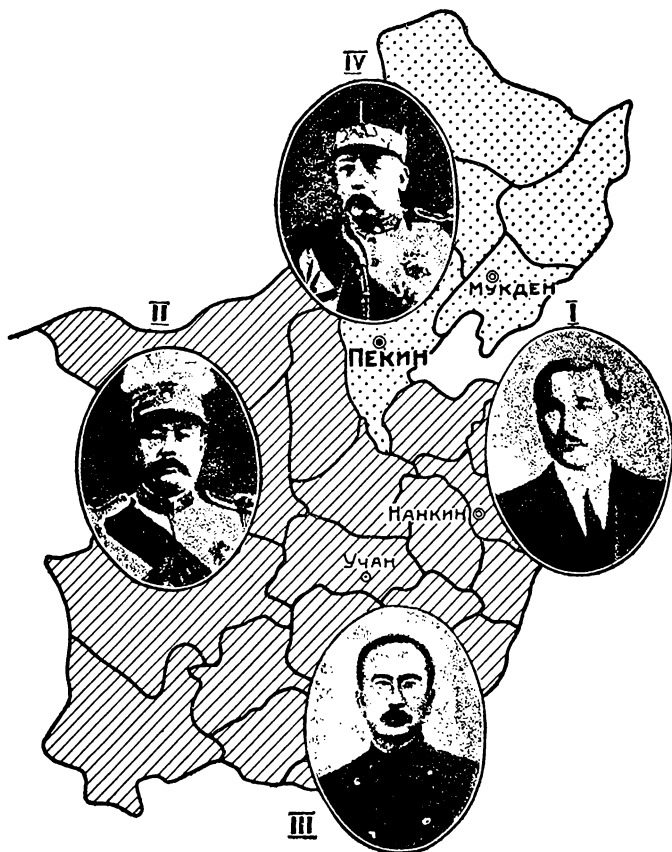
Маньчжуры остаются еще в Пекине, но дни их сочтены. На сторону революции переходит генерал Юань-Ши-Кай, главнокомандующий северными войсками. Маньчжурская династия объявляется низвергнутой, и Китай провозглашается республикой. Сунь-Ят-Сен уступает свое президентское кресло Юань-Ши-Каю, а вице-президентом избирается генерал Ли-Юань-Хун.

Юань-Ши-Кай, главный руководитель военной реформы, стоявший к тому же во главе бей-янской (северной) военной группировки, являлся в тот момент реальной силой, и,

Китайская революция.

(Схема революционной борьбы юга и севера Китая).

1911—1912 гг.

- I. Сунь-Ят-Сен, первый президент Китайской республики.
- II. Ли-Юань-Хун, главнокомандующий китайской революционной армией в 1911 году, затем вице-президент Китая при Юань-Ши-Кайе и президент после его смерти.
- III. Тан-Шао-И, премьер первого революционного кабинета Китайской республики 1912 году.
- IV. Юань-Ши-Кай, глава маньчжурских войск, перешедший в 1912 году на сторону революции и избранный президентом Китайской республики, позднее изменивший революции и пытавшийся провозгласить себя „императором“ Китая.

Сунь-Ят-Сен, учитывая реальное соотношение сил, решил идти на компромисс, и, играя на честолюбии Юань-Ши-Кая, при помощи его сбросить маньчжуров, а с ними и монархию. И нужно признать, что этот расчет Сунь-Ят-Сена, несомненно, удался.

Но если Сунь-Ят-Сен думал использовать Юань-Ши-Кая, как «мавра» революции, то Юань-Ши-Кай обнаружил тоже большую ловкость и стал укреплять свое положение, как главы Китайской республики, опираясь на милитаристические группировки.

Юань-Ши-Кай подписался под Временной Конституцией, выработанной Национальным советом в Нанкине, после чего Национальный совет был перенесен в Пекин, где он взял на себя законодательные функции. Однако, между Юань-Ши-Каем и Национальным советом скоро начинаются разногласия, а открывшееся в 1912 году Национальное Собрание делается ареной ожесточеннейшей борьбы между китайскими республиканцами и партией Бейян (северные милитаристы), которая поддерживает Юань-Ши-Кая. Основным моментом принципиальных разногласий этой борьбы является вопрос о местном самоуправлении. Не доверяя северным милитаристам, в том числе Юань-Ши-Каю, республиканцы пытаются укрепить власть на местах, особенно на Юге, который является базой революции. Юань-Ши-Кай, учитывая опасность укрепления местной демократической власти, пытается противопоставить республиканцам жесткий централизм. Это столкновение приводит к разрыву республиканцев с Юань-Ши-Каем, и они ставят вопрос о его свержении. Юг становится под ружье. Но Юань-Ши-Кай находит поддержку в северных милитаристах, которые, боясь умаления своей власти, дают свои силы Юань-Ши-Каю для борьбы с Югом.

В 1914 году Юань-Ши-Кай настолько усиливает свои позиции, что при поддержке своих северных друзей делает попытку провозгласить себя императором Китая и разгоняет ненужный ему парламент (Национальное Собрание). Так продолжается до 1916 года, когда Юань-Ши-Кай неожиданно умирает, а бывший вице-президент Китайской республики Ли-Юань-Хунь созывает старый парламент. Но за время царствования Юань-Ши-Кая сильно усиливаются северные милитаристы в лице «сверх-дучзюнов» — командующих войсками

военных округов, состоящих обычно из нескольких провинций. Вокруг этих генерал-инспекторов складываются военные группировки, которые преследуют исключительно личные интересы.

Неудивительно поэтому, что как только парламент ставит вопрос об ограничении власти дучжюната, среди лидеров последнего встает вопрос о разгоне этого парламента.

В 1917 году один из дучжюнов Чжан-Сюнь делает попытку реставрации династии маньчжуров. Он захватывает Пекин и сажит ребенка маньчжура на трон Китайской империи, восстанавливаемой его войсками. Но республиканские войска под командованием Дуань-Ци-Джуня окружают Пекин и в десять дней ликвидируют эту попытку монархической реставрации.

Генерал Дуань-Ци-Джун является спасителем республики и с этого момента начинает играть руководящую роль в политической жизни Китая. Он делается лидером части северных милитаристов и, опираясь на них, начинает организацию новой партии клуба Ань-фу. Клуб этот объединяет группу милитаристов провинции Ань-хой, но при помощи денежных подкупов клубу Ань-фу удастся наберечь себе в северном Китае много сторонников.

Желая отделаться от парламента первых лет революции, Дуань-Ци-Джун в сентябре 1917 года созывает новый парламент, в котором большинство обеспечивается за клубом Ань-фу. Новый парламент президентом Китайской республики выбирает Сюй-Ши-Чана. А фактически руководителем китайской политики этого периода становится Дуань-Ци-Джун.

Империалистическая война на Западе отвлекала внимание великих держав в Европу. В Азии осталась на положении бесконтрольно хозяйничающего Япония, которая, стремясь к утверждению своего господства в Китае, стала подготавливать там для этого почву. Политика Японии в этот период отличалась особой напорностью. Чувствуя себя единственной реальной силой в Китае, она не особенно стеснялась в выборе средств для укрепления своего влияния в Китае. В одних случаях она подкупала золотом, в других—действовала при помощи угрозы оружием.

Клуб Ань-фу в своей внешней политике занял позицию

ориентации на сильного. Таким сильным являлась Япония, это и послужило основанием того, что вскоре клуб Ань-фу сделался в руках Японии буквально игрушкой. Правда, это стоило Японии денег, и очень больших. Она должна была давать аньфуистскому правительству займы, но давала она их под соответствующие концессионные гарантии. В результате—целая серия концессий и привилегий для Японии в Китае.

Но клуб Ань-фу не выиграл на этом, а проиграл, ибо народные массы очень скоро свою ненависть к японцам перенесли на аньфуистов и наклеили на них ярлык изменников китайского народа. Это еще более осложнилось, когда всплыл на политическую поверхность так-называемый шапьдунский вопрос, где Япония выступила в качестве откровенного грабителя и этим усилила к себе общую ненависть в Китае.

Между тем владычество клуба Ань-фу на Севере привело к фактическому отпадению от Пекина провинций южного Китая: Гуан-дун, Гуан-си, Юнь-нань, Гуй-чжоу, Сы-чуань и Ху-нань провозгласили свою независимость, а затем образовали федерацию Южного Китая. Старый парламент переехал на юг, и оттуда повел свои атаки против клуба Ань-фу и Дуань-Ци-Джуня.

Это только подогревало общую ненависть к клубу Ань-фу, который к тому же начал вырождаться в узкую клику людей, которые, чувствуя недолговечность своей власти, стремились только к одному—что-нибудь урвать.

Конец господству клуба Ань-фу был положен в июле 1920 года выступлением военной группировки Чжили, во главе которой стоял формально Цао-Кунь, генерал-инспектор провинций Чжили и Шапьдуня: фактически же против аньфуистов выступил помощник Цао-Куня, ген. У-Пей-Фу, который занял Пекин-Ханькоускую железную дорогу и рядом удачных сражений разбил войска аньфуистов. Власть клуба Ань-фу пала. Дуань-Ци-Джунь должен был бежать и укрыться в японском посольстве. Парламент аньфуистов был разогнан. Но победа не была доведена до конца. Президент Сюй-Ши-Чан остался на своем посту. В чем же крылась неудача выступления У-Пей-Фу?

Сейчас это стало ясным. Япония, которая, не желая терять своего влияния в Китае в момент борьбы Чжили с ань-

фуистами, ввела в игру еще одну свою пешку—генерала Чжан-Цзо-Лина (сверх-дущюна трех провинций Манчжурии) и этим смешала свою свою игру чжилийцев. Империалистическая Япония всерьез поставила вопрос об утверждении своего влияния в Китае. Поэтому она не могла удовлетвориться ролью простого зрителя, когда У-Пей-Фу свергал власть клуба Ань-фу. Но и прямо вмешаться и поддержать аньфуистов Япония тоже не могла, ибо такое открытое вмешательство в китайские дела могло повлечь за собою столкновение с Соединенными Штатами Америки, которые к этому моменту вновь начали усиленно интересоваться дальневосточными делами. Япония избрала окольный путь. В последние годы она установила довольно тесный дружеский контакт с генерал-инспектором трех северных провинций Манчжурии (Гиринская, Хейлузянская и Фынтянская) ген. Чжан-Цзо-Лином. Последний, будучи зажат в тисках японской оккупации в Манчжурии, был очень сговорчив и покладлив. Это в конце-концов привело к тому, что Япония могла считать его чрезвычайно удобным орудием в своих руках.

Япония содействовала военному усилению Чжан-Цзо-Лина, подготавливая его в качестве силы, способной играть для Японии служебную роль не только в Манчжурии, но и в Среднем Китае. При господстве в Китае клуба Ань-фу Япония предполагала, что Чжан-Цзо-Лин может сыграть роль вооруженного заслона против Советской России. Когда же шпала ген. У-Пей-Фу свалила аньфуистов, Япония ввела в игру Чжан-Цзо-Лина, который в последний момент неожиданно присоединился к чжилийцам и, в качестве союзника, продвинул свои войска к Пекину, заявив о своем желании принять участие в торжестве победителей.

Расчет Японии был простой: она полагала, что при ее поддержке Чжан-Цзо-Лин явится главной силой, под влиянием которой будет находиться пекинское правительство, а это обеспечит Японии возможность продолжать ту политику, которую она вела при аньфуистах. Расчет оказался верным. Чжан-Цзо-Лин сорвал предложение У-Пей-Фу о созыве Национального собрания, а после Тяньзинской конференции дущюнов Чжан-Цзо-Лин занял доминирующее положение по отношению к пекинскому правительству. С этих пор большинство пекинского кабинета министров являлось ставлен-

никами Чжан-Цзо-Лина. Япония торжествовала, продолжая всячески усиливать своего приказчика.

В конце 1921 года в Вашингтоне состоялась конференция т.-н. великих держав, где в числе других вопросов стояли вопросы, касающиеся Китая. Это—вывод из Китая иностранных войск, передача Китаю Шаньдунской жел. дороги и т. д. У Японии не было особенного желания ссориться с Америкой из-за этих вопросов, и она, зная цену решениям всяких конференций, пошла на соглашение. Как реальный политик, Япония привыкла считаться с реальным соотношением сил. Соотношение международных сил в момент Вашингтонской конференции было не в пользу Японии, поэтому она стала искать путей к утверждению своего скрытого влияния в Китае, что давало бы ей возможность свести на-нет все решения Вашингтонской конференции.

Эту миссию должен был выполнить кабинет Лян-Ши-И, который был образован в декабре 1921 года. Кабинет был образован, но с момента его образования началась открытая подготовка к столкновению между Чжан-Цзо-Лином и У-Пей-Фу. Столкновение произошло в последних числах апреля 1922 года и закончилось неудачей для Чжан-Цзо-Лина. Его войска были разбиты, и ему пришлось отступать обратно в Маньчжурию с тем, чтобы при помощи Японии вновь собирать свои силы хотя бы для того, чтобы, как говорят по-китайски, «сохранить лицо», ибо Япония слишком высоко подняла Чжан-Цзо-Лина, и поэтому падение его было чревато тяжелыми последствиями.

Результатом этой борьбы было низложение избранного аньфуистским парламентом президента Сюй-Ши-Чана и восстановление старого парламента (второго года китайской революции), а равно восстановление и президента, избранного этим старым парламентом—Ли-Юань-Хуна.

Таким образом, с восстановлением старого парламента круг гражданской войны как бы замыкался. Но это была лишь видимость возвращения к исходной точке первых лет китайской революции. Фактически же в этот момент шла ожесточенная гражданская война между северным и южным Китаем, при чем во главе борющегося южного Китая стоял Сунь-Ят-Сеп.

После уступки президентства Юань-Ши-Каю Сунь-Ят-

Сен занял пост председателя комитета по железнодорожному строительству в Китае; это привело его в Шанхай, где он оставался некоторое время сторонним наблюдателем правления Юань-Ши-Кая. Однако, попытка Юань-Ши-Кая провозгласить себя императором заставила Сунь-Ят-Сена броситься на Юг и поднять там восстание во имя борьбы за Китайскую республику.

Между тем, партия Го-мин-дан была разгромлена Юань-Ши-Каем, и Сунь-Ят-Сену стоило больших трудов собрать остатки своих бывших политических соратников. После попытки реставрации монархии Чжан-Сюнем Сунь-Ят-Сен окончательно утверждает в мысли борьбы с северными милитаристами и намечает, в качестве плацдарма для накопления сил и их развертывания, южный Китай, который на протяжении всей гражданской войны проявлял демократическо-республиканские тенденции и вел непрерывную борьбу с северными милитаристами, угрожавшими молодой Китайской республике.

В тесном сотрудничестве с командующим генералом Чень-Цзю-Мином Сунь-Ят-Сен в 1920 году захватывает провинцию Гуан-дун с ее главным городом Кантоном, который в прошлом играл роль столицы юга Китая. Сюда, в Кантон, стягиваются старые соратники Сунь-Ят-Сена; здесь собирается часть членов старого парламента первых лет революции, и чрезвычайная сессия этого парламента избирает Сунь-Ят-Сена Чрезвычайным Президентом южного Китая. К этому моменту вокруг провинции Гуан-дун складывается объединение пяти южных провинций Китая, которые насчитывают свыше ста миллионов населения и все одинаково стремятся к закреплению за собою автономных прав. Так возникло в 1920 г. южное, кантонское правительство, возглавляемое доктором Сунь-Ят-Сеном.

Но боевая натура отца китайской революции не могла примириться с ролью президента южного Китая. Юг—это только часть Китая, Сунь-Ят-Сену был нужен весь Китай. Он южный Китай рассматривал только, как базу для накопления сил и затем наступления на северных милитаристов. Отсюда и родилась та противосеверная экспедиция, во главе которой стал сам Сунь-Ят-Сен.

Сунь-Ят-Сен стремился стать твердой ногой в долине

р. Янцзы. Из Кантона он предполагал перенести свою столицу в Ханькоу с тем, чтобы оттуда угрожать Пекину.

Но в Ханькоу господствовал У-Пей-Фу, который не только представлял военный заслон Севера против Юга, но и представлял непосредственную угрозу Сунь-Ят-Сену, как сила, претендующая на организацию китайской общественности на основе тех же принципов национально-освободительного движения, которые до сего времени были как бы монополией Сунь-Ят-Сена.

И действительно, с точки зрения завершения национальной революции в Китае, в условиях развертывания производительных сил Среднего Китая и роста китайской буржуазии, У-Пей-Фу становился для последней как бы математической точкой приложения для ее устремлений к власти.

Сунь-Ят-Сен в глазах китайской буржуазии, особенно северной, утопист, фантаст; его прошлое не дает ей уверенности, что она сможет его переделать на свою колодку, для своей потребности. Он выступает в роли социалиста-реформатора Китая, а для молодой китайской буржуазии, у которой руки у самой чешутся, нужно нечто иное, что было бы таким же молодым, как и она, чтобы оно допускало возможность вложить в себя то содержание, которое нужно для нее—китайской буржуазии. Такой фигурой и являлся У-Пей-Фу, который вырос на глазах у китайской буржуазии, был ярким националистом и, проявив военные таланты, был самым подходящим для нее союзником. Все это Сунь-Ят-Сен учел, а отсюда и родилась та непримиримость Сунь-Ят-Сена к У-Пей-Фу и стремление убрать его во что бы то ни стало со своей дороги. Но как убрать? Убрать У-Пей-Фу можно только вооруженной рукой. И вот Сунь-Ят-Сен вписывает в программу вновь воссоздаваемой на Юге партии Го-мин-даи, что «работа партии делится на два периода: 1) военный период, в продолжение которого все военные силы должны быть направлены к разрушению всех препятствий с тем, чтобы основать республику на твердых основаниях; в течение же этого времени правительство должно руководить всей внутренней и внешней политикой страны при помощи вполне совершенного аппарата управления и должно вести народ к установлению самоуправления каждой области в отдельности; 2) конституционный период».

Гражданская война в Китае.

(Борьба милитаристических группировок в 1920—1922 г.)

I. Чжап-Цзо-Лин, глава фынтьянской группировки (генерал-инспектор трех провинций Маньчжурии, японской ориентации).

II. У-Пей-Фу, фактический глава военной группировки Чжили.

III. Цао-Кунь, ныне президент Китайской республики, номинальный глава группировки Чжили, американской ориентации.

IV. Дуань-Ци-Джуй, глава военной клики „Клуб Аньфу“.

Это происходит в 1920 году; возможно, что на опыте русской революции Сунь-Ят-Сен формулирует свою программу, которая заостряет вопрос о вооруженной борьбе и выдвигает его на первый план. С другой стороны, учитывая непосредственный опыт гражданской войны Китая и роль в ней генералов, которые продали свою шпагу реакции, особенно на Севере, Сунь-Ят-Сен сам становится во главе вооруженных сил южного правительства и сам начинает организацию противосеверной экспедиции.

С этого момента вся политика Сунь-Ят-Сена направляется по линии военной необходимости. Он производит объединение южных провинций на базе соглашения военных действий против Севера. Он производит собирание сил для тех же целей, он переносит свою ставку в Гуйлин, откуда в феврале 1922 года начинает непосредственные операции против провинции Ху-нань. Неудивительно поэтому, что, когда к Сунь-Ят-Сену в 1922 году обращается с севера Чжан-Цзо-Лип с предложением совместных действий против У-Пей-Фу, то Сунь-Ят-Сен не отвергает этого предложения, а начинает переговоры, учитывая стратегический интерес и выгоды для своей антисеверной экспедиции одновременного нажима на У-Пей-Фу.

Было ли заключено военное соглашение между Сунь-Ят-Сеном и Чжан-Цзо-Лином? Трудно сказать. Мы склонны думать, что не было. Но самые переговоры между революционером Юга и реакционером Севера сыграли роковую роль для Сунь-Ят-Сена. Чжан-Цзо-Лин был разбит на Севере, а его разгром эхом отразился на Юге, где тот же приятель и соратник Сунь-Ят-Сена ген. Чень-Цзю-Мин выступил против Сунь-Ят-Сена и, в качестве главы войск провинции Гуандун, заявил о неподчинении Сунь-Ят-Сену.

Наконец, в июне 1922 года, Чень-Цзю-Мин сделал попытку свергнуть Сунь-Ят-Сена. Однако, благодаря тому, что значительная часть противосеверной экспедиции оказалось верной Сунь-Ят-Сену, последний после нескольких месяцев вооруженной борьбы, вновь утвердился в Гуан-дуне. Но этот переворот и последующая внутренняя гражданская борьба на Юге привели к распаду федерации провинций южного Китая. Это в значительной степени ослабило позиции Сунь-Ят-Сена.

В момент восстановления старого парламента в Пекине Сунь-Ят-Сен опубликовал декларацию, которая показывала, что в восстановлении старого парламента Сунь-Ят-Сен видел возможность изжить гражданскую войну в Китае и поставить вопрос об объединении северного и южного Китая в единую Китайскую республику.

Декларация Сунь-Ят-Сена.

«Начиная шестым годом республики партия северных милитаристов захватила власть. Парламент был незаконно распущен, по всей стране началась гражданская война.

Я, президент, получил полный вотум доверия от народа в деле великой ответственности по руководству всей армией и флотом для защиты закона, прекращения беспорядков и уничтожения незаконной военной силы с целью осуществления свободного изъявления парламентом своей воли. Согласно этого принципа и был создан на седьмом и восьмом году республики официальный парламент, и было образовано правительство.

Однако, не желавшие подчиняться милитаристы не желали сдавать своих позиций и собирали силы для сопротивления. Это повело к началу ожесточенной гражданской войны. Народ страдал. Милитаристы, поднявшиеся против справедливости, воспользовались моментом и захватили политическую власть страны в свои руки. Не считаясь ни с чем, они ради своекорыстных целей продавали страну. Таким образом, страна была разделена на несколько частей, каковое положение сохранилось и по сие время; в конце-концов страна сильно обеднела, население было разорено.

Одна мысль об этом заставляет меня страдать. В течение последнего времени у власти в северном, пекинском правительстве стояли люди, желавшие изменить существующие политические условия в Китае и защитить закон и восстановить порядок. Я, президент, всегда был готов протянуть руку помощи и выказать свое искреннее желание работать на пользу мира в стране. Только когда Сюй-Ши-Чан и его приверженцы поднимали оружие для причинения вреда народу, только тогда я, президент, окончательно решил органи-

зовать армию для наказания этих изменников отечества и восстановления порядка в Китае и защиты закона.

Недавно мы узнали, что Сюй-Ши-Чан бесстыдно бежал из Пекина, и что генералы чжилийской армии выразили свое подчинение старому парламенту. Мы чувствуем большое удовлетворение и радость по поводу того, что вышеупомянутые партии согласились с принципами защиты закона и восстановления порядка. В течение последних шести лет междоусобица непрерывно продолжалась, при чем не было возможности поставить вопрос о правильности или неправильности совершонных действий. Только теперь для всего народа наступил момент, когда закон не может быть обойден. Таков результат гражданской войны в течение нескольких лет; теперь проглядывает как-будто бы надежда на возможность разрешения всех наболевших внутренних вопросов Китая.

Единственной силой на Севере теперь является чжилийская армия, контролирующая правительство в Пекине. Если эта армия будет настолько искренна, что действительно будет защищать закон, то тогда страна может успокоиться без применения вооруженной силы. В противном же случае, хотя Сюй-Ши-Чан и убежал, если чжилийские войска не обнаружат искренности в отношении облегчения народных страданий,—этим страданиям народа не будет конца. Момент, когда мне приходится открыто высказывать это мнение, является, безусловно, чрезвычайно важным моментом. Для того, чтобы поддержать влияние временной конституции, необходимо, чтобы парламент мог совершенно свободно изъяслять свою волю и желание; в противном же случае значение парламента не только сведется к нулю, к пустому потоку слов, но может послужить хорошим оружием в руках недавних врагов китайского народа.

Поэтому, если мы желаем, чтобы с этого времени парламент мог совершенно свободно проводить свою работу и не был бы каждый раз под чьей-нибудь пятой, мы должны: во-первых, виновников роспуска парламента наказать, во-вторых, получить гарантию безопасности парламента. Если лица, виновные в реакционности, не будут наказаны и обезврежены, то не может быть уверенности в нормальных условиях работы парламента.

С момента начала гражданской войны количество войск в Китае сильно увеличилось. Солдаты, взятые из народа, оторваны гражданской войной от производительного труда. Гораздо лучше реорганизовать китайскую армию в так-называемую рабочую армию, заменив орудия смерти производственными инструментами так, чтобы эта армия работала по 6 или 8 часов в день. Вначале можно дать им работу по проложению дорог, а затем и другие работы. Оклады солдат должны быть удвоены, оклады же офицеров, получавших свыше ста долларов, увеличены только на 50%; тем же, кто получал меньше означенной суммы, тоже удвоены.

Половина прибыли, полученной от работы этой армии труда, пойдет в пользу государства, другая же половина будет разделена между рабочими солдатами согласно общего количества людей без различия их чинов. Таким образом, в самое короткое время дело войны перейдет в дело труда. Солдаты не потеряют своих работ, не будет места опасности отчаяния; работа даст возможность усиленного развития производства. Если же мы используем иностранный капитал, нужный для нашей промышленности, для возмещения убытков, причиненных в течение такого огромного промежутка времени, то наша страна расцветет. Это будет поворотным пунктом от опасности развала к расцвету и преуспеянию страны.

Вследствие того, что настоящие солдаты будут реформированы в армию труда, мы должны провести систему набора новой, национальной армии среди всех китайских патриотов. Это будет долгом каждого гражданина Китая. Продолжительность службы будет равна двум годам. Общее количество этого предполагаемого войска будет равно от 200.000 до 300.000 человек. Если все эти меры будут проведены в жизнь, то тем самым все находящиеся в Китае противозаконные военные группировки не будут иметь возможности опираться на свою силу, и тогда исчезнет опасность возможности попрания закона вновь.

Если правительство сможет провести все это в жизнь согласно закону без всяких препятствий, то тогда курс его политики пойдет по правильному руслу, и страна будет иметь надежду долговечного порядка и безопасности. Чилийская армия должна понять ошибочность неподчинения закону, со-

жалеть об этом и, более того, должна понять справедливость защиты закона и подчиниться ему. Гражданская война, происходившая в течение последних нескольких лет, была войной между теми, кто нарушил законы, и теми, кто их защищал, но отнюдь не войной между Севером и Югом.

Если северные милитаристы согласятся с принципом защиты закона, тогда мы сможем протянуть друг-другу руки и предотвратить всякие затруднения, стоящие на путях развития Китая. Как доказательство своей искренности в смысле подчинения защите закона, чжилийская армия должна, во-первых, разоружиться наполовину, при чем эта половина будет реорганизована правительством в трудовую армию; это должно быть сделано, как предварительное условие мира. Другая же половина армии должна быть реорганизована согласно организации остальной армии всей страны. Если командование чжилийской армии согласно принять все условия и провести их в жизнь, то я, президент, отдам приказ по всей стране прекратить военные действия, восстановить мир и сообща выработать план восстановления хозяйства страны. Если же означенное командование пользуется только лишь именем парламента в своих личных целях, то тем самым они только показывают всему обществу свою неискренность в деле сожаления о совершенных ими ошибках.

Я, президент, видя, что все беспорядки в Китае произошли вследствие разных компромиссов, должен смести все порочные и злые элементы во имя народа, и должен выполнить нашу цель защиты закона,—и тогда наша задача окажется вполне законченной.

Надеюсь, что граждане Китайской республики поймут мою мысль.

Сунь-Ят-Сен.

6-го июня 1922 года“.

Эта декларация Сунь-Ят-Сена представляет большой политический интерес, так как в ней не только содержится много интересных, большого политического значения планов, но в ней Сунь-Ят-Сен делает заявления как президент всего Китая, получивший вотум доверия китайского народа.

Но, как и следовало ожидать, лидеры чжилийской груп-

пировки не пожелали идти на соглашение с Сунь-Ят-Сеном. Последующие события показали, почему именно они не пожелали. Старый парламент и Ли-Юань-Хун были нужны Цао-Куню, как временные ширмы, для того, чтобы подготовить себе «выборы» в президенты Китая.

К сожалению, старый парламент, на который Сунь-Ят-Сен возлагал надежды и радовался за его восстановление, не оправдал этих надежд и продал свой избирательный вотум Цао-Куню за доллары, с помощью которых Цао-Кунь оказался избранным в президенты Китая. В связи с этими выборами интересна телеграмма Сунь-Ят-Сена, посланная дипломатическому корпусу иностранных держав в Китае.

«В связи с так-называемыми выборами в Пекине я обращаю внимание иностранных держав на всеобщее распространенное в народе отрицательное отношение к Цао-Куню, как президенту Китая.

Неграмотный и необразованный, он встречает оппозицию и отвергается всеми не только потому, что он является человеком, разграбившим Пекин в феврале 1912 г., а также является ответственным, в качестве высшего военного начальника в Шаньдуне и в других провинциях, за линченское нападение, но, главным образом, потому, что его выборы совершаются с такими приемами беззакония и подкупа, которые являются оскорблением для каждой нации, привыкшей к цивилизованной жизни и культурным действиям. В истории было много примеров отвратительных сделок, но ни одна из них не является настолько позорной, как эта последняя попытка захватить высшую власть в стране в свои руки. Народ, который смиренно примирился бы с таким актом, не имеет права считать себя самоуважающей нацией. Китайский народ в целом смотрит на выборы Цао-Куна, как на акт узурпации и измены, который должен быть отвергнут и наказан. Решение нашего народа сводится к тому, чтобы немедленно выдвинуть национальное правительство, которое было бы создано представительными лидерами нации. Я должен просить иностранные державы и их представителей в Пекине, чтобы они избегали совершать какой-либо акт, который может быть понят новым пекинским узурпатором, как обещание и уверенность в международном признании и поддержке его. Иностранное признание Цао-Куна неизбежно по-

ведет к братоубийственной войне и беспорядкам и будет считаться китайским народом за нарушение его определенно выраженной воли относительно этого акта, подрывающего моральные основания нашего национального характера.

Сунь-Ят-Сен.

Таким образом, избрание Цао-Куня президентом Китая отнюдь не означает прекращения гражданской войны в Китае. Скорее наоборот. Поскольку Цао-Кунь является малопопулярной фигурой в Китае, а выборы его носили скандальный характер, крайне трудно предположить, что он сумеет примирить с собой южные провинции Китая.

Что касается Сунь-Ят-Сена, то он в Кантоне фактически уже начал войну против Цао-Куня, наложив свое вето на таможенные доходы, которые раньше в силу существующего иностранного контроля над китайскими таможнями шли в кассу пекинского правительства. Сунь-Ят-Сен не побоялся угрозы иностранного вмешательства и наложил свою руку на излишки таможенных доходов в Гуан-дуне.

Международный империализм ответил на это присылкой союзнических военных судов к Кантону. Это дало повод Сунь-Ят-Сену обратиться к американскому народу с следующим интересным обращением:

«Америка воодушевляла нас и была для нас примером, когда мы начали китайскую революцию, чтобы уничтожить монархию, продажность китайских министерств и установить в Китае республиканский строй. Мы могли ожидать появления американского Лафайета, который пришел бы сражаться рядом с нами за великое дело. Но на 12-м году нашей борьбы за свободу приходит не Лафайет, а американский адмирал, который привел с собой военные суда в большем количестве, чем какая-либо другая нация, в наши воды, чтобы присоединиться к тем, которые хотят раздавить нас и добиться, чтобы Китайская республика погибла. Неужели страна Вашингтона и Линкольна отказалась от своей веры в высокие идеалы свободы и превратилась из освободителя в притеснителя народов, борющихся за свободу. Мы не можем верить в это и хотим, чтобы офицеры и команды нашего флота, хотя ваши орудия направлены на неукрепленный город Кантон, подумали над этим вопросом раньше, чем стрелять в нас.

Почему они хотят стрелять в город, где правительство справедливо требует таможенные доходы, собранные на территории этого правительства? Это есть право каждого правительства, и оно должно принадлежать также моему правительству, хотя бы потому, что эти доходы принадлежат нам на основании всяких законов, божеских и человеческих. Мы должны положить конец, чтобы эти деньги шли нашим врагам на покупку оружия для нашего истребления, так же, как ваши предки остановили налоги, шедшие Англии, и побросали английский чай в бостонскую гавань. Ваше теперешнее правительство имеет право, может-быть, отказаться от помощи делу свободы в Китае, что оно делало в значительных размерах в другом месте. Но было бы преступлением и несмываемым позором, если бы морская мощь Америки была употреблена для насильственного сбора таможенных доходов на территории моего правительства, так чтобы изменники-милитаристы могли благодаря этому процветать в Пекине.

Каптов, 17-го декабря 1923 года*.

Двенадцать лет гражданской войны отнюдь не исчерпали возможностей ее продолжения. Ибо корни этой гражданской войны лежат не в личных качествах тех или иных персонажей современной политической истории Китая, а в тех объективных условиях, которые связаны с развитием борьбы классов в современном Китае.

Для того, чтобы понять внутренний смысл и содержание современной гражданской войны в Китае, нужно обратиться к анализу социальной структуры современного Китая, к тем классам, которые кристаллизуются сейчас в Китае, и борьба интересов которых, по существу, и определяет содержание всей китайской гражданской войны.

Сунь Ят-Сен и гражданская война.

(Из документов китайской революции).

Для того, чтобы дать более полную картину китайской гражданской войны в оценке Сунь-Ят-Сена, мы приводим несколько его писем и речей, в которых он оценивает различ-

ные моменты гражданской борьбы, равным образом и тех деятелей Китая, которые были главными действующими лицами политической истории Китая последнего десятилетия.

Приводимые нами документы китайской революции интересны еще и в том отношении, что они рисуют нам крупную фигуру отца китайской революции в свете международной политики. Ибо письма Сунь-Ят-Сена к американскому президенту Вудро Вильсону, к японскому военному министру Танака, или обращение к членам американского сената,—все это акты международной политики, ибо Сунь-Ят-Сен не делал из этих своих речей и обращений секретов и публиковал их. Эти документы—своеобразные дипломатические ноты, с которыми Сунь-Ят-Сен обращался к друзьям и врагам китайской революции.

Кроме этих, перечисленных выше, документов мы приводим еще речь Сунь-Ят-Сена перед китайскими студентами, возвратившимися из-за границы, в которой он говорит о задачах китайской революции. Этот документ рисует Сунь-Ят-Сена, как неутомимого агитатора, который отдал все свои силы на служение делу китайской революции.

I.

Письмо Сунь-Ят-Сена к Вильсону *).

«Поздравляю вас с победой, которую вы одержали над милитаризмом в мировой войне. Вы оказали величайшую услугу цивилизации и демократии, которая когда-либо была оказана. Когда вы в прошлом году советовали Китаю вступить в число воюющих против Германии держав, я изо всех сил противился этому, ибо я знал, что китайские милитаристы, наверное, воспользуются этим, чтобы придушить демократию Китая. К несчастью, мое предсказание оправдалось. Летом прошлого года, в то время, как вопрос о вступлении Китая в ряды союзников обсуждался в парламенте, бывший предводитель боксеров, Чжань-Сюнь, совершил переворот, согласно секретного приказа тогдашнего премьера Дуань-Ци-Джуя, в целях уничтожения парламента и возведения

*) Вудро Вильсон, президент Соединенных Штатов Америки во время империалистической войны 1914—1918 гг., автор „14 пунктов“; умер в 1924 году.

на престол маньчжурского императора. Таким образом, они пытались сокрушить демократию одним ударом. Но это движение не было приветствуемо китайским народом и великими державами. Дуань-Ци-Джуй понял, что монархическое движение обречено на провал, а потому он немедленно переменил фронт, соединившись с христианским генералом Фын-Юй-Сяном, который в это время шел со своей бригадой к Пекину для подавления монархистов. Дуань-Ци-Джуй стал во главе анти-монархического движения и, таким образом, сделался спасителем республики.

Немедленно после того, как я узнал о восстановлении монархии, я уехал из Шанхая (5 июля 1917 г.) в Кантон с частью китайского флота с намерением сражаться с монархистами. Когда я прибыл в Кантон, я узнал, что задача, которую я намеревался осуществить, уже осуществлена Дуань-Ци-Джуем. Я поздравил его по поводу его патриотического поступка и посоветовал ему немедленно восстановить парламент. К моему разочарованию, он пренебрег моим советом и, к моему удивлению, как я впоследствии узнал, был душою боксерского движения Чжан-Сюня, которое имело целью разрушить иностранные учреждения и восстановить маньчжуров.

Тогда я, за своей личной ответственностью, предпринял шаги по созыву парламента в Кантоне. Сперва я встретил сильную оппозицию со стороны южных милитаристов, но, когда они увидели, что общественное мнение было на моей стороне, они перестали чинить мне препятствия. Население Кантона приветствовало мое предложение, и гуандунское провинциальное собрание немедленно разослало по всем провинциям приглашения членам парламента, прося их приехать в Кантон. Приглашение было принято единодушно. Южные милитаристы, видя, что конституционное движение сильно поддерживается населением, не осмелилось открыто войти в контакт с Севером. Они тайно замыслили низвергнуть демократию на Юге. В конце-концов, после годовой работы при невыносимых условиях мне удалось собрать кворум в парламенте, большинство которого составляли члены обеих палат старого парламента. В течение этого времени Север посылал экспедицию за экспедицией для сокрушения Юга.

Таким образом, южные милитаристы принуждены были бороться за конституцию рука об руку с моими последователями попросту в целях самозащиты. В этом заключается истинная причина войны, которую начали северные милитаристы против Юга. Но это не война между Севером и Югом, как многие думают, так как половина членов парламента, находящихся в настоящее время в Каптопе,—северяне. Фактически это война между милитаризмом и демократией. Северные милитаристы прекрасно знают, что то, за что мы боремся, справедливо, а также, что они не смогут победить нас. Они соорудили «парламент» для того, чтобы уничтожить парламент, избранный народом, для того, чтобы приобрести общественное мнение на территории, где они находятся, и таким образом пустить пыль в глаза ипостранным державам.

Со времени смены кабинета в Японии снабжение деньгами и оружием Севера приостановлено. Оставшись без поддержки, северные милитаристы в настоящее время делают предложения Югу: распустить оба парламента и распределить на новых началах официальные должности в Китае. Южные милитаристы приветствуют эту идею, так как она даст им возможность разделить между собою народное достояние и попортить народные права. Официально сообщают из Пекина, что Америка желает, чтобы Китай прекратил междоусобную войну, и что если Юг не согласится на это, то милитаристы обратятся к содействию Америки для нажима на Юг. Таким образом, во время мировой войны милитаристы нас обвиняли в том, что мы против войны, а теперь, накануне мира, нас скоро, вероятно, будут обвинять в том, что мы против мира. Мы сражались против неравных, превышающих нас числом сил, против японских денег и оружия, и все же мы держимся, но, если пекинские милитаристы воспользуются моральной и физической поддержкой Америки, подобно тому, как они пользовались поддержкой Японии, против угнетенного народа, надежда китайской демократии будет потеряна.

Я принужден обратиться к вам лично во имя справедливости, демократии и мира в Китае и ознакомить вас с нашими мирными условиями. Мы настаиваем на единственном условии: наш парламент должен обладать полнейшей свободой, дабы он мог выполнять свое настоящее назначение.

Если это простое, разумное и умеренное условие будет отклонено, мы будем бороться, несмотря ни на какие нажимы, которые пекинские милитаристы будут употреблять против нас. Ибо наш парламент был добыт ценою мучеников нашей революции, и он является основателем нашей республики. Более того: этот парламент был законно уполномочен составить и принять конституцию республики. До сих пор, пока эта особенная обязанность нашего парламента не выполнена, и новая конституция не обнародована, он не может быть распущен. Когда Юань-Ши-Кай намеревался вступить на престол, он внезапно уничтожил этот парламент. И народ восстал и разбил его. Теперь мы вторично боремся за этот же парламент. Этот же парламент был признан, благодаря вашему личному содействию, Америкой. Могу ли я не надеяться на вас, что вы спасете китайскую демократию, сказав свое слово в защиту угнетенного народа. Парламент, признанный вами, должен быть уважаем.

Сунь-Ят-Сен.

Шанхай, 17 ноября 1918 г.*

Речь Сунь-Ят-Сена к членам американского конгресса, произнесенная в Шанхае.

«Китай в настоящее время находится в состоянии полнейшего хаоса, ибо в течение 3 лет происходит гражданская война между Севером и Югом. Юг делится на две партии: юньнаньскую и гуансийскую, в то время, как на Севере мы были свидетелями борьбы между чжилийской и аньхойской партиями. Большого хаоса в Китае никогда не было. Положение с каждым днем все ухудшается, и сейчас многие потеряли всякую нужду на разрешение китайского вопроса.

Но мне думается, что если подойти правильным путем к вопросу, то можно было бы разрешить его. Нужно принять во внимание три обстоятельства при разрешении китайского вопроса.

1. Вопрос этот не является чисто-китайским, как думают иностранцы. Двадцать лет тому назад Китай был накануне раздела, когда восемь держав заняли Пекин, и вся страна была всецело на их милости. Многие державы высказались

тогда в пользу немедленного раздела, но краткая циркулярная нота государственного секретаря Америки Дж. Гэя к подлежащим державам сразу разрешила этот вопрос. Если бы китайский вопрос касался только иностранцев, иностранные дипломаты могли бы скоро его разрешить.

2. Китайцы умеют улаживать вопросы, которые касаются исключительно Китая. Так, они перешли от монархической формы правления к республиканской. Всякий вопрос, относящийся к внутренним делам Китая, может быть разрешен самими китайцами.

3. Настоящий вопрос является сложным вопросом: он не является чисто-китайским и не касается исключительно иностранцев. В нем заключаются интересы и китайцев, и других держав. Вот поэтому-то его и трудно разрешить. Необходимо изучить все детали китайского вопроса, прежде чем приступить к его разрешению. Как только вы определите природу вопроса, вы легко разрешите его.

Я считаю, что ключом к разрешению вопроса является уничтожение двадцати одного требования. Если двадцать одно требование будет уничтожено, в Китае не будет волнений.

Что такое двадцать одно требование? Многие считают, что это попросту захват Китая Японией. Если бы это было так, тогда вопрос был бы проще, так как объединенный Китай мог бы противостоять захватническим стремлениям Японии, фактически же к представлению этих требований дали повод китайцы. Так Юань-Ши-Кай соглашался на все концессии, указанные в требованиях, в награду за поддержку Японии при его попытках вступить на императорский трон. Сперва Япония не решалась предъявить даже эти «исчерпывающие» требования. Тогдашний японский министр иностранных дел, барон Ито, заверил, что Юань-Ши-Кай согласился на подобные требования. Он заставил Юань-Ши-Кая дать обещание не открывать никому содержания требований, прежде чем Япония представит их. Но после их представления секретное содержание требований обнаружилось, и они встретили оппозицию со всех сторон. Китайцы, иностранцы и даже приближенные Юань-Ши-Кая отнеслись враждебно к представленным требованиям.

Юань-Ши-Кай посоветовал японскому правительству быть

настойчивым и, если нужно, отправить войска в Китай, в виде военной демонстрации. Япония последовала совету, и войска были отправлены в Китай. В ответ на нападки на правительство со стороны японского общественного мнения, вследствие вышеприведенных, ничем не оправдываемых действий, японский премьер заявил, что срок службы охранной стражи вдоль Южно-Маньчжурской ж. д., а также дивизий, находящихся в Корее, истек, и войска посылаются на смену их. Это было только предлогом для успокоения общественного мнения Японии. Но в Китае Юань-Ши-Кай объяснил отправку войск в Китай, как непосредственную угрозу последнему. Он заставил китайцев поверить, что если они не согласятся на 21 требование, японцы прибегнут к вооруженной силе. Эта глубокая интрига до сих пор не была еще известна общественному мнению.

В то время японское общественное мнение считало 21 требование огромной дипломатической ошибкой со стороны японского правительства, и министр иностранных дел принужден был выйти в отставку.

Наперекор объединенной оппозиции всего Китая Юань-Ши-Кай приказал своему премьеру, в настоящее время занимающему пост президента, Сюй-Шип-Чану и министру иностранных дел Лу-Чжен-Сяну, подписать договор, заключающий в себе 21 требование. Когда 21 требование стало совершившимся фактом, японский народ прекратил агитацию против своего правительства. Согласно этому договору Китай становился вассальным государством.

Точно такой же метод Японией применялся раньше в отношении Кореи. После подписания договора японские милитаристы и дипломаты принялись за упрочение своего господства в Маньчжурии и других частях Китая. Японское правительство было тогда вполне уверено, что оно в состоянии завоевать Китай дипломатическим путем. Япония употребляла все усилия, чтобы удержать Китай от участия в мировой войне, наперекор настойчивому стремлению Англии привлечь Китай на сторону союзников.

Мировые события внезапно изменились. Соединенные Штаты прервали дипломатические сношения с Германией и пригласили Китай последовать своему примеру. Многие представители китайской интеллигенции считали это един-

ственным путем для спасения Китая. Спустя несколько дней после того, как пекинское правительство решило последовать примеру Америки, японский генеральный консул в Шанхае пришел ко мне и показал мне документ, в котором сообщалось, что японское правительство намерено просить Китай присоединиться к Японии и объявить войну Германии.

Я спросил его, что послужило поводом к такой внезапной перемене со стороны правительства. Он не дал мне удовлетворительного ответа. Я сказал японскому генеральному консулу, что я согласен с прежней политикой Японии, рекомендовавшей Китаю сохранение нейтралитета, и буду всеми силами противиться новой попытке втянуть Китай в войну под японским покровительством. Я думал в то время, что Япония не надеется на возможность завоевания Китая дипломатическим путем и пытается завоевать его путем установления военного контроля под видом предложения Китаю участвовать в войне. Я увидел, что я беспомощен, так как все державы хотели вступления Китая в войну. Они бессознательно помогли Японии учинить контроль над Китаем, и только одно средство оставалось для меня—разделить Китай на две части. Необходимо было помешать пекинскому правительству слепо следовать за Японией.

Мы организовали правительство в Кантоне, и нам удалось сделать шах и мат планам пекинского правительства. Японцы предоставили деньги и оружие в распоряжение Дуань-Ци-Джуя в целях нашего уничтожения. Несмотря на незначительность средств, которым мы располагали, и несмотря на наши внутренние разногласия, так как южные милитаристы имели тесную связь с Пекином, получая оттуда приказания, нам удалось оказать огромное сопротивление. Когда началось сражение, милитаристы увидели, что общественное мнение против них, и они перешли на нашу сторону.

Европейская война окончилась. Пять держав, включая и Японию, представили меморандум пекинскому и кантонскому правительствам, советуя им заключить мир для того, чтобы Китай мог послать представителей на мирную конференцию. В то же самое время японские милитаристы составили план завоевания Китая при помощи китайских милитаристов. Они создали двух богов войны: одного в Пекине—Дуань-Ци-

Джуя и другого в Мукдене—Чжан-Цзо-Лина. Последний получил значительную помощь от Японии, благодаря чему его армия насчитывает теперь около 300.000 солдат. В армии Дуань-Ци-Джуя было около 100.000 солдат. Таким образом, армия Китая оказалась под контролем Японии.

Во время мирной конференции я настаивал на восстановлении функций законного парламента, в виду того, что все договоры должны быть ратифицированы парламентом, прежде чем войдут в силу. Я знаю, что законный парламнт пикогда бы не ратификовал «21 требования». Таким образом я стремился к уничтожению «21 требования» путем издания соответствующего акта законным парламентом. Север отказался восстановить парламент и отозвал своих делегатов из Шанхая. Следствием этого был, естественно, роспуск мирной конференции. Вскоре после этого Дуань-Ци-Джуй начал заигрывать со мной. Он заявил, что борьба между Севером и Югом была попросту борьбой между им и мной. Войска же Юга и Севера сохраняли нейтралитет. Он просил, чтобы я наметил условия, которые можно было бы считать базисом для мирных переговоров. Первым моим условием было уничтожение всех секретных договоров с Японией. По этому вопросу мы обменивались взглядами в течение года через своих личных представителей. В конце-концов он принял мои условия и согласился уничтожить военный договор. После совещания с моими товарищами мы обнаружили манифест, в котором заявляли о нашей готовности начать мирные переговоры на прежних основаниях. Затем Дуань-Ци-Джуй уведомил меня телеграммой и в телеграмме, адресованной бюро пограничной защиты, заявил, что военный договор будет уничтожен. Это было причиной недавних волнений на Севере, результатом которых было поражение Дуань-Ци-Джуя. Он разбит двумя армиями: анти-японской под командой ген. У-Пей-Фу и про-японской под командой ген. Чжан-Цзо-Лина.

Общественная поддержка и иностранные державы на стороне ген. У-Пей-Фу. Многие полагали, что после поражения Дуань-Ци-Джуя положение улучшится, но, как мы видим, положение с каждым днем ухудшается. Мой план—воспользоваться обученной японцами армией пограничной защиты против японцев потерпел фиаско, вследствие поражения

Луань-Ци-Джуя. Каким образом вопрос этот не был бы улажен, мы не примем условий, в которых будет «21 требование». «21 требование» и военный договор являются цепью, которой японцы хотят сковать Китай по рукам и ногам. Мы, революционеры, будем сражаться до последнего солдата, пока «21 требование» не будет уничтожено. Хаос в Китае возник благодаря «21 требованию», и, когда они будут уничтожены, Китай немедленно объединится. По внимательном изучении сложного китайского вопроса мы приходим к выводу, что он не является ни чисто-китайским, ни чисто-иностраным вопросом. Силы китайцев и даже демократических элементов Японии могут быть привлечены для уничтожения «21 требования». Циркулярная нота Дж. Гэя доказала, что перо могущественнее меча. Я прошу членов американского конгресса помочь разрешить китайский вопрос. Вы будете в гостях у Японии. Я надеюсь, что вы используете ваше доброе влияние на Японию и будете стремиться к уничтожению «21 требования», что является единственным способом разрешить настоящий китайский вопрос».

**Письмо Сунь-Ят-Сена к японскому военному-министру
ген. Танака *).**

«Ваше превосходительство.

Давно уже не получал от вас писем. Однако, по обыкновению, я много думал о вас. В настоящее время я живу в Шанхае и уже около года не принимаю непосредственного участия в политической жизни страны. Тем не менее, я продолжаю внимательно изучать изменения, происшедшие в международных отношениях под влиянием мировых идей. Особенно мое внимание привлекает создавшееся крайнее опасное положение на Дальнем Востоке и установившиеся недружелюбные отношения между Китаем и Японией. Мне бы хотелось найти выход из создавшегося положения. Я неоднократно высказывал свое мнение японским интервьюерам, посещавшим меня, что политика Японии является одной

*) Лидер японских милитаристов.

из главнейших причин ухудшения отношений между двумя народами. Япония является сильной мировой державой, и, благодаря силе своего флота, армии и своему финансовому положению, владеет гегемонией на Дальнем Востоке. Поддержание мира и порядка среди малых народов на Дальнем Востоке поручено Японии.

Насколько мне известно, политическая власть в Японии находится в руках милитаристов. В настоящее время вы являетесь фактически верховным командующим и начальником над всеми офицерами и чиновниками Японии. Так как вы меня знаете очень хорошо, то я могу поделиться с вами своими мыслями и надеждами. Современная политика Японии имеет своим основанием захватнические стремления японских милитаристов и капиталистов, которые всячески помогают старым китайским бюрократам-взяточникам в их борьбе с возрождением Китая. Так; Япония оказывала поддержку Юань-Ши-Каю во время волнений в 1915—1916 гг. Когда началось монархическое движение, и китайский народ окончательно потерял доверие к Юань-Ши-Каю, японское общественное мнение было также не на стороне Юань-Ши-Кая. Государственные деятели Японии, учитывая, что Юань-Ши-Каю не удастся вернуть доверие народа, и что власть окончательно выпала из его рук, стали на сторону оппозиционно настроенных к Юань-Ши-Каю партий в целях расширения сферы своего влияния в Китае. Но для них вовсе не было желательно, чтобы власть находилась в руках у демократов, а потому у власти остались бюрократы, подобно Цзэнь-Чунь-Сюаню, который в настоящее время стоит во главе южного правительства.

Япония все время помогает монархическим партиям в Китае, ссужая их оружием и деньгами, и благодаря этому волнения в Китае до сих пор не прекратились. Так как вы являлись одним из главнейших участников в этом деле, то вы, вероятно, помните все факты очень хорошо. Когда Юань-Ши-Кай умер, Япония стала помогать бейянской военной партии при посредстве ее лидера Дуань-Ци-Джуя. Следствием этого явилась отставка президента Ли-Юань-Хуна и роспуск парламента. Монархическое движение геп. Чжап-Сюня, говорят, также было начато с одобрения японского правительства. В то время вы, генерал, путешество-

вали по Китаю, и ваша поездка совпала с контр-революционным движением Чжан-Сюня. Хотя я не смею верить, что вы были причастны к этому движению, но многие считают вас инициатором его. Вообще же контр-революционное движение в Китае и военная партия находятся в тесном контакте. После насильственного роспуска парламента, я, взяв на себя командование армией и флотом, организовал южное правительство в Кантоне. В это время японское правительство, заявив, что оно не вмешивается во внутренние дела Китая, на самом же деле помогало Дуань-Ци-Джю при подавлении влияния демократических партий. Японское правительство неоднократно помогало пекинскому правительству деньгами и оружием в целях продления междоусобной войны.

Когда я стоял во главе южного правительства, мы отправили ноту ко всем правительствам держав с изложением причин нашей борьбы с Севером. Все державы приняли нашу ноту, за исключением Японии. Отсюда для всех ясно, что японские милитаристы против возрождения китайской демократии. Во время двухлетней гражданской войны, когда армия южан доказала свое превосходство, Япония заявила, что она придерживается политики примирения двух сторон, а на самом деле помогала Дуань-Ци-Джю. Последний, наконец, понял, что гражданская война бесполезна, и милитаризм идет вразрез с мировыми идеями, и, сознав свои прежние ошибки, решил примириться с демократической партией (Го-мин-дан), а также примирить Север с Югом. Но еще переговоры о мире не начались, а уже является препятствие к ведению их: Чжан-Цзо-Лин в Пекине. Говорят, что он решил препятствовать мирным переговорам и добивается восстановления монархии. Хотя достоверно неизвестно, правда это или нет, но имеется пример—Чжан-Сюнь, можно всего ожидать.

Чжан-Цзо-Лин—хунхуз, достигший высокого положения благодаря поддержке Японии. Один японский сановник сказал мне, что Чжан-Цзо-Лин не делает ни шагу без согласия Японии. Я верю этому, принимая во внимание события последних лет. Если Чжан-Цзо-Лин отправился в Пекин, он, вероятно, сделал это с согласия Японии. Япония желает продлить гражданскую войну в Китае, а потому она по-

могает Чжану и Дуаню. Будущее Китая мне кажется беспросветным. Меня беспокоит положение Дальнего Востока. Дурные отношения установились между Китаем и Японией, так как Китай не согласен с политикой Японии. Китайский народ считает Японию своим врагом, и, если Япония будет продолжать вмешиваться во внутренние дела Китая, китайский народ будет бороться с нею не только посредством бойкота японских товаров.

Вы—лидер японских милитаристов, вы стоите у власти. Вы должны учесть международное положение и кризис на Дальнем Востоке. Вы должны изменить вашу политику, и тогда отношения между двумя народами постепенно улучшатся. Вы часто говорили о прочном мире на Дальнем Востоке, а потому, я надеюсь, найдете способ достигнуть его.

С совершенным почтением

Сунь-Ят-Сен».

Из речи Сунь-Ят-Сена, сказанной им на собрании студентов, вернувшихся из-за границы.

«Граждане, имеются только два способа спасения нашей родины: поддерживать учреждения, которые были организованы во время моего трехмесячного управления республикой в Нанкине, или начать сызнова всю работу. Вы должны сами решить, что вы желаете,—так и будет. Вы, может-быть, думаете, что у вас нет власти? Но, ведь, согласно временной конституции Китайской республики, вы являетесь единственными хозяевами страны. Ваша власть будет действительна, если вы научитесь, как ею пользоваться. Посмотрите на студенческое движение, которое приняло только пассивные меры борьбы, однако, каких удивительных результатов удалось добиться за это короткое время!

В единении—сила. Если вы теперь же объединитесь, чтобы сообща добиваться ваших прав в форме парламентарного правительства, я уверен, вы достигнете благоприятных результатов. До сих пор только мои последователи вместе со мною настаивали на восстановлении парламента. В течение двух лет мы не сдали наших позиций. Если вы перейдете на нашу сторону, я уверен, пекинское правитель-

ство не осмелится бросить нам вызов. Таким образом может быть достигнут истинный и длительный мир. Вот то, что я подразумеваю под поддержкой учреждений.

Если нельзя будет достигнуть этого, тогда остается только единственный выход—приняться снова за революционную работу. «Опять революция. Разве мы имели недостаточно революций за это время?» могут сказать некоторые из вас. Многие говорят, что революционеры только умеют разрушать, но не умеют создавать. Это неверно, поскольку это относится к моим последователям, так как мы всегда принимались за созидательную работу раньше, чем приступить к разрушению. Мы низвергли маньчжурскую династию, но оставили старую прогнившую бюрократическую систему нетронутой. Наша ошибка заключается в том, что мы не сумели разрушить ее до конца. Мы свергли одного деспота, но на его место появились три, гораздо более опасных. И вот бюрократы, милитаристы и политические интриганы властвуют в нашей республике. Товарищи-граждане, в виду, того, что вы являетесь хозяевами республики, вы должны приказать, чтобы эти отбросы нации ушли. Решили ли вы избавиться от них? Некоторые из вас могут сказать, что у вас нет средств для этого... Но вспомните, что несколько дней назад вы праздновали годовщину китайской революции... Как произошла эта революция? Она произошла исключительно благодаря счастливой случайности...

Штабквартира революционеров была выслежена сыщиками пекинского правительства, и были произведены аресты. Тогда инженерный и артиллерийские полки из боязни дальнеших арестов начали движение. Первый выстрел, произведенный ротой Сюнь-Бин-Цзюна, освободил нас от маньчжурского ига. Сюнь-Бин-Цзюн рассказывал мне, что он начал сражение, имея всего только две пачки патронов, которые он получил от своего друга, западного солдата. (В то время были отняты патроны у всех отрядов, находящихся на подозрении).

Таким образом, вы можете заключить, насколько незначительны были средства революционеров, когда они начали великую революцию, которую вы празднуете ежегодно 10 октября. В настоящее время 15 дивизий сражается за конституционную идею. Эта национальная армия не послушает-

ся эгоистичных дущюней и высших военачальников, по подчинится приказаниям народа. Так вот почему, когда я начал настоящую войну против изменников—северян-милитаристов—южане стали в сильную оппозицию ко мне. Дущюнь Каптона, города, который я сделал своей штаб-квартирой, был надежной опорой пекинской шайки. Когда я сообщил ему свои планы, он немедленно восстал против меня. Но так как на моей стороне были солдаты, он оставил меня в покое. Когда южные милитаристы увидели, что борьба за конституцию становится успешной, они все присоединились ко мне, и вместе с тем секретно предлагали северным милитаристам заключить с ними мир с тем условием, чтобы богатства страны разделить поровну между собою... Вот почему пекинская шайка так упряма в отношении вопроса о мире».

(Шанхай, октябрь 1919 г.).

Борьба классов в современном Китае.

Историки китайской революции склонны очень большое место уделять рассуждениям о расовой борьбе между китайцами и маньчжурами, как главной из движущих сил китайской революции 1911 года. У Сунь-Ят-Сена тоже сквозят подобные потки, да и во всем его учении так-называемый национализм занимает превалирующее положение.

Мы, конечно, не склонны отрицать элемента расовой борьбы в китайской революции, но, нам кажется, эта борьба играла и играет в китайской революции отнюдь не главную роль. Если говорить о движущих силах китайской революции, то нужно обратиться к социально-экономическим условиям развития Китая и здесь искать ключа к пониманию как китайской революции 1911 года, так и последовавшей за ней гражданской войны в Китае, которая продолжается по сей день.

Монархия Цин мешала прогрессивному развитию Китая, втянутого в сферу международного товарообмена,—вот основная причина, почему эта монархия была снесена бурным потоком китайской революции.

Процесс накопления сил китайской революции начался

с того момента, когда международный капитал в поисках за рынками вторгся в Китай и начал хозяйничать там в погоне за сверх-прибылями. В данном случае иностранный капитал сыграл революционизирующую роль: он первым пробудил Китай от его вековой спячки; он принес с собою методы капиталистической эксплуатации, которая пробудила сознание национальной мысли и поставила вопрос о борьбе за самостоятельность и независимость Китая. Эти идеи вдохновляли китайских революционеров, свергавших монархию, ибо они в этом свержении маньчжурской династии видели основную предпосылку для своей дальнейшей борьбы за суверенность китайского народа, которая при маньчжурах жестоко попиралась международным империализмом.

Но, освободившись от монархии, Китай оказался не только не в состоянии освободиться от опеки международного империализма, но, благодаря проискам последнего, до сего времени не может получить устойчивого политического равновесия, которое помогло бы ему в завершении хотя бы политической части китайской революции—укрепления республиканских форм правления.

Существует ходячее мнение, что в Китае случилось худшее, что может случиться с революцией: она выродилась в борьбу отдельных милитаристических группировок, которые, опираясь на штыки, захватывают поочередно власть и давно не имеют никакой связи с китайским народом. Эта беспрерывная двенадцатилетняя гражданская война тормозит тот процесс социального и экономического развития Китая, который, несомненно, на другой день революции должен был бы пойти усиленным темпом. На самом деле огромный Китай, с его сотнями миллионов населения, с его естественными ресурсами, несомненно, способен на развитие производительных сил. Но сейчас это развитие тормозится и не имеет того темпа, который нужен для огромного Китая.

Дым гражданской войны густой завесой покрывает Китай и в большинстве случаев затрудняет понимание того, что там происходит, особенно для исследователей, которые не знают живой действительности современного Китая и оперируют больше предположениями и теоретическими абстракциями.

Несомненно, темп экономического развития Китая замедлен, но было бы величайшей ошибкой утверждать, что китайская революция и последовавшая за ней гражданская война не форсировали капиталистического развития Китая. С другой стороны, процесс гражданской войны в Китае, несомненно, имеет органическую связь с борьбой тех классов, которые сейчас выходят на политическую арену китайской действительности с все более и более оформляющимися классовыми требованиями. И это не должно быть удивительным, ибо уже одно существование сил старого и нового Китая, обуславливает неизбежность подобной борьбы.

Поэтому, нам кажется, самым верным для понимания современного Китая методом будет знакомство с классовой структурой Китая сегодняшнего дня. Из соотношения классов и их интересов в Китае складывается борьба и ее вероятный исход, поэтому и пути к будущему Китая можно легче найти, идя именно этой дорогой.

Мандариат феодального Китая. До революции 1911 года в Китае существовало основное деление всего населения на четыре главных сословия: ученых, земледельцев, ремесленников и купцов. Если не заглядывать в далекое прошлое, а обратиться к трехсотлетней истории царствования династии маньчжуров, то над этим сословным делением Китая мы должны будем поставить маньчжурскую чиновничью знать, которая по праву завоевания управляла Китаем, занимая все ответственные места государственного управления и имея при себе, в качестве соуправляющих и заместителей, китайцев, главным образом, из ученого сословия.

Экзамены и ученое звание открывали китайцам путь к власти; отсюда и родился этот знаменитый мандариат, который опутал старый Китай тенетами своей бюрократической опеки и который подарил Китаю знаменитые мандаринские шариксы, символизировавшие иерархию китайской учености.

Завоеватели - маньчжуры всю систему управления Китаем строили на принципе максимального обложения завоеванных китайцев податью—данью в пользу победителей. Поэтому на первом месте после войск (так-называемые восьмизнаменные маньчжурские войска) в государственном управлении занимал место финансовый аппарат по выколачиванию нало-

гов. В качестве административных единиц существовали округа, на которые разделялись провинции. В свою очередь, провинции объединялись для удобства управления в вице-королевства.

Если маньчжурская династия смогла на податливые, выколотые из китайцев, создать те памятники прошлого, которые сейчас украшают Пекин и древнюю столицу маньчжуров—Мукден, то местные администраторы от начальника округа до вице-короля тоже не забывали себя и сосредоточивали в своих руках значительные ценности. Отсюда берет свое начало рождение той административно-служилой феодальной аристократии, которая к концу царствования маньчжуров превратилась в могущественнейший класс, державший в своих руках весь Китай.

Мандаринат особенно сильное развитие получил на севере Китая, где он так глубоко пустил корни, что китайская революция не смогла его вырвать. И на другой день после революции мандаринат, срезав шарики, по оставшимся по существу тем же, оказался опять у власти, захватив аппарат управления учрежденной республики.

Поскольку китайская революция в первой своей стадии носила национально-расовый характер и была направлена против маньчжуров, китайский мандаринат мог считать себя вне ударов революции. Поскольку, с другой стороны, китайская революция носила исключительно политический характер, она убрала вместе с маньчжурами несколько одиозных фигур китайских мандаринов, но не тронула имущества мандарината в целом и этим оставила в его распоряжении те материальные средства, которые на-ряду с его умением «управлять» делали мандаринат, как класс, социально устойчивым.

С другой стороны, мандаринат обнаружил умение приспособляться к обстоятельствам: революция, борясь против централизаторских тенденций маньчжуров, открыла возможности для центробежных сил, а также содействовала усилению милитаризации Китая на почве вспыхнувшей гражданской войны. Мандаринат учел и то, и другое. Он вступил в тесный блок с представителями нарождающегося в Китае милитаризма и за одиннадцать лет гражданской войны крепко сросся с милитаризмом. Поэтому, без преувеличения,

современный китайский мандаринат можно назвать милитаризованным мандарином.

Именно таковы все те военные группировки, которые фигурируют под разнообразными наименованиями, а именно: «чжилийская», возглавляемая ген. Цао-Куном, «фыньтянская» — ген. Чжан-Цзо-Лином, «аньфуистская» — ген. Дуань-Ци-Джун и т. п. Здесь тесно переплелся современный мандаринат с военщиной. В отдельных провинциях то же самое. И понятно, что мандаринат не желает без боя отдавать своих позиций. Тем более, что в его руках пока находится оружие — наемные армии, которые ему позволяют вести борьбу за свою власть и этим сохранять свое командное положение.

Но не только этим силен мандаринат, — он силен еще без молвию китайского народа и в первую очередь китайского крестьянства, которое представляет огромнейшую часть населения современного Китая.

Мелкобуржуазный Китай. Основная масса населения многомиллионного Китая — крестьянство, которое представляет около 80% всего населения страны. Это преимущественно масса мелких землевладельцев, владеющих крошечным кусочком земли, на котором они ведут грядковую культуру, усиленно удобряя истощенную почву. В большинстве, для Среднего Китая размер земельного участка, находящегося в пользовании семейства, не превышает десятины. И только на севере, в Маньчжурии, земельные просторы последней дают возможность иметь пашины больших размеров (от 4 до 70 десятин).

Мертвый инвентарь китайского хозяйства крайне примитивен, живой — почти отсутствует, ибо большинство хозяйств бесскотные. Неудивительно, что при таких условиях китайское крестьянское хозяйство является крайне маломощным, и если все же Китай держится именно этим хозяйством, то это нужно отнести за счет количества китайских хозяйств. Эта хозяйственная маломощность, при наличности необычайной плотности населения, особенно в Среднем Китае, создает большую неустойчивость хозяйства. Голод — частый гость Китая, и он уносит не тысячи, а миллионы жертв; миллионы людей он также перемещает из одного конца Китая в другой.

Проникновение в Китай международного капитала отразилось на крестьянском хозяйстве. Если иностранный капитал ввозил в Китай свои фабрикаты, то из Китая он брал сырье, добываемое, главным образом, усилиями сельского хозяйства. В среднем экспорт из Китая для сельского хозяйства характеризуется так: 24% приходится на разные растительные масла и маслянистые изделия, 22% шелк, 9% зерно и мука, 4% чай, 10% продукты животноводства. Иными словами, почти 70% всего экспорта.

Но пока это только показательная тенденция, так как сам по себе китайский экспорт ничтожен, и международный товарообмен еще только-что начинает задевать сельское хозяйство Китая. И если расслоение хозяйства в той или иной мере имеет место, то это должно быть отнесено больше за счет внутреннего рынка.

В своем основном большинстве китайский крестьянин безграмотен, а вековая китайская косность выработала в нем особую консервативность, на преодоление которой пошла львиная доля энергии, развитой китайской революцией. Патриархальный быт держит крестьянина в своих лапах прочно. Но жестокая экономическая необходимость, разрезая пути косности, патриархальности и прочего, кромсает китайское крестьянство, как целое, и разлагает его на составные части: одних бросая в нищету, другим давая возможность некоторого материального благополучия.

Китайская беднота, теряющая свою хозяйственную самостоятельность, выжимается из китайской деревни и идет на сторонние заработки; она же укомплектовывает кадры «кули» (китайских чернорабочих), а также и китайскую армию, где еще остается принцип найма солдат.

Революция, несомненно, усилила этот процесс расслоения китайского крестьянства. Как-никак, но китайская революция развязала экономику Китая, она усилила его экспорт. Переход к новым формам участия в мировом товарообороте внес новые требования к хозяйству, особенно в районах проникновения иностранного капитала. Мировой рынок начал иногда очень больно бить китайского земледельца. Достаточно указать хотя бы на пример империалистической войны. Война поставила вопрос о сокращении потребления шелка, как предмета роскоши; война же отрезала китайский

чайный рынок от его основного потребителя—России. В результате, сельское хозяйство Китая, в продукции которого видное место занимают шелк и чай, оказалось в критическом положении, от которого оно не может оправиться и по сие время.

С другой стороны, процессе милитаризации Китая оторвал от сельского хозяйства миллионы рабочих рук. Ибо при современном устройстве китайской армии последняя обслуживается огромным количеством кули. Да и сама по себе китайская армия представляет тоже огромное количество (свыше 1.000.000 душ) кули, одетых в солдатскую форму. Но именно в силу того, что китайская армия комплектуется из кули, она не имеет органической связи с китайским крестьянством, какую имела бы армия, организованная по принципу обязательной воинской повинности. Китайская армия стоит как бы над китайским крестьянством, и последнее очень сильно терпит от китайских солдат, которые, не получая жалованья, иногда жестоко грабят китайского крестьянина.

Вообще же за годы гражданской войны в Китае крестьянству пришлось очень много претерпеть от борющихся сторон. Это, так-сказать, непосредственный опыт является главной связью между процессами политической борьбы Китая и многомиллионными толщами китайского крестьянства. С точки зрения политического пробуждения Китая, это—плюс, с точки зрения экономики крестьянского хозяйства, это скорее—минус.

Конечно, китайское крестьянство вне всякой организации и представляет собою буквально распыленную массу, находящуюся в аморфном состоянии. В таком положении оно обречено пребывать еще долгое время, ибо не только политически воспитать, но даже просто взрыхлить эту человеческую толщу можно только на протяжении очень большого времени и при помощи очень сильных средств.

В городах Китая мелкая буржуазия представлена ремесленничеством и торговцами. В процентном отношении к основному населению Китая, эта часть сравнительно невелика, не больше 5—10%; но поскольку вообще город является центром, организующим хозяйственную жизнь своего округа, регулирующим товарообмен, постольку значение ре-

мещанинства и торговцев значительно. Китайский город—это, поистине, один большой базар, где вы найдете почти сплошь торговые лавочки и мастерские ремесленников.

Своеобразен китайский ремесленник, как тип необычайно усидчивого, кропотливого работника, который не стесняется временем, способен создавать ремесленные изделия необычайно тонкой работы и высокой художественной ценности. В большинстве случаев у ремесленника имеется несколько подмастерьев и учеников, получающих нищенскую оплату труда.

В противоположность распыленному крестьянству, китайское ремесленничество организовано в цехи и гильдии, объединяющие не только мастеров, но и подмастерьев, и учеников. Главными задачами этих организаций является установление цен на предметы их производства, установление заработной платы ученикам и подмастерьям, а также надзор за соблюдением традиций цеха и гильдии. В Китае насчитывается до 72 названий таких цеховых и гильдейских организаций, которые объединяют китайское ремесленничество.

Китайский ремесленный хозяйчик—типичный представитель мелкобуржуазного Китая. Он—собственник, он—консерватор, боящийся всяких новшеств. Он нутром чувствует, что машина и машинное производство, идущее в Китай из Европы и Америки, опасно для его существования, и поэтому он против новых форм развития производительных сил Китая. В ином положении находятся подмастерья и ученики, но о них у нас будет речь ниже.

Китайское купечество тоже своеобразно по своим приемам и методам торговли. По внешности оно медлительно и лениво. Времени не ценит. Торговля ведется тоже по традициям прошлого. Дешевый труд развращает китайского торговца, который обзаводится десятками приказчиков и учеников, торчащих в китайских магазинах.

Но, тем не менее, китайский купец выполняет свою основную функцию: он—собиратель капиталов. Он—рыцарь первоначального накопления. Он не только перераспределяет материальные ценности, создаваемые китайским ремесленником, но он оперирует сосредоточивающимися в его руках капиталами. Чаще всего капитал, собранный китайским купцом, идет на организацию ростовщического кредита. Меняль-

ная лавка, китаец - меняла орудует бок-о-бок с китайским купцом.

Китайский купец тоже организован. «Торговая палата» — вот тип организации, которую создало для себя китайское купечество. Здесь оно регулирует и регламентирует внутреннюю жизнь торговли. Но оно не удовлетворяется этим. По мере своего роста торговые палаты обычно являются органом выражения воли мелкой буржуазии в местных делах, когда она претендует на участие в делах местного самоуправления.

Если говорить о роли и значении всех перечисленных нами группировок китайской мелкой буржуазии в китайской революции, то оно, конечно, различно.

Крестьянство в целом оставалось в первые годы революции вне ее. Правда, оно принимало участие, но в той своей деклассированной части, которая ушла из крестьянского хозяйства в наемную армию, а также в резервную армию труда — кадры безработных кули. Эта крестьянская беднота, оторванная от хозяйства и одетая в солдатский мундир, свергала династию маньчжуров, отрезала традиционные китайские косы, но основная толща крестьянства в это время спала беспробудным сном.

Ремесленничество участвовало в революции, в лице его хозяйственно несамостоятельной части — подмастерьев и учеников, которые шли за революцией.

Более прогрессивной оказалась, несомненно, китайская торговая буржуазия, которая интуитивно чувствует, что революция эта несет выгоду, прежде всего ей, китайской буржуазии. Процесс революции для торговой буржуазии имел большое организационно-воспитательное значение. Возросла роль торговых палат, громче зазвучал их голос, и в городах они явились организационными центрами китайской буржуазии, особенно, когда на политическую сцену Китая стала выступать, в качестве действующей силы, китайская крупная торгово-промышленная буржуазия, народившаяся на почве, подготовленной деятельностью мелкой буржуазии Китая.

Рост китайской крупной торгово-промышленной буржуазии. Капиталистическое развитие Китая неизбежно вызвало рост китайской буржуазии. Для примитивных исследований китайской действительности, которые склонны требовать от китайского буржуа всех аксессуаров сходства с европейской

буржуазией,—до фрика и цилиндра включительно,—китайский буржуа—еще факт недостоверный и подлежащий сомнению. Но это не так.

Сомневаться в факте существования китайской буржуазии не приходится: она налицо. Китай имеет не только мелкую и среднюю буржуазию, но и крупную, владеющую громадными капиталами. При чем, это не только торговая буржуазия, но и промышленная, владеющая огромными предприятиями, где заняты тысячи рабочих.

Для того, чтобы лучше понять природу китайской буржуазии, нужно обратиться к характеристике ее по районам, где она черпает соки для своего развития и роста.

Китай не однороден. Так-называемый «Собственный Китай», состоящий из восемнадцати провинций, как бы на две половины разрезается великой китайской рекой Ян-цзы—Север и Юг. Это деление очень долго имело права гражданства, ибо такие придатки Китая, как Маньчжурия, стояли как-то особняком от Китая (были на правах его колоний, на-ряду с Монголией, Китайским Туркестаном и Тибетом и т. п.).

Но сейчас, когда капиталистическое развитие Китая заставляет более внимательно отнестись к экономике Китая, к его естественным богатствам и районировать Китай по этим признакам, то более правильным для Китая наметить такую схему: *Северный Китай*—это три провинции Маньчжурии (провинции Гириная, Хейлуцзянская и Фынтянь) и провинции: Чжили, Шанси и округа так-наз. Внутренней Монголии. *Южный Китай*—это провинции: Гуан-дун, Гуан-си, Гуй-чжоу, Юнь-нань, Сы-чуань. Остальные провинции, расположенные в бассейне реки Ян-цзы и экономически тяготеющие к ней за исключением двух: Фу-цзян и Чже-дзянь—приморских провинций, следует рассматривать как *Средний Китай*.

Если исходить из этой схемы и приемотреться к экономике этих районов, то нетрудно будет понять природу и особенности китайской крупной буржуазии применительно к ее различным градациям.

Возьмем, например, *Северный Китай*, главным образом, Маньчжурию, это, так-сказать, месторождение торгово-земледельческой буржуазии Китая. Основной предпосылкой для этого, несомненно, являются большие земельные просторы Маньчжурии и ее богатые сельскохозяйственные возможности.

Достаточно сказать, что в 1920 году в Маньчжурии по трем провинциям было площади запашки около 10.000.000 десятин под пищевыми злаками, т.-е. почти вдвое больше, чем во всей Японии. Но это не все ресурсы Маньчжурии; последняя имеет примерно еще около 10.000.000 десятин земли, годной для обработки. Отсюда понятно, какие возможности имеются у Маньчжурии для торгового земледелия.

В соответствии с этими земельными просторами находится и характер маньчжурского земледелия, где запашки отдельного семейства порой достигают до 70 десятин. Голод в Среднем Китае дал для Северного Китая, и особенно для Маньчжурии, большую колонизацию, что обеспечивает маньчжурское сельское хозяйство рабочими руками.

Неудивительно, что при таких условиях Маньчжурия имеет большие излишки пищевых продуктов для вывоза. Средняя производительность Маньчжурии в пищевых продуктах выражалась примерно в 9.490.000 тонн. Местное потребление поглощает 7.800.000, таким образом, для вывоза остается 1.690.000 тонн.

В результате этого вывоза Маньчжурия ввозит ежегодно значительное количество серебра и золота, что и служит к накоплению туземного капитала в Маньчжурии. То торговое и промышленное оживление, которое наблюдается сейчас здесь, лучше всего говорит за то, что на базе маньчжурского земледелия выросла буржуазия, которая не только собирает барыши от вывозной торговли, но и умело орудует собранными капиталами, пуская их в оборот.

В Маньчжурии, наряду с неизбежным ростом всяких кредитных предприятий, в виде банков и т. п. учреждений, передвигающих капиталы, начинают образовываться разные предприятия сельскохозяйственной промышленности: винокуренные заводы, мельницы и т. п.

Образование «Банка трех северных провинций», а равно возникновению торговых палат—все это указывает, что процесс роста капиталов в Маньчжурии идет интенсивно, а вместе с ними растет и китайская буржуазия этого района Китая.

Южный Китай в трех границах, которые нами указаны выше, тоже имеет главной основой своего хозяйства земледелие. Но в отличие от Маньчжурии, он не имеет тех земель-

ных просторов, которые имеются там. Кроме того, Юг имеет густое население, и почти все, что он производит, он должен использовать для своего потребления.

Таким образом, Юг лишен тех ресурсов экспорта, которые обогащают Север. Отсюда—слабое обогащение Юга вообще, и его буржуазии в частности. Здесь преобладает мелкая промышленность и средняя торговля; поэтому концентрация капиталов идет здесь медленным темпом. Здесь орудует ростовщический капитал.

Неудивительно, что и буржуазия Юга носит облик этой маломощности. Тут господствует мелкий ремесленник и лавочник, налагая на все свой отпечаток мелкобуржуазности.

Совсем иную картину мы находим в *Срединном Китае*, который, поистине, может считаться колыбелью китайской промышленности и торговой буржуазии.

Сам по себе бассейн реки Ян-цзы (Голубой реки) представляет собою богатейший из районов Китая. Свыше двухсот миллионов населения, огромные естественные ресурсы, плодородная почва и великая китайская река—водный путь через весь Китай к Тихому океану,—это ли не предпосылки для могучего промышленного развития Срединного Китая.

Запасы каменного угля для всего Китая исчисляются в 23 с половиной миллиарда тонн, железа—в 677 миллионов тонн; в большинстве это находится в *Срединном Китае*. Это повело к развитию металлургической и машиностроительной промышленности. «Машинное производство Ян-цзы», Ханькоу и ряд крупнейших предприятий в Шанхае, Чанша и др. местах намечают вехи развития этой отрасли китайской промышленности.

Но самое большое применение китайская предприимчивость, несомненно, нашла в текстильной промышленности. При общем количестве веретен, достигающем двух миллионов, на долю китайских фабрик, оборудованных вполне по-европейски, приходится сейчас свыше 40 проц. Но еще больше развита кустарная ткацкая промышленность, которая объединяется и финансируется китайским капиталом.

Шанхай—экономический центр Срединного Китая—является главными воротами, через которые идет экспорт и импорт Китая. Шанхай—главный регулятор китайской торговли, и шанхайская буржуазия—основной центр, куда сте-

каются капиталы Срединного Китая. Это повело к тому, что концентрация капитала в руках шанхайской буржуазии сделала ее в своем роде банком Срединного Китая. Действительно, главным образом, в Шанхае пышным цветом расцвел китайский кредит, возникли десятки крупных китайских банков, которые не только питают и регулируют шанхайскую торговлю, но протягивают свои щупальцы далеко в глубь Китая.

Здесь же, в Срединном Китае, интересны процессы, которые содействовали концентрации капитала, так-сказать, неторговыми путями. Здесь же выросли и наиболее сильные группировки военных клик; в богатых населением и материальными ресурсами провинциях богатели гражданские и военные власти, которые поборами и иными путями собирали в своих руках громадные состояния, которые этим производили как бы первоначальную концентрацию капиталов, которые в дальнейшем прилагались к промышленности и торговле.

Дуцзюнат как бы срастался с местной торговой и промышленной буржуазией и как бы вращал в нее. Можно назвать целый ряд имен китайских военных верхов, в том числе и главу партии чжилийцев—ген. Цао-Куня, нынешнего президента Китайской республики, который является крупнейшим владельцем многих предприятий и еще больше пайщиком таковых. Этот процесс не миновал и Маньчжурии, где Чжап-Цзо-Иин тоже стяжал себе много капиталов и тоже врос в местную промышленность и торговлю. Но если на Севере Чжап-Цзо-Иин -- почти одинокая фигура в этом отношении, то в Срединном Китае это, так-сказать, бытовое явление китайской действительности.

Это сращивание административно-бюрократического Китая с нарастающей деловой китайской буржуазией идет и дальше по линии образования больших компаний, собирающих большие капиталы, и особенно в приложении к предприятиям банковского кредита. В этом отношении чрезвычайно показательны образования Банка путей сообщения, который имеет основного капитала 15 миллионов долларов и насчитывает 57 отделений по Китаю, а также Национального промышленного банка, который основан в 1919 году с капиталом в 20 миллионов долларов. Но, так-сказать, самым лю-

бопытным показателем концентрации китайских капиталов является образование китайского банковского консорциума, который образован в 1920 году, объединив собою 27 китайских банков.

Для того, чтобы иллюстрировать участие административного Китая в банковских делах, достаточно указать имена бывшего премьера Лянь-Ши-И, министра путей сообщения Е-Гун-Чжоу и других из кланов Дзяотун, которая держала в своих руках Банк путей сообщения.

Если в приложении ко всему Китаю можно говорить, что буржуазия его для настоящего времени слаба, то этого нельзя сказать в отношении Среднего Китая. Здесь китайская буржуазия с каждым днем все больше и больше осознает свои классовые интересы и реальными практическими шагами заявляет о своем существовании.

Между мандаринским Пекином и цитаделью буржуазии — Шанхаем идет ожесточенная борьба. Боевые органы китайской буржуазии, торгово-промышленные палаты не прочь противопоставить себя официальному Пекину. В этом отношении любопытно выступление шанхайской торгово-промышленной палаты, которая в выпущенном ею манифесте так обосновывала свое право на власть. Все, мол, делают положенное им дело, все заняты, но для китайского купечества (буржуазии) в целом его работа оставляет много досугов, поэтому оно больше, чем другие классы населения, имеет возможности думать о делах государства, а следовательно, и управлять им.

Конечно, это пока еще примитивная идеология, стыдливо прикрывающая наготу своих классовых требований рассуждениями о том, кто больше времени может посвятить государству. Но это сегодня, — завтра будут, вероятно, и другие аргументы.

Но китайская буржуазия не прочь и делом заявить о себе и противопоставить себя другим классам. Примером может служить образование вышеупомянутого китайского консорциума, который образовался на национальной подкладке в противовес международному консорциуму. Китайская буржуазия заявила свой протест против дальнейшего закабаления Китая и выдвинула вопрос о помощи государству средствами национального объединения китайских капиталов.

Пока этот консорциум мало помог Пекину, но к этому есть свои причины, и первая из них, та, что китайская буржуазия не пожелала дать зря свои капиталы. На-ряду с этим она потребовала для себя права контроля над расходом этих денег, т.-е., по существу, своего участия в управлении государством. Но, как бы там ни было, международный консорциум пока ничего в Китае не сделал.

Неверно также и то, что китайская буржуазия, как класс, не доросла до понимания своих национальных задач. Уже то, что мы выше говорили, может довольно убедительно свидетельствовать, что китайская буржуазия далеко шагнула за пределы своих провинций. И это не только в области теоретических мечтаний. Нет, это сделала она практически, как класс, оформляя свои требования в конкретные требования, в роде борьбы с международным консорциумом, и на целом ряде других примеров.

Если внимательно присмотреться к той гражданской борьбе, которая сейчас происходит в Китае, то здесь мы откроем чрезвычайно много интересного для выяснения роли китайской буржуазии в жизни современного Китая.

Мы склонны утверждать, что борьба Чжан-Цзо-Лина и У-Пей-Фу—это есть по существу борьба между двумя фракциями китайской буржуазии за гегемонию над Китаем. Эти китайские генералы—в современных условиях китайской действительности точки приложения сил для борющейся буржуазии Северного и Среднего Китая.

Несомненно, что социальная природа этой борьбы именно такова. Чжан-Цзо-Лин врос в торговлю и промышленность Маньчжурии, он ее участник, он же ее агент. Маньчжурской буржуазии становится тесно в пределах одной Маньчжурии, да и к тому же для ее национального самолюбия чрезвычайно тягостна та роль, которую она играет здесь, находясь под опекой Японии. Отсюда стремление на Юг, в «Застенный Китай», к родной почве, для того, чтобы, став на нее, освободиться, с одной стороны, от японской опеки, с другой стороны, приложить накопленные в Маньчжурии капиталы к экономическим возможностям Среднего Китая. Мысли вчерашнего хунхуза, сегодняшнего маньчжурского дучжюна-купца Чжан-Цзо-Лина, работали в этом же направлении. Япония, неходя из других интересов, толкала на то же, в ре-

зультате и получился тот поход на Юг, в «Застенный Китай», который вызвал очередную вспышку гражданской войны в Китае в 1922 году.

Если на этот же исторический эпизод гражданской борьбы посмотреть со стороны экономики Срединного Китая, то здесь картина не менее отчетливая. У-Пей-Фу есть помощник первого купца, генерала Цао-Куня, который крепко сросся с буржуазией Срединного Китая, и когда последней угрожала опасность, то генерал У-Пей-Фу не только получил руководство всеми войсками Цао-Куня, но получил и средства, которые помогли ему одержать победу *).

И, наконец, та борьба, которая велась вокруг старого парламента и президентского кресла, все это говорит за то, что китайская буржуазия вышла на политическую арену Китая, она перешагнула рамки своих провинций и сейчас в повседневной борьбе ставит вопрос о своих притязаниях уже во всекитайском масштабе.

Рождение китайского пролетариата.

Развитие крупной промышленности в Китае неизбежно привело к рождению китайского пролетариата. Он родился под крышами тех фабрик и заводов, которые возникли и продолжают возникать в Китае, как следствие, с одной стороны, проникновения в Китай иностранного капитала, с другой — приложения к промышленности накопленного китайского капитала.

Огромные капиталистические предприятия, выросшие в Срединном Китае и на его тихоокеанском побережье, заполнили свои фабричные корпуса резервной армией труда. Капиталистическая фабрика превратилась в огромный котел, в котором начался процесс выварки китайского фабричного рабочего.

Китайское ремесло под влиянием конкуренции фабричного производства в значительной степени в той или иной

*) Некоторые обозреватели китайской жизни, подходящие к гражданской войне в Китае не как марксисты, а как обыватели, склонны отрицать экономическую основу гражданской войны в Китае. Такой антимарксистский подход развиваемый гг. Ивными, является, конечно, издором, не заслуживающим внимания. В. В.

форме поглощается в настоящее время фабрикой. Правда, это относится не ко всему Китаю, а скорее к таким капиталистическим центрам, как Шанхай, но, тем не менее, это тоже один из моментов процесса рекрутирования китайского пролетариата.

Китай многолюден, труд китайца необычайно дешев, и здесь на очень долгое время китайская промышленность обеспечена рабочими. Это обстоятельство учитывается иностранным капиталом, который сейчас пытается создавать в Китае капиталистические предприятия, работающие не только для китайского рынка, но и для вывоза, ибо денежизна труда скупает даже дальний фрахт.

В производство вовлечена китайская женщина, а равно дети. Эти виды труда получали большое развитие в текстильной промышленности, где можно встретить тысячи женщин-работниц и очень много подростков, работающих за грошовую плату.

Заработная плата ничтожна. На сдельной работе работницы вырабатывают не больше 10—13 копеек, подростки—5—7 коп. В среднем заработная плата китайского рабочего редко превышает 30 копеек, работницы—20 копеек и подростков—10—12 коп.

Рабочий день для китайского рабочего колеблется от 10 до 16 часов в сутки. 10—12 часов он у железнодорожных рабочих и шахтеров и значительно больше у фабрично-заводских рабочих, которые безбожно эксплуатируются, тем более, что в Китае пока никакого рабочего законодательства нет, и интересы труда, следовательно, не ограждены.

Как численно велик китайский пролетариат,—это трудно сказать. В своем относительном значении, применительно к сотням миллионов всего населения Китая, его немного. Но если принять во внимание, что процесс индустриализации Китая быстро подвигается вперед, и капитализм все больше и больше захватывает в свое распоряжение все узловые пункты экономического значения в Китае, то роль пролетариата в Китае приобретает большое значение.

Вместе с тем, численность китайского пролетариата увеличивается. Если статистика в Китае насчитывает сейчас до двух миллионов веретен, то число рабочих и работниц, работающих на китайских фабриках, исчисляется в сотнях

тысяч душ. В Китае сейчас не редкость встретить фабрики, насчитывающие под своими крышами до 3.000—5.000 рабочих и работниц.

Железнодорожная сеть одного Среднего Китая имеет около пятидесяти тысяч железнодорожных рабочих.

Портовые рабочие-грузчики, рабочие каменноугольных копей, сотни тысяч рикш и т. д.—все это в общей сложности даст, вероятно, значительную цифру китайского пролетариата. Но значение рабочего класса не столько в его численности, сколько в его классовом самосознании и организованности. Как же с этим обстоит дело в Китае?

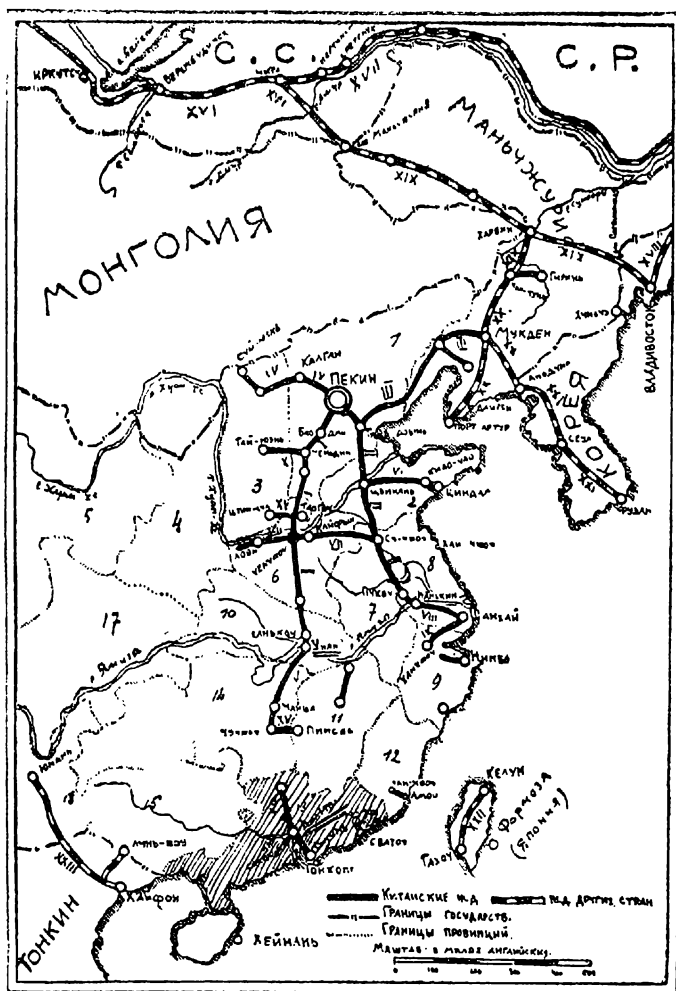
Мы склонны утверждать, что здесь дело обстоит далеко не безнадежно. Под крышами корпусов китайских фабрик растет и воспитывается китайский фабричный пролетариат, которому не только не чуждо классовое самосознание, но который уже сейчас начинает его демонстрировать в целом ряде забастовок, которые непрерывной волной идут в Китае. В 1912 году впервые вспыхнула забастовка китайских металлистов, в которой принимало участие до 2.000 рабочих. Бастуют представители разных профессий, включительно до служащих китайских кофеен и чайных домиков.

Особенно сильное впечатление произвела в последние годы так-называемая забастовка гонконгских моряков, которая носила упорный характер и закончилась победой китайских рабочих. И, наконец, забастовочное движение среди китайских железнодорожников, как, например, на Пекин-Ханькоуской жел. дороге в 1923 году,—фактор большого значения.

Характер китайского рабочего движения до последнего времени был больше экономический. Сокращение рабочего дня и повышение заработной платы—вот два основных требования, которые фигурировали почти во всех стачках китайских рабочих. В борьбе за эти лозунги и требования китайский пролетариат организует свои силы в профессиональные союзы.

Таких союзов, организованных по профессиям, в Китае чрезвычайно много. Так, например, в Кантоне их насчитывается до 134 наименований. Выросли они из гильдий, но постепенно теряют свой гильдейский характер и все больше и больше превращаются в боевые органы борьбы рабочего класса за свои классовые интересы.

Карта Китайской республики.

Территория под властью
Сунь-Ят-Сена.

Арабскими цифрами обозначены провинции, римскими — железные дороги.

1. Чжэцзян. 2. Шаньдун. 3. Шаньси. 4. Шеньси. 5. Ганьсу. 6. Хонань. 7. Аньхой. 8. Цзянсу. 9. Чжэцзян. 10. Хубэй. 11. Цзянси. 12. Фуцзянь. 13. Гуан-дун. 14. Хуань. 15. Гуан-си. 16. Гуичжоу. 17. Сычуань. 18. Юньнань. — I. Пекин-Ханькоуск. ж. д. II. Тяньцзинь-Пикюуск. ж. д. III. Пекин-Мукденск. ж. д. IV. Пекин-Суйзюньск. ж. д. V. Ханькоу-Кантонск. ж. д. (сев. часть). VI. Циндао-Цзинаньск. ж. д. (Шаньдунск.) VII. Лун-Хайск. ж. д. VIII. Шанхай-Нанкинск. ж. д. IX. Шанхай-Ханькоу-Нинбоуск. ж. д. X. Ченьдун-Тайюаньск. ж. д. (Чептайская). XI. Даогу-Цзинхуаск. ж. д. (Таоцзянск.). XII. Кантон-Ханькоуск. ж. д. (южн. часть). XIII. Кантон-Гоулуиск. ж. д. XIV. Кантон-Суншуйск. ж. д. XV. Сятоу-Чоучжоуск. ж. д. XVI. Читинская (русская). XVII. Амурская ж. д. (русская). XVIII. Уссурийская ж. д. (русская). XIX. Китайско-Восточн. ж. д. (русская). XX. Южно-Маньчжурск. ж. д. (японская). XXI. Корейская ж. д. (японская). XXII. Формозск. ж. д. (японская). XXIII. Тонкин-Юньчаньская ж. д. (французская).

Широкая волна стачечного рабочего движения в Среднем Китае и на побережье поставила на очередь вопрос о рабочем съезде, который подытожил бы результаты самостоятельной борьбы китайских рабочих и сделал из них надлежащие выводы. Такой съезд состоялся в мае месяце 1922 г. в Кантоне, и он дал мощный толчок к дальнейшему развитию профессионального движения в Китае.

На почве роста рабочего движения оживилось в Китае и социалистическое движение, которое до этого времени существовало как замкнутое кружковое течение среди китайской интеллигенции. Сейчас живая практика рабочего движения оплодотворила социалистическое движение, и последнее выходит за рамки кружковщины и приобретает все более и более характер массового движения, борьбы за интересы рабочего класса.

В уровень с этим общим движением идет социалистическое движение, движение среди молодежи, а равно и движение за эмансипацию женщины. И то, и другое идет под основным руководством пролетарского движения.

Словом, говоря о китайском пролетариате, как классе, мы должны констатировать, что рост его основных кадров, а равно развитие классового самосознания идет в уровень с капиталистическим развитием Китая. Рост же рабочего движения не только заставляет обращать на себя внимание, но порою ставит как китайскую буржуазию, так и правящий Китай перед затруднениями, которые заставляют их задуматься над судьбами рабочего движения в Китае.

* *

Такова социальная структура современного Китая. Условия современного хозяйственного развития его все больше и больше содействуют классовому расщеплению многомиллионных толщ населения Китая. Наряду с этим растет классовое сознание, и в первую голову оно растет сейчас у молодой китайской буржуазии и китайского пролетариата. Попрони судьбы, буржуазия и пролетариат в Китае почти одновременно выходят на политическую арену, в качестве активных сил, которые сейчас по разным мотивам заинтересованы в борьбе с мировым империализмом.

Однако, поскольку дело касается борьбы с милитаризмом

во имя демократизации Китая, уже здесь пути китайского пролетариата и буржуазии расходятся. Анализируя социальную подкладку гражданской войны в Китае, мы видели, что не все фракции китайской буржуазии одинаково смотрят на китайский милитаризм. И даже больше. Сама гражданская война в Китае, в значительной степени объясняется противоречивыми интересами буржуазии различных хозяйственных районов Китая.

Отсюда понятно, что китайскому пролетариату не по пути с буржуазией, и чем больше и сильнее будет идти классовое размежевание, чем больше китайская буржуазия будет консолидировать свои силы и срачиваться с китайским милитаризованным мандарином, тем ближе будет момент ожесточенных классовых схваток китайского пролетариата с китайской буржуазией.

Железнодорожная забастовка рабочих Пекин-Ханькоуской железной дороги и последовавший за ней расстрел рабочих войсками генерала У-Пей-Фу 7-го февраля 1923 года — яркая зарница классовой схватки, которая на мгновение прорвала завесу будущего и осветила путь, по которому в дальнейшем придется идти китайскому пролетариату *).

*) Пекин-Ханькоуская железнодорожная забастовка была вызвана запрещением ген. У-Пей-Фу конференции железнодорожных профессиональных организаций. В забастовке участвовала вся Пекин-Ханькоуская ж. д. После расстрела в Ханькоу китайских железнодорожников весь китайский пролетариат демонстрировал свой протест. По своему политическому значению расстрел китайских рабочих в Ханькоу, некоторые обозреватели китайского рабочего движения считают аналогичным русскому 9-му январю.

II

ГО-МИН-ДАН И СУНЬЯТСЕНИЗМ

- 1) Из истории Го-мин-дан
- 2) С у н ь я т с е н и з м:
 - а) Сан-мин-чжу (Три принципа)
 - б) Проблема индустриализация Китая
 - в) Конституция пяти видов
- 3) Го-мин-дан перед новыми задачами
- 4) Задачи китайской революции

Из истории партии Го-мин-дан *).

Обычно принято называть Го-мин-дан партией китайской революции. Но если посмотреть в календарные даты китайской революции, или если припомнить рассказ Сунь-Ят-Сена о том, как готовилась китайская революция, то Го-мин-дан приходится рассматривать как позднейшее партийное образование, сложившееся в процессе революционной борьбы в первый год китайской революции.

Приводя выше воспоминания Сунь-Ят-Сена о подготовке китайской революции, мы видели, какую роль сыграла в истории китайского революционного движения «Союзная Лига» или, как еще называли это революционное общество, «Лига националистов». Формально «Союзная Лига» образовалась в 1901 г. в Токио, при чем основателями этой организации были Сунь-Ят-Сен и Хуан-Син. Основной кадр членов «Союзной Лиги» были учащиеся за границей молодые китайцы, которые по возвращении на родину принесли с собою революционные идеи и жажду активной борьбы с монархией маньчжуров.

После восстания в У-чане «Союзная Лига» оказалась наиболее сильной и организованной партией, включающей в свой состав большинство известных китайских революционеров. Неудивительно поэтому, что первый революционный кабинет Китайской республики, организованный Тан-Шао-И, включал в себя пять министров принадлежащих к числу членов «Союзной Лиги».

*) Точный смысл по-китайски «прекращающих Небесное правление» (Гэ минь-дан) заимствовано у китайских классиков, обозначает насильственное смещение одной династии другой.

В этот момент «Союзная Лига» реорганизовалась в партию Тун-мэн-ху, при чем она ставила своей задачей укрепление молодой Китайской республики и распространение среди широких масс республиканских идей. Политическая программа ее была формулирована следующим образом. Партия стремилась: 1) к централизации власти, 2) развитию местных самоуправлений, 3) объединению пяти народностей (объединявшихся бывшей Китайской империей), 4) распространению обязательного обучения, 5) равноправию полов, 6) принудительной военной службе, 7) реорганизации системы таможенных сборов и уничтожению т.-н. «ликина», 8) поднятию государства до равноправного положения с другими державами, 9) проведению реформ в деле развития производительных сил Китайской республики.

В организационном отношении Тун-мэн-ху требовала от своих членов преданности делам своего общества и отказа от участия в принадлежности к другим тайным обществам. От вновь вступающих требовалось пять рекомендаций старых членов.

Но Китай огромен территориально и численно. Достаточно было революции встряхнуть эту огромную человеческую массу и вызвать к жизни революционную энергию китайского народа, чтобы, на-ряду с партией революционной подготовки и революционного действия, возник ряд других революционных организаций, которые тоже предъявили свои права на власть в первом революционном правительстве.

Уже в Национальном собрании (Го-ху) Тун-мэн-ху встретились с конкуренцией двух партий: Гун-хэ-дан (республиканской партией) и Тун-и-гун-хэ-дан (каолиционной республиканской партией), которые численно были настолько сильно представлены, что Тун-мэн-ху оказалась в меньшинстве, имея не более одной трети голосов Национального собрания.

Учитывая неблагоприятность такого положения и стремясь превратиться в партию правительственного большинства, лидеры Тун-мэн-ху в 1912 году поставили вопрос о реорганизации партии и о слиянии ее с рядом других родственных ей организаций, входивших, главным образом, в каолиционно-республиканскую партию (Тун-и-гун-хэ-дан). При переговорах с одной из таких организаций лидеры Тун-мэн-ху выяснили, что основой для слияния могут служить

три условия: 1) перемена названия общества, 2) общая реорганизация партии и 3) участие лидеров сливающихся организаций в руководящей политике реорганизованной партии.

После этого состоялась конференция из лидеров организаций Тун-мэн-ху, Го-минь-гун-цзинь-ху, Тун-и-гун-хэ-дан, Го-минь-гу-дан, и Гун-хэ-сэ-цзинь-ху. Результатом этой конференции было образование новой партии Го-мин-дан, которая выдвинула следующую общую политическую платформу. Поддержка союза Юга с Севером, поддержка местных самоуправлений, отмена национальных ограничений (отмена расовых различий), реформы экономической жизни китайского народа и поддержка международного мира.

В разработке деталей соглашения участвовала специальная комиссия из представителей всех пяти организаций в составе: Сунь-Ят-Сена, Хуан-Сина, Сун-Чжао-Женя, Цзай-Ао, Чжень-Цзин-Лао, У-Чень-Лян, Ван-Чжун-Ху, Цзен-Чжун-Сюань, Чжан-Фын-Ху. После длительных работ, происходивших в Пекине, условия соглашения были приняты, и 13-го августа 1912 года Сунь-Ят-Сен и Хуан-Син телеграфировали организациям Тун-мэн-ху о слиянии с другими организациями и образовании новой партии Го-мин-дан.

Интересен первый манифест партии Го-мин-дан, который она опубликовала после своего образования. Мы приводим из него наиболее характерную часть, объясняющую, почему нужно образование единой сильной организации. Вот что писали по этому поводу руководители партии Го-мин-дан: «Хорошее или плохое правительство—зависит от силы, которая поддерживает его. Если эта сила крепкая,—правительство сильное. Если эта сила худосочная,—правительство слабое. Это одинаково правильно по отношению ко всякому правительству, независимо от того, какое оно по форме. Китай теперь превратился из монархии в республику, и сила, поддерживающая его, перешла от монарха к народу. Ответственность, которую мы несем, велика. И так как все не могут участвовать в делах государства, то должны быть выдвинуты вожди, а организации должны помогать, как рабочие аппараты. С учреждением республиканского правительства политические партии начали выскакивать, как грибы. Но в то время, как некоторые были хорошо организованы и спаяны.

немногие объединения заслуживали названия политических партий. Их действия не согласовывались с их принципами, и они больше отстаивали собственные выгоды, чем общественные интересы. Деятельность этих партий зависела от остроты конфликтов, в которых находились между собою партии. Фактически из-за борьбы партий была задержана организация кабинета, и был задержан прогресс страны. Опечаленные настоящим положением, пять вышеперечисленных партий после общего совещания решили объединить мудрость и силу их, чтобы вместе работать для благоденствия молодой Китайской республики.

Этот манифест характерен, как проявление здорового революционного чутья. Но вместе с тем, в нем, как в капле воды, отражаются ошибки руководителей одной из наиболее серьезных революционных группировок китайской революции, которая не учла классовых моментов китайской революции, бывших причиной того, что партии «выскакивали, как грибы», и что эти партии отстаивали «свои выгоды», а не общественные интересы. Но эти ошибки гоминданцев, писавших первый манифест новой партии, вытекали из тех внеклассовых основ, которые клались в программу этой новой партии.

Программа же партии Го-мин-дан была формулирована следующим образом. Партия ставила задачей: «1) Протектировать и поддерживать сильное и объединенное правительство; централизовать административный аппарат так, чтобы все мероприятия, касающиеся строительства государства, были систематизированы и координированы. 2) Поощрять и поддерживать местные самоуправления и развивать в народе такую силу местных самоуправлений, какая необходима для того, чтобы последние были в состоянии исправлять несовершенство действий центрального правительства. 3) Действительно проводить все меры, направленные к объединению различных народностей Китая, и практически проводить настоящее равенство и цивилизацию, чтобы таким образом, народ стал сильным и объединенным. 4) Выработать принципы общественной службы, приготовить путь для введения социализма, в целях облегчения и улучшения условий жизни, увеличить мощь и силу правительства и развивать ресурсы страны. 5) Поддерживать дружественные отношения с ино-

странцами и другими нациями, со всей мудростью вести дипломатические сношения так, чтобы показать свое право на уважение и быть в состоянии поддерживать равновесие сил, обращая большую долю внимания на собственное самосовершенствование».

Эта программа представляет собою более детально развитые основные пять положений, которые легли в основу образования партии Го-мин-дан.

Однако, в своем новом виде партия китайской революции просуществовала немногим более года. Юань-Ши-Кай, стремившийся к утверждению своей власти, видел в гоминданцах помеху. Гоминданцы пытались бороться с Юань-Ши-Каем, но последний, опираясь на послушную ему армию и мандаринат, указом от 4-го ноября 1913 года объявил Го-мин-дан распушенной, а ее руководителей—подлежащими аресту и высылке за границу. С этого времени Го-мин-дан перестала существовать как легальная партия и перешла на нелегальное положение. Вновь она возродилась в 1919—1920 гг., когда Сунь-Ят-Сен утвердился на юге Китая, в провинции Гуан-дун и вновь выбросил знамя революционной борьбы.

После овладения Сунь-Ят-Сена совместно с ген. Чжен-Цзю-Мином провинцией Гуан-дун в 1920 году партия Го-мин-дан вновь выступила на арене китайской политической борьбы. Она сохранила свое старое название и основные принципы программы, которые были только более уточнены Сунь-Ят-Сеном. Мы приводим программу и устав, принятые Го-мин-дан в 1920 году в Кантоне.

«§ 1. Основными принципами партии являются: национализм, демократия и социализм.

§ 2. Партия принимает учреждение «Конституции пяти видов», как цель своих достижений (законодательная, исполнительная, судебная, экзаменационная и карательная власти).

§ 3. Работа партии делится на два периода: а) военный период, б) конституционный период.

Военный период.—В продолжение этого времени все военные силы должны быть направлены к разрушению всех препятствий с тем, чтобы основать республику на твердых основаниях. В течение этого периода правительство должно

руководить всей внутренней и внешней политикой страны при помощи вполне совершенного аппарата управления и должно вести народ к установлению самоуправления каждой области в отдельности.

Конституционный период. После установления самоуправления в каждой области в отдельности, все граждане республики избирают своих представителей в конституционную комиссию для учреждения «Конституции пяти видов».

§ 4. Период с момента первой революции до момента провозглашения конституции будет назван революционным периодом, в течение которого весь военный и гражданский аппарат власти будет находиться под непосредственным контролем партии.

§ 5. Все граждане республики, как мужчины, так и женщины, должны пользоваться правом и обязанностью вступления в число членов партии Го-мин-дан.

§ 6. Вступающие в партию должны подписать торжественно свои обещания и клятву пожизненной связи с работой этой партии.

§ 7. Каждый член обязан вносить членский взнос в размере 10 долларов и ежегодно по одному доллару, но принимавшие непосредственное участие в революционном движении и теперь работающие в этой области освобождаются от внесения установленных взносов с согласия Исполнительного Комитета.

§ 8. Партия учреждает Исполнительный Комитет, имеющий следующие комиссии: 1) Комиссия по общим делам, 2) Комиссия по партийным делам, 3) Финансовая комиссия и 4) Комиссия по пропаганде.

§ 9. Исполнительный Комитет имеет председателя и каждая комиссия имеет секретаря и помощника его.

§ 10. Председатель пользуется правом руководства всеми делами партии.

§ 11. Все секретари и другие работники назначаются председателем для исполнения своих функций в соответственных отделах.

§ 12. Статут партии и устав комиссий и подкомиссий должны быть выработаны дополнительно.

§ 13. Партия открывает отделения и подотделы в раз-

личных провинциях Китая, округах и местечках, а равно везде, где имеются китайские эмигранты.

§ 14. Секретарь отделения партии намечается членами местного отделения и назначается председателем местного отделения.

§ 15. Секретарь отделения пользуется правом отправлять членов организации в местные округа и местечки для учреждения подотделов.

§ 16. Партийные конгрессы и конференции созываются председателем; повестки дня этих созывов составляются отдельно.

§ 17. По желанию большинства Исполнительного Комитета и не менее десяти секретарей отделов может быть созван конгресс для пересмотра настоящего положения.

§ 18. Настоящее положение входит в силу со дня его официального объявления».

Позднее, а именно 19 ноября 1920 года, эта первоначальная программа партии Го-мин-дан была пересмотрена и более детализирована в организационной части. Приводим этот новый вариант в переводе с китайского.

Программа и статут партии Го-мин-дан.

(Утверждено 19 ноября 1920 г.).

I. Общее положение.

§ 1. Руководящая идея партии есть реализация «Сан-мин-чжу».

§ 2. Главная цель партии — осуществление «Конституции пяти видов».

II О членах партии.

§ 3. Граждане Китайской республики, как мужчины, так и женщины, согласные с принципами, руководящими этой партией, и желающие вступить в нее, должны представить рекомендацию двух членов партии и подписать клятву верности партии, после чего они вносятся в список членов партии и получают членский билет.

§ 4. Каждый член обязан вносить членский взнос в размере 10 долларов и ежегодно по одному доллару. Но при-

нимавшие непосредственное участие в революционном движении и теперь работающие в этой области освобождаются от внесения установленных взносов с согласия Исполнительного Комитета.

§ 5. Граждане, бывшие членами «Китайской революционной партии» и имеющие билет о принадлежности к этой партии могут обменять таковой на новый членский билет *).

§ 6. Каждый член партии обязан подчиняться всем пунктам партийного устава.

§ 7. Члены партии не могут одновременно состоять членами и другой партии, а также не могут выйти из партии по своему желанию.

§ 8. Члены, нарушающие какой-либо пункт партийного устава или порочащие имя партии, если дело по этому вопросу будет обследовано и подтверждено специальной комиссией, подлежат исключению из партии. Исключенный однажды, не может быть принят в партию вновь.

III Управление и организация.

§ 9. Исполнительный Комитет руководит всеми делами партии.

§ 10. Партия имеет свои организации во всех областях, округах и местечках, а равно в местах, где находятся китайские эмигранты. Места для таких специальных отделений должны быть установлены Исполнительным Комитетом.

§ 11. Положения об отделах и подотделах должны быть составляемы отдельно.

§ 12. Партия имеет председателя, представляющего партию и руководящего ею.

§ 13. Исполнительный Комитет делится на подкомиссии: 1) по общим делам, 2) по партийным делам, 3) по финансовым вопросам и 4) по пропаганде.

Другие необходимые органы для работы под контролем Исполкома учреждаются приказом председателя.

§ 14. Функции подкомиссии по общим делам: а) наблюдение за наиболее важными и секретными делами партии,

*) „Китайская революционная партия“—организация, созданная Сунь-Ят-Сеном в период борьбы с Юань-Ши-Каем.

б) наблюдение за различными делами Исполнительного Комитета, в) связь с отделами и подотделами партии, как в стране, так и вне ее пределов.

§ 15. Функции подкомиссии по партийным делам: а) руководство внутренней жизнью партии, б) сохранение документов по торжественным клятвам вступающих членов и других важных документов, в) полное обследование условий жизни членов партии.

§ 16. Функции финансовой подкомиссии: а) ведение прихода и расхода партии, б) сбор членских взносов и специальных подписок, в) составление бюджета и доклада о нем.

§ 17. Функции подкомиссии по пропаганде: а) издание и перевод книг, памфлетов и газет, б) речи и доклады, в) образование.

§ 18. Секретари всех перечисленных подкомиссий управляют делами соответственного отдела согласно приказа председателя.

§ 19. Помощник секретаря помогает секретарю и в его отсутствие его замещает.

§ 20. Другие же работники этих подкомиссий исполняют соответственную работу под наблюдением секретарей этих подкомиссий.

§ 21. Период работы секретаря и его помощника установлен в два года.

IV Общие собрания.

§ 22. Общие собрания членов созываются ежегодно председателем партии; в случае наличия вопросов исключительной важности может быть созвано досрочное общее собрание членов председателем партии.

§ 23. Председатель партии является председателем общих собраний.

§ 24. Время созыва общих собраний устанавливается председателем.

§ 25. Положения для общих собраний или подкомиссий или специальных собраний должны быть составляемы отдельно.

V Членские взносы.

§ 26. Членский взнос состоит из следующих частей: а) собственно членского взноса, б) ежегодного взноса, в) специальных подписок от членов и г) займов.

§ 27. Финансовое положение партии будет опубликовываться в виде специальных отчетов, составляемых секретарем подкомиссии.

VI. Добавления.

§ 28. Отношения между Центральным Исполнительным Комитетом и отделами и подотделами будут урегулированы особым положением.

§ 29. Настоящее положение может быть пересмотрено и изменено только большинством Центрального Исполнительного Комитета или не меньше чем пятью секретарями соответственных подкомиссий.

§ 30. Это положение входит в силу со дня его официального опубликования.

В отличие от первых лет существования Го-мин-дан, на этот раз в ее программе ярче выражены цели и задачи, к которым должна стремиться партия. «Сал-мин-чжу» (трех-принципная демократическая идея) и «Конституция пяти видов» — вот те основные принципы, которые выдвинуты Сунь-Ят-Сеном, и которые сейчас приняты партией Го-мин-дан.

Приспосаблиясь к современной политической обстановке Китая, где господствует милитаризованный мандаринат, с которым можно вести борьбу только вооруженной рукой, Сунь-Ят-Сен путь борьбы разделяет на два периода: военный и конституционный. Нет никакого сомнения, что в данном случае Сунь-Ят-Сен, учел опыт русской революции, которая тоже имела период острой военной борьбы. Но, конечно, те задачи завоевания Северного Китая, которые выдвигает Сунь-Ят-Сен, во многом отличны от методов революционной борьбы, которую вели русские рабочие и крестьяне с внутренней контр-революцией. Обращает также на себя внимание сугубо централистская тенденция статута Го-мин-дан, который дает слишком широкие полномочия председателю, который руководит делами партии. Однако, если

принять во внимание, что этим председателем является Сунь-Ят-Сен, с его авторитетом, то эта тенденция будет понятной.

Ниже мы еще надеемся возвратиться к этому вопросу, а сейчас мы хотим несколько подробнее остановить внимание читателя на основных идеях Сунь-Ят-Сена, т.-е. трех-принципной демократической идее и «Конституции пяти видов», в которых мы имеем яркое отражение влияния европейской мысли, преломленной через призму китаизма.

На первый взгляд, особенно для европейца, все принципы Сунь-Ят-Сена являются мешаниной разнообразных европейских идей. Но если внимательно вдуматься в ход мыслей отца китайской революции, глубже вдуматься в китайскую действительность, то станет ясным, что за нескладной и непривычной для европейца формой у Сунь-Ят-Сена порой скрываются очень большие идеи, которые дают Сунь-Ят-Сену полное основание стать в ряды великих социальных реформаторов.

Для этого, чтобы дать наиболее точное представление об основных идеях Сунь-Ят-Сена, мы приводим речи, произнесенные им в 1920—21 гг. в Кантоне, где он формулировал свое учение («суньятсенизм», как его называют сейчас в Китае последователи Сунь-Ят-Сена).

Суньятсенизм.

I. Сан-мин-чжу (три принципа ¹⁾).

«Товарищи!

Сегодня в день открытия заседания Бюро, у меня повольно возникает вопрос: что представляет собой наша организация? Вот ее краткая история и принципы, которыми она руководствуется.

Эта партия образовалась вслед за свержением династии Цин (маньчжуров) и установлением республиканского образа правления. Она должна играть огромную роль в будущем нашей страны. С момента роспуска этой партии Китай постоянно находился в состоянии беспорядка. Понятно, ко-

¹⁾ Речь д-ра Сунь-Ят-Сена, произнесенная им 6-го марта 1921 г. на заседании партии Го-мин-дан в г. Кантоне.

вечно, что причиной беспорядков и страданий китайского народа и был роспуск нашей партии. В течение многих лет мы боролись и боремся против изменников народа, еще и до сих пор обитающих в северных провинциях Китая, где влияние нашей партии весьма незначительно; все же рано или поздно соверяне примкнут к нам. На юге Китая в сфере влияния партии находится лишь одна провинция Гуан-дун.

Наша партия революционная. На втором году после установления республиканского строя многие ее члены уехали за границу, где повели усиленную работу, целью которой является развитие революционного движения в Китае. Отсюда и самое название партии. В момент своей работы в Токио эта партия была известна как «Национальная Лига»; различие названий, конечно, не меняет характера и сущности преследуемых ею целей. Нашей республике уже 10 лет, но мы все же не можем смотреть на нее, как на вполне совершенный тип, и считать, что задача наша уже выполнена. Наша работа еще не закончена, мы должны еще продолжать борьбу. Наша партия в корне отличается от всех других партий Китая. Так, была партия, стремившаяся к свержению династии Цин и восстановлению другой династии Мин. Конечно, принципы этой партии противоречили нашим. Когда мы в последние годы династии Цин вынуждены были обосноваться в Токио, мы проводили в жизнь следующие основные принципы нашей партии: *национализм, демократию и социализм.*

В то время власть в Китае все еще была в руках маньчжур, и революция прошла только первую свою ступень—национализм, пренебрегши двумя остальными принципами. «Конституция пяти видов» имеет огромное значение для нашей страны в смысле установления твердого и справедливого государственного строя; но перед свержением династии Цин многие думали, что свержение этой династии является конечной целью нашей партии, и что после ее свержения Китай пойдет по пути всенародного расцвета и преуспевания. Но так ли это? В данном случае ясно: причина произошедшего в том, что наши товарищи пренебрегли—во имя национализма—двумя другими принципами—демократией и социализмом. Это снова доказывает, что наша работа свержением

династии Цин не закончилась. Мы должны твердо помнить и знать, что, пока не проведены в жизнь все три принципа (хотя бы первый из них и был уже проведен), не может быть прочных условий существования. Более того: фактически наш национализм осуществлен еще не в полной мере. Принципы президента Линкольна вполне совпадают с моими. Он сказал: «Правительство народа, избранное народом и для народа». Эти принципы как для европейцев, так и для американцев служили максимумом достижения. Слова, имеющие тот же смысл, можно найти в Китае; я их перевел «национализм, демократия и социализм». Конечно, могут быть и другие толкования. Богатство и могущество Северо-Американских Штатов—яркий пример того, к чему привели учения великих людей этой страны. Я рад отметить, что и мои принципы разделяются наиболее крупными политическими умами за границей и не противоречат всем мировым демократическим течениям. Теперь я буду говорить о национализме.

1) *Национализм.*

Что понимается под понятием «национализм»? С водворением в Китае маньчжурской династии народ находился под невероятным гнетом на протяжении более двухсот лет. Теперь эта династия свергнута, и народ как-будто должен наслаждаться полной свободой. Но разве китайский народ наслаждается всеми благами свободы? В чем же причина? А в том, что наша партия еще далеко не выполнила своей задачи, что она осуществила только отрицательную часть работы, ничего не сделав в ее положительной части. С момента прекращения великой европейской войны мировое положение резко изменилось; взгляды всего мира сейчас устремлены на Дальний Восток, в особенности на Китай. Строго говоря, среди всех стран Дальнего Востока только Сиам и Япония являются вполне независимыми странами. Китай, огромный, территориально и населением в десятки раз превосходящий независимые страны, фактически является полунезависимым. В чем же дело? После свержения монархии и установления республиканского строя на территории, населенной 5-ю расами (китайцами, маньчжурами, монголами, магометанами и тибетцами) появилось огромное коли-

чество реакционных и религиозных элементов. Сущность ошибки и лежит здесь. В численном отношении эти народы распределяются следующим образом: тибетцев несколько миллионов, монголов меньше миллиона, магометан до 10 миллионов и маньчжур—самое незначительное количество. В политическом же отношении распределение таково: Маньчжурия находится в сфере японского влияния, Монголия, по недавним сообщениям, под влиянием России, Тибет—добыча Англии. Эти расы не имеют сил для самозащиты, но они смогли бы объединиться с китайцами, чтобы образовать единое государство. Китайцев насчитывается до 400 миллионов; если они не смогут организовать единую нацию, единое государство, то это их позор; а кроме того, и доказательство, что даже проведение первого принципа фактически нами не закончено, что мы должны долго бороться, чтобы полностью осуществить свои задачи. Мы учредим единую Китайскую республику, для того, чтобы все нации: маньчжуры, монголы, тибетцы и магометане с китайцами образовали единую сильную нацию. Как пример сказанных мною слов можно привести народ Северо-Американских Соединенных Штатов, образующий одно великое и грозное целое, но фактически состоящий из целого ряда отдельных народностей: немцев, голландцев, англичан, французов и т. д. Соединенные Штаты являются примером единой нации. Такой национализм возможен, и ему мы должны следовать.

Название «республики пяти рас»—второе название, тоже только потому, что существует какое-то расовое различие; смысл единой республики здесь сразу же потерян. Мы должны уничтожить всякие отдельные названия населяющих Китай отдельных народностей, как, например, маньчжуров, тибетцев и т. д. В этом отношении мы должны последовать примеру Северо-Американских Соединенных Штатов, т.-е. удовлетворить нужды и требования всех племен: объединить их в одно культурное и политическое целое—образовать единую нацию, с таким примерно названием: «Чунхуа» (китайский, в широком смысле слова). Организуйте нацию, государство. Берите другой пример нации смешанных племен—Швейцарию. Она расположена в середине Европы; с одной стороны она граничит с Францией, другой примы-

кает к Германии, а третьей—к Италии. Но все части (составляющие это государство), имеют один язык и образуют одну нацию. И только разумная культурная и политическая жизнь Швейцарии делает ее разнородный народ единым и крепким. Все это — следствие того, что граждане этой республики пользуются правом равного и прямого избирательного права. Смотри на эту страну с точки зрения международной политики, мы видим, что она первая установила для всех населяющих ее граждан прямое и равное избирательное право. Это и является примером «национализма». Но предположим, что задача по объединению всех племен, населяющих Китай, закончена, образована одна нация «Чуңхуа»; все же цель не достигнута. Имеется и еще много народностей, страдающих от несправедливого к ним отношения; китайский народ должен взять на себя миссию по освобождению этих людей от гнета в смысле непосредственной помощи им или объединить их под знаменем единой китайской нации, тем самым давая им возможность наслаждаться чувством равенства человека перед человеком и международного справедливого отношения, т.-е. тем, что было выражено в декларации американского президента Вильсона под понятием «самоопределение наций». До момента достижения этого политического пункта наша работа не может считаться законченной. Следовательно, всякий, кто хочет присоединиться к Китаю, должен считаться китайцем. Это понятие и есть национализм, но национализм «положительный», на который мы и должны обратить сугубое внимание.

2) *Демократия.*

Я уже сказал, что в Швейцарии демократия достигла высшего своего развития, но что, вместе с тем, система представительства не является там действительной формой демократии, и что только прямое право граждан отвечает вполне всем этим требованиям. Хотя во Франции, Америке и Англии произошли в свое время революционные перевороты, закончившиеся установлением господствующей там сейчас системы представительства, но и эта система не является прямым и равным правом для всех граждан, т.-е. тем правом, за которое мы боремся сейчас. Самым суще-

ственным для прямого и равного права является: избирательное право для всех граждан; право отзыва: чиновники, избранные народом, могут быть им же смещены со своей работы; право референдума: если законодательный орган выносит закон, который противоречит желаниям граждан, то граждане могут не принять этого закона; право инициативы: граждане могут предлагать проекты законов для проведения и утверждения их в законодательном порядке.

Эти четыре основных параграфа и образуют основу так называемого «прямого избирательного права».

3) *Социализм.*

Теория социализма появилась в интеллектуальном мире Китая сравнительно недавно; главные ее проповедники обыкновенно ограничивают свое знание этого течения несколькими пустыми словами, не имея при этом никакой определенной программы. Долгим изучением я составил себе конкретное представление об этом вопросе. Вся сущность социализма сводится к разрешению проблемы о земле и капитале.

Общая основная мысль «трех принципов» уже была изложена выше; видя, что стремления всего мира, в том числе и китайского народа, направлены к этой цели, и я должен заявить, что наша партия должна немедленно взяться за проведение изложенных принципов в жизнь.

Суммируя все предыдущее, я, кроме того, должен сделать еще кое-какие добавления.

1) *Национализм.*—С момента свержения династия Цин мы осуществили только одну часть своих задач; мы выполнили только наш пассивный долг, но ничего не сделали в области положительной работы. Мы должны поднять престиж китайского народа и объединить все народы, населяющие Китай, с тем, чтобы он образовал единый китайский народ в восточной Азии, так-называемое китайское национальное государство.

2) *Демократия.*—Для реализации этой идеи необходимо прежде всего осуществить все четыре пункта прямого избирательного права: избирательное право, право референдума, право инициативы и право отзыва.

3) *Социализм*.—Здесь я имею свой план.

Первой задачей моего плана является осуществление «пропорционального разделения земли». Во время моего пребывания в Нанкине *) я пробовал осуществить это свое предположение, но мое желание не было выполнено, так как меня тогда не поняли. Социальные вопросы берут свое начало от неравенства между богатыми и бедными. Что же понимается под неравенством? В древние времена хотя и было различие между богатыми и бедными, но не настолько резкое, как это наблюдается теперь. Теперь богатые владеют всей землей, бедные же не имеют и кусочка земли. Причиной этого неравенства служит разница в производительной силе. Например, в древние времена лесные рабочие пользовались для своей работы топорами, ножами и т. д., теперь же широко развита индустрия, машины заменяют человеческий труд, и результатом является получение гораздо большего количества фабрикатов, при значительно меньшей затрате человеческой энергии. Возьмите другой пример: из области культуры земли. В древние времена в этой области употреблялся исключительно человеческий труд; с введением же труда лошади и быка процесс обработки значительно ускорился, значительно сократив личные усилия. В Европе и Америке введена электрическая энергия для обработки земли, что дает возможность обрабатывать наилучшим способом более тысячи акров в день, и, таким образом, труд лошадей и быков исключен. Это—действительно поразительная разница, представляющаяся в отношении одного к тысяче. Если же взять пути сообщения, то мы видим, что с введением пароходов и железных дорог сообщение ускорилось более чем в тысячу раз по сравнению с человеческой силой. Те, кто обсуждают вопрос о братстве народов в Америке и Европе, имеют в виду исключительно две проблемы—труд и капитал; но условия европейского быта сильно разнятся от условий нашей страны. Дело в том, что в Европе и Америке все несчастия происходят от чрезвычайно неправильного распределения продуктов, в то время как в Китае наблюдается общая бедность, ибо в

*) В бытность Сунь-Ят-Сена временным президентом Китайской республики.

Китае нет крупных капиталистов. Но, это, конечно, не является поводом к тому, что не следует вести пропаганду социализма; рассуждать так—громкая ошибка. Если мы видим ошибки в Европе и Америке, мы обязаны их исправить: непропорциональность в распределении продуктов как в Америке, так и в Европе—для нас худший пример. Поэтому я агитирую за социализм, за социализацию земли и капитала.

Сначала будем говорить относительно социализации земли. Земельные системы Европы и Америки очень различны. В Англии еще и по сию пору сохранилась феодальная система землепользования, в то время как в Соединенных Штатах вся земля частно-владельческая, т.-е. откупается любым капиталистом. Моя же социальная теория поддерживает пропорционализацию земли, как предохранение против возможных бед в будущем. Это последнее мы уже наблюдаем и сейчас. Взгляните на то, что происходит в пределах нашего поля зрения. С момента преобразования кантонского муниципалитета пути сообщения начали улучшаться, и, как следствие этого, цена на землю вдоль набережной и в других наиболее населенных местах, стала повышаться с каждым днем, при чем некоторые участки продавались за десятки тысяч долларов за один му (китайский акр). И все это принадлежит частным лицам, живущим трудом других.

Старо-китайская земельная система отчасти соответствует пропорционализации земли. В случае пропорционализации земли должны быть соблюдены следующие два условия: уплата налога согласно цене земли и выкуп согласно цене. В Китае и по сие время сохранилась так-называемая трех-степенная система взимания земельного налога, но благодаря слабому развитию путей сообщения и промышленности цена на землю не была так высока, как теперь при хорошо развитых путях сообщения и прогрессирующем развитии промышленности. Возьмем налоги. Имеются, например, земли, стоящие 2.000 за му, и есть земли, стоящие до 20.000 за му, при чем между этими крайними точками расположения цен должна быть целая сеть участков самых разнообразных цен. Если же все время взимать налоги по этой старой системе, то и взимающий налоги, и плательщик налога будут

поставлены в такое положение, что недобросовестные владельцы земли и нечестные чиновники будут только наживаться на этом деле.

Поэтому, если мы желаем уничтожить это зло и ввести пропорционализацию уплаты налога, мы должны принять следующий налоговый метод: один процент с цены земельного участка. Например, если данный земельный участок стоит 2.000, то за него владелец участка уплачивает по 1 центу за каждый доллар и, таким образом, должен будет всего уплатить 20 долларов. Дальнейшее взимание налога будет вестись также согласно повышению цены на земельный участок. Процесс выкупа земельных участков согласно ценам самих участков должен начаться с определенно установленной цены. В Англии когда-то учреждались специальные бюро по взиманию земельного налога и выкупу земли, которые устанавливали определенную плату; эти методы не пригодны для введения в Китае, потому что китайский народ не привык к определенным установленным законам, и поэтому могут встретиться трудности в его проведении. По моему мнению, гораздо выгоднее и вернее будет предоставить самому землевладельцу определить и установить цену и налог, сообщая об этом правительственному органу, ведающему этими делами. Но возникает вопрос: не будет ли землевладелец сообщать стоимость своего участка в меньшем размере и уплачивать, таким образом, меньший налог? Но если мы примем систему выкупа земельных участков согласно их стоимости, всякие незаконные действия должны будут исчезнуть сами по себе. Например, имеется участок земли в один му, стоящий 1.000 долларов, за который владелец должен внести в налоговую кассу 10 долларов ежегодно; но он может заявить, что стоимость его участка равна только 100 долларам, и, таким образом, будет уплачивать только один доллар; применение же выкупа, при котором правительство может выкупить его земельный участок согласно старой его стоимости, заставит владельца указывать точную цену, так как в противном случае он рискует остаться без участка. В случае применения этих двух методов, факт пропорционализации земли сам по себе осуществляется; другие же процессы пока следует оставить в стороне.

Итак, земельный вопрос нами уже разобран; остается вопрос: как разрешить проблему капитала?

В прошлом году я выпустил в свет книгу под названием „Международное развитие Китая» *), в которой обсуждал вопрос об использовании иностранного капитала, в целях развития китайской индустрии и торговли. Посмотрите на Пекин-Ханькоускую и Пекин-Мукденскую железные дороги, а также и на Тяньцзинь-Пукоускую дорогу, построенные иностранным капиталом и дающие огромную прибыль. В настоящее время общее протяжение железных дорог в Китае равняется 5.000—6.000 миль; а доход их от 70 до 80 миллионов—сумма, превышающая даже земельный налог. Если же общее протяжение железных дорог будет увеличено до 50 или 60 тысяч миль, то повысится значительно и сумма дохода. Мое мнение относительно применения иностранного капитала в нашей промышленности таково: все области нашей промышленности, например, горные и другие копи, представляющие собой при соответственно приличной администрации безубыточные предприятия, ждут иностранного капитала. Когда говорят о займе, то под этим разумеется получение различных машин и других необходимых приборов для применения в нашей промышленности. Например, после постройки Пекин-Ханькоуской железной дороги, которая давала огромные доходы, иностранцы дали бы нам возможность выкупить ее, при чем прибыль приобреталась бы и нами. Она была настолько значительна, что можно было бы провести Пекин-Калганскую ж. д., которая доходит теперь до Сун-янга. Короче говоря, можно одолжить иностранный капитал, но все зависит от того, как мы будем его использовать: в производительном смысле или нет.

Имеются и еще вопросы, о которых я должен говорить. Английские и американские дипломаты, безусловно, народ изворотливый, но все же в этих странах призрак социальной революции тоже чрезвычайно силен. Почему? Потому, что принципы социализма в этих странах не были вполне проведены в жизнь.

Мы должны, признать, что степень жертвенности в со-

*) В русском переводе эта книга выходит в ближайшее время под названием „Капиталистическое развитие в Китае“.

циальной революции будет значительно больше, чем в политической. С момента революции 1911 года и свержения династии маньчжуров, принцип «национализма» был осуществлен только частично, при чем ни теория демократии, ни теория социализма не оставили никаких следов. Но мы должны приложить все свои усилия не только к тому, чтобы реализовать наши первоначальные партийные принципы, но также согласно современным мировым идеям, по возможности развивать принципы демократии, являющиеся старыми принципами нашей партии. Хотя это с политической стороны развито и в Англии, и в Америке, политическая власть там все же остается в руках не народа в целом, а политической партии. Я помню, что по моем возвращении в Гуан-дун известная гонконгская газета сообщила, что наше возвращение в Гуан-дун означает, что Гуан-дун управляется не жителями этой провинции, но «партией». В этих словах скрыт какой-то смысл. Во всяком случае мне приятно слышать подтверждение, что управляется «партией», так как таковой же случай имел место как в Англии, так и в Америке. Если нам удастся осуществить наши партийные цели, это будет, безусловно, огромным достижением для гуандунцев. Мы должны энергично взяться за организацию за выявление наших принципов, мы должны пропагандировать их. Если мы хотим разбудить других, то прежде всего, мы сами должны быть пробужденными.

Теперь в Кантоне имеется Бюро китайской партии Го-мин-дан, в котором и будет сосредоточена ее пропаганда. В этом отношении не будет никаких ограничений. Мы скоро увидим, что Гуан-дунская провинция не будет только почвой, на которой наши принципы будут воплощены в действительность, но и местом рождения идей демократии с ее практическим воплощением. Отсюда же эти принципы и их осуществление пойдут по всему Китаю. Население побережья рек Ян-цзы и Желтой последует нашему примеру. Наша быстрота действий объясняется тем, что народ, живущий фактически в им же установленной республике уже более 10 лет, совершенно не понимает, что значит это слово; разъяснение значения республики должно служить нашей задачей.

В течение великой европейской войны президент Вильсон выдвинул лозунг: «самоопределение наций». Это отвечает

принципу «национализма» нашей партии. После мирной конференции в Версале образовался целый ряд мелких, но независимых республик, живущих под каким-либо объединяющим знаменем. Это должно ясно показывать вам главное направление в современной жизни народов. Теперь наступает момент для проведения в жизнь наших великих идей: национализма, демократии и социализма. Только при осуществлении всех этих принципов наш народ может спокойно жить и развиваться. Но проведение и осуществление этих принципов самым тесным образом связано с выявлением ваших сил и степени энергичности вашей пропаганды.

Мы теперь имеем благоприятный случай для пропаганды наших идей: вся Гуан-дунская провинция, с ее 30.000.000 населением, находится в наших руках; мы должны немедленно взяться за дело подробного объяснения всем гражданам сущности программы нашей партии».

* * *

Поскольку Сунь-Ят-Сен не стоит целиком на почве признания классовой борьбы, постольку вся его система по существу является мелкобуржуазной идеологией, сложившейся у Сунь-Ят-Сена под влиянием европейских идей с некоторым уклоном в сторону американского трактования идей демократии.

Кладя в основу общеизвестную систему гражданских прав, Сунь-Ят-Сен в этой части своей системы «Сан-мин-чжу», по существу, ничего нового и оригинального не дает. Ново здесь только то, что идеи европейского демократизма переносятся на китайскую почву, где им приходится бороться с китаизмом.

Значительно более разработан у Сунь-Ят-Сена первый принцип—национализма, который хотя и заимствует идею американского государственного устройства, вместе с тем является наиболее оригинальной частью всей системы Сунь-Ят-Сена. Поскольку Сунь-Ят-Сен выступает с мыслями об образовании едино-китайского государства, постольку к нему и к партии Го-мин-дан не без основания была приклеена кличка китайских националистов. Партия Го-мин-дан не протестовала против этого, хотя сам Сунь-Ят-Сен, в своем толковании национализма, учитывает интересы других национальностей бывшей Китайской империи (маньчжур, мон-

голов, тибетцев и татар), и в его ссылках на примеры Америки и Швейцарии, несомненно, есть желание найти пути к разрешению национального вопроса.

Наконец, в отношении социализма Сунь-Ят-Сен дает не лишнюю интереса аграрную программу, сущность которой сводится к пропорциональному разделу земель (так-называемая пропорционализация), которая, с одной стороны, напоминает идеи русских социалистов-революционеров о социализации земли, с другой—идеи Генри Джорджа об едином налоге. Сунь-Ят-Сен выдвигает систему налога и право выкупа земель по ценам, установленным для налогового обложения.

Несомненно, аграрный вопрос является одним из важнейших вопросов китайской революции, ибо вовлечение китайского крестьянства в революционное движение—одна из актуальнейших задач, от разрешения которой будет зависеть будущее социальной революции в Китае.

Но, конечно, это только одна из сторон проблемы социализма. Другая, касающаяся борьбы труда и капитала, как мы выше отмечали, не получила у Сунь-Ят-Сена четкого выражения. Правда, он выдвинул очень оригинальный план индустриализации Китая, который при своем развертывании объективно должен был содействовать не только капиталистическому развитию Китая, но и росту рабочего движения в последнем, что, в свою очередь, должно было внести ряд существенных поправок во всю систему Сунь-Ят-Сена, что, впрочем, сейчас уже отчасти делается, ибо рабочее движение в Китае стало реальным фактом.

Для этого, чтобы характеризовать идеи Сунь-Ят-Сена в отношении схемы капиталистического развития Китая, мы приводим одну из глав его книги, на которую он ссылался в своей речи о «Сан-мин-чжу».

II. Проблема индустриализации Китая.

(Вводная часть книги Сунь-Ят-Сена, изданной им в 1920 г. в Шанхае, под названием «План международного развития Китая»).

Считают, что в последний год мировой войны, ежедневные расходы различных воюющих народов достигали пример-

но двухсот сорока миллионов долларов золотом. Предположим, что при самой большой бережливости лишь половина этой суммы была расходуема на военные укрепления и другие военные надобности. Получится расход около ста двадцати миллионов долларов золотом.

Если на эти военные расходы посмотреть с коммерческой точки зрения, то получится следующая картина. Поля сражения являются рынком для военной промышленности, потребителями были солдаты. Войны поглощали все. Почти вся мирная промышленность была милитаризована. Для того, чтобы увеличить производство военных снарядов, жители воюющих и даже нейтральных стран должны были довольствоваться самыми ограниченными житейскими потребностями и отказываться не только от предметов роскоши, но и от привычных удобств.

Теперь война окончена, и рынок для военной промышленности оказался закрытым. Будем надеяться, что навсегда. Сейчас мир стоит перед проблемой, каким образом организовать послевоенное хозяйство Европы. Выше мы отмечали, что сто двадцать миллионов долларов ежедневно расходовались на военное снаряжение. Предположим, что это восстановление хозяйства Европы возьмет половину этой суммы, т.-е. шестьдесят миллионов долларов, что все-таки оставит нам разность в шестьдесят миллионов долларов ежедневного расхода, которые можно использовать на другие нужды.

Кроме того, миллионы солдат, которые во время войны были только потребителями, сейчас станут вновь производящей силой. Далее, концентрация и национализация всей промышленности, которые я назвал бы *второй промышленной революцией*, достигнут гораздо большего размера, чем первая, в которую ручной труд был заменен машинным производством. Эта вторая промышленная революция увеличит производительность человека во много раз более, чем первая. Следовательно, эта концентрация и национализация промышленности за счет мировой войны будет в дальнейшем усложнять восстановление послевоенной промышленности. Представьте себе: на шестьдесят миллионов долларов в день или двадцать один миллиард и девятьсот миллионов долларов в год новой торговли, созданной войной, которая

должна будет прекратиться, как только заключат мир. Где в мире могут найти Европа и Америка рынок для сбыта этих огромных запасов, оставшихся после войны? Если эти миллиарды долларов, вложенные в военную промышленность, не могут найти себе места в условиях мирного времени, то мир окажется перед экономическим кризисом. Это не только расстроит экономическое положение Европы и Америки, но будет также большим ущербом для мировой экономики.

Торговые страны всего мира смотрят на Китай, как на «место разгрузки» их перепроизводства. Довоенные условия торговли были неблагоприятны для Китая. Перевес импорта над экспортом равнялся приблизительно ста миллионам долларов золотом ежегодно. Рынок Китая не мог при этих условиях сильно расширяться, так как это повело бы к выкачиванию золота из Китая и было бы выгодно только для иностранных государств, ведущих торговлю с Китаем. К счастью, природные богатства Китая очень велики, их собственное развитие могло бы создать неограниченный рынок для своего мира и могло бы использовать если не всех миллиарды долларов, оставшиеся в промышленности военного времени, то значительную часть последних.

Китай—страна, в которой все еще применяют ручной труд, и которая еще не вступила в первую стадию промышленной эволюции, тогда как Европа и Америка уже достигли этой второй стадии. Таким образом, Китаю придется начинать оба периода промышленной эволюции сразу, применяя механику вместе с принципом национализации производства. В этом случае Китаю потребуется механика для его обширного земледелия, техническое оборудование его богатых копей, техника для его бесчисленных факторий, для его обширного земледелия, техническое оборудование для общественных нужд. Как этот новый спрос на современную технику может отразиться на реорганизации военной промышленности Европы и Америки? Заводы, выделяющие пушки, могут легко быть обращены в заводы, производящие паровые валы для устройства дорог в Китае. Заводы, выделяющие танки, могут производить платформы для перевозки сырых материалов, находящихся повсюду в Китае. Все виды военных машин могут быть обращены в орудия мирного времени для общего развития естественных богатств

Китай. Китайский народ будет приветствовать развитие богатств нашей страны, если только Китай будет сохранен от растлевающего влияния мандаринов и обеспечит себе нормальные взаимоотношения с иностранными государствами.

Некоторые народы Европы и Америки могут опасаться, что развитие военной техники Китая, его военной организации и общее промышленное развитие могут создать неблагоприятную конкуренцию для иностранной промышленности. Я поэтому предлагаю план организации нового рынка в Китае, достаточно обширного, как для развития его собственных производительных сил, так и для развития промышленности иностранных держав. План, предлагаемый мною, следующий:

I. Развитие системы путей сообщения.

- а) 100.000 миль железнодорожных путей.
- б) 1.000.000 миль мощеных дорог.
- в) Улучшение ныне имеющихся каналов:
 - 1) Ханчоу—Тяньцзин канала,
 - 2) Сикиан—Ян-цзы канала.
- г) Сооружение новых каналов:
 - 1) Ляохе—Сен-ква-киан канала.
 - 2) Каналов, подлежащих проектированию
- д) Организация речной системы Китая:
 - 1) Приведение в порядок насыпей (плотин) и русла Ян-цзы от Ханькоу до моря, для облегчения океанским пароходам навигации до порта Ханькоу.
 - 2) Приведение в порядок насыпей (плотин) и русла Ху-анхе для предотвращения наводнений
 - 3) Привести в порядок Сикиан.
 - 4) Привести в порядок Хвайхе.
 - 5) Привести в порядок разные другие реки.
- е) Проведение больших телеграфных и телефонных линий, а также организация радио-телеграфной сети.

II. Организация и развитие коммерческих гаваней.

- а) Организация трех обширнейших океанских портов, могущих в будущем быть равными нью-йоркской гавани. Они должны быть построены на севере, в центре и на юге Китая.

б) Устройство коммерческих и рыболовных гаваней вдоль всего китайского побережья.

в) Устройство коммерческих доков вдоль всех судоходных рек Китая.

III. *Постройка современных городов, с общественными удобствами, близ всех железнодорожных центров, главных станций и гаваней.*

IV. *Использование водной силы Китая.*

V. *Организация в самом широком объеме железо и сталелитейных заводов, а равно цементных заводов для обслуживания строительных нужд Китая.*

VI. *Развитие горных богатств Китая.*

VII. *Развитие земледелия в Китае.*

VIII. *Работа по орошению в Монголии и Китайском Туркестане.*

IX. *Лесовозращение в центральном и северном Китае.*

X. *Колонизация Маньчжурии, Монголии, Синцзяна, Коконора и Тибета.*

Если вышеуказанная программа сможет быть осуществлена постепенно, то Китай станет не только «разгрузочным местом» для иностранных товаров, но действительно обратится в «экономический океан», способный поглотить весь излишний мировой капитал так же быстро, как промышленные страны смогут производить при грядущей промышленной революции национализированного производящего машинного производства. Это сведет на-нет конкуренцию и коммерческую борьбу как в Китае, так и во всем мире.

Мировая война доказала человечеству, что война разорительна как для победителя, так и для побежденного. Но наиболее тяжела она для наступающего. Это приложимо как к войне оружием, так и к экономической борьбе. Президент Америки Вильсон предложил образовать Лигу Наций для прекращения в будущем войн; я хочу предложить прекратить торговую войну путем совместной работы и взаимной помощи в деле развития Китая. Это устранил главнейшую причину всех будущих войн.

Если мое предложение приемлемо для держав, владеющих капиталами, то я представляю детальный план.

Развитие Америки, как промышленной и торговой нации принесло много выгоды всему миру. Развитие Китая, с его четырьмястами миллионами населения, создаст другой Новый Свет в экономическом отношении. Нации, принявшие участие в развитии Китая, пожнут огромные выгоды. Кроме того, интернациональная совместная экономическая работа сможет лишь способствовать укреплению братства среди людей. Наконец, я уверен, что в конце-концов, Китай будет краеугольным камнем в союзе Лиги Наций.

Для успешного выполнения этого проекта я предлагаю предпринять три следующих необходимых шага. Первый—организовать управление снабжающих капиталами держав, которые должны войти между собой в соглашение для совместных действий и организации международной организации, с их организаторами военного дела, администраторами и экспертами по разным отраслям для выработки планов и нормализации материалов в предотвращении ущерба и для облегчения предполагаемых работ. Второй—необходимо, чтобы доверие китайского народа было обеспечено, чтобы оно послужило базой для сотрудничества и всесторонней поддержки с его стороны. Если вышеуказанные меры будут выполнены, то третьим шагом будет открытие официальных переговоров для заключения окончательно договора относительно выдвинутого нами проекта с китайским правительством.

Наконец, последнее, но и самое главное,—нужно предупредить, чтобы прежние ошибки не повторились. В 1911 году иностранные банкиры отнеслись с пренебрежением к желаниям китайского народа, они думали, что смогут все сделать с одним китайским правительством. Но оказалось, что договоры, которые они заключили с правительством посредством больших подкупов, впоследствии не были признаны китайским народом. Если бы иностранные банки пошли более верной дорогой, заручились бы прежде доверием китайского народа и затем уже приступили к заключению, то они преуспели бы больше».

* * *

План Сунь-Ят-Сэна при всем своем своеобразии интересен, во-первых, как большая, технически детально разработанная

программа государственного строительства в Китае. И, во-вторых, как смелый политический ход, который Сунь-Ят-Сен, националист, выдвинул перед капиталистическим миром в интересах республиканского Китая.

Если план Сунь-Ят-Сена пригодится с большой пользой будущему китайскому «Госплану», то политически этот проект рисует перед нами Сунь-Ят-Сена, как чрезвычайно крупную фигуру. По аналогии вспоминая наш советский опыт, мы можем план Сунь-Ят-Сена сравнить с нашей концессионной политикой в первый период ее политическо-декларационного значения. Конечно, условия обстановки и даже задач здесь разные, но цель использовать международный капитал в интересах китайской революции, нам кажется, оправдывает нашу аналогию.

Во всяком случае, Сунь-Ят-Сен не побоялся поставить этого большого вопроса об использовании иностранного капитала для задач реформации Китая; ибо, что такое план индустриализации Китая, как не величайшая из хозяйственных революций мирового порядка. Капиталистический Китай—это целая эпоха социально-экономической реформации восточной Азии.

Для того, чтобы дать полное представление об учении Сунь-Ят-Сена, нам остается привести речь последнего, объясняющую идеи государственного устройства Китая, которые проповедаются им и носят название «Конституции пяти видов» (или «Пятистепенной конституции»).

III. „Конституция пяти видов“.

Товарищи!

Темой моей настоящей речи будет «Конституция пяти видов», которая является плодом исключительно моей работы и до сего времени нигде не была известна. Вы знаете, что весь мир в государственном смысле стремится к установлению конституционного строя; термин этот должен быть известен многим представителям китайского народа, который в течение последних десяти или двадцати лет живет успеш-

ной общественной жизнью. Но что такое конституция? Конституционным строем называется строй, при котором вся политическая власть разделена на несколько составных частей, в своей работе совершенно независимых одна от другой. Конституции других стран делятся только на три составных части, но не на пять. Конституция из пяти составных частей явилась плодом только моей работы. С момента ее проявления немногие понимают ее сущность. Попытаюсь это объяснить.

Десять лет тому назад я говорил на эту же тему, причем слушатели, повидимому, очень невнимательно отнеслись к этой теме. Во всех других странах существует так-называемая трехстепенная конституция, и поэтому им было чрезвычайно странно слышать о новой ее форме, почему они и решили, что это исключительно плод моей фантазии. Но я основывал идею своей работы на весьма твердом фундаменте. Я изучал историю революций более тридцати лет. После неудачного революционного выступления в Гуан-дуне, я направился за границу, где серьезно принялся за изучение вопроса о причинах неуспеха и неудачи крупных политических движений в разных странах, с целью создания фундамента для будущего государственного строя в Китае.

Мне удалось подробно и серьезно изучить все эти вопросы. После успешного завершения переворота в Северо-Американских Соединенных Штатах американцы, добившись полной независимости от Великобритании, положили в основание своего государственного строя трехстепенную конституцию, пункты и статьи которой отличаются точностью и ясностью. Эта конституция называется в политическом мире «формулированной конституцией». Многие страны последовали примеру Северо-Американских Соединенных Штатов и положили эту конституцию в основу законов своей страны. Я изучил американскую конституцию, которая с момента ее появления на свет была не только признана, как образец самим американским народом, но даже и английскими государственными деятелями, которые видели в ней превосходство над всеми остальными формами конституций разных государств. Я весьма осторожно и серьезно отнесся к изучению этой конституции, чтобы добиться ответа, совершенна она или нет. Результатом моей работы явилась уверенность, что

она имеет много недостатков. К тому же мнение некоторых европейских и американских ученых об американской конституции во многом сходится с моим. В настоящее время очень многими чувствуется несовершенство американской конституции. Вследствие этого, то, что было хорошо и правильно 100 или 200 лет тому назад, безусловно, не годится теперь. С этой точки зрения, а также благодаря усиленному изучению этого вопроса, я решил уничтожить эти недостатки. Американские студенты политических наук держались того же мнения. Безусловно, усовершенствование конституции не является легким делом. Как же нужно это сделать? В нашем распоряжении не имеется ни нужных книг, ни материалов.

Я помню, один американский профессор написал книгу: «Свобода», в которой он развивает мысль, что трехстепенная конституция не соответствует духу времени, и поэтому советует ввести в нее четвертую составную часть «власть наказания» членов парламента, которая должна быть в своих действиях абсолютно независима. Он думает, что если парламента будет обладать этим же правом, то хитрые члены парламента будут злоупотреблять этим правом и ставить правительство всегда в весьма затруднительное положение. Но и его мнение еще не совсем точно. В Америке имеется довольно много людей, чувствующих несовершенство своей конституции и ищущих метода для ее исправления; вышеуказанный метод является тоже несовершенным. Почему? Потому, что в Соединенных Штатах все общественные работники выбираются народом, но в виду наличия многих затруднений в народных выборах, а также и крупных недостатков этих выборов, имеется метод ограничения выборов чиновников; обладающие известными привилегиями имеют право голосовать. Такой привилегией является наличие известного имущественного ценза, при наличии которого его владелец имеет право голоса. Безусловно, такая форма ограничения при выборах в настоящее время является противоречием духу равенства и рождает огромный прилив взяточничества; кроме того, при такой системе мы не знаем, кто должен быть избран. Безусловно, избираемые должны обладать известными качествами, при чем правом голоса пользуются все граждане республики; такая система называется «всеобщим голосованием». Во

всех странах мы наблюдаем теперь борьбу за ее установление. Это—очень хороший метод, но кто же должен быть избран? Если не имеется определенного положения, то и такая, казалось бы, совершенная система принесет больше вреда, чем пользы.

Дело не так уж просто: имеешь имущество,—значит, голосуешь и можешь быть избранным. Я думаю, что каждый работник на общественной службе и каждый работник законодательных учреждений должен иметь известные знания и способность к работе. Если же он не имеет ни знаний, ни способностей к работе, а только имущество, то это противоречит требованиям времени. Предположим, что мы имеем 50 человек, обладающих нужными знаниями и способностями. Выберем нужных из них. Но кто же может сказать, что они являются нужными для работы людьми? Прежде в Китае существовал метод проверки знаний работников государственной службы. Но старый китайский метод не был полезен во времена династий, потому что император в те времена занимался лишь приисканием нужных лиц для управления страной. Этот же метод является чрезвычайно полезным и необходимым в республике, так как народ не имеет возможности собираться для управления делами страны. Экзаменационный отдел и является той пятой составной частью, о которой я говорил. Все это явилось результатом моих продолжительных и больших трудов; я уверен, что практика покажет полную пригодность этой системы.

«Союзная Лига» еще в Токио приняла положение «трех принципов» и «Конституции пяти видов», как свою программу. Мы в свое время решили, что после успешного завершения революционного переворота конституция должна быть приложена на практике. Мы не предполагали, что после свержения маньчжурской династии кто-нибудь воспользуется сложившимися обстоятельствами. Все думали, что самый факт свержения маньчжурской династии является доказательством того, что все будет устроено так, как того хочет народ. Результат—существование так-называемого «республиканского строя» в Китае, который не только не провел в жизнь принципов, к которым стремятся лучшие люди Китая, но, в общем, даже ухудшил положение. Причина этого вам должна быть понятна и без моих объяснений. Мы должны немедленно при-

ложить все свои усилия к проведению «Конституции пяти видов», которая заложит основание крепкому и здоровому государственному строю. Мы должны иметь хорошую конституцию, и тогда мы сумеем устроить настоящую республику. С момента появления «Конституции пяти видов» никто не может вникнуть в ее сущность настолько, чтобы хорошо понять ее и согласиться с ней. Я помню, лет 20 назад был один китайский студент, кончивший китайский юридический факультет. Он желал дополнить свои знания в этой области и изучить свой предмет глубже, для чего и отправился в знаменитый американский университет. Я встретил его в Нью-Йорке и спросил, какими предметами он особенно занялся. Он ответил, что предметом специального изучения взял вопрос о конституциях. На это я ему сказал относительно своего проекта о «Конституции пяти видов» и беседовал с ним по этому вопросу около двух недель; наконец, он заявил, что пятистепенная конституция значительно лучше других. Я попросил его изучить этот вопрос серьезно в университете. Впоследствии он закончил университет и получил докторскую степень. Таким образом, его знания должны быть чрезвычайно широки. После окончания университета он отправился в Англию, Францию и Германию для изучения конституций на практике. После первого успешного революционного переворота он возвратился в Китай; тогда согласился с пятистепенной конституцией. Он заявил, что в других странах он такой конституции не встречал и поэтому полагает, что возможность ее проведения в жизнь чрезвычайно мала. Когда я услышал такое заявление, я понял, что оно ошибочно. Между тем, все наши товарищи тогда верили, что мнение, высказанное этим доктором, было правильно. Ни в одной стране нет такой конституции, и поэтому она как-будто бы нехороша и не заслуживает внимания.

Когда я был в Нанкине, моим инструктором по юриспруденции был японский доктор юстиции; я беседовал с ним по очень многим вопросам. После неудачи второго революционного переворота я отправился в Японию и снова встретил его. Он спросил меня, что я называю «Конституцией пяти видов». Я объяснил ему это подробно; после того, как мы прожили около трех месяцев вместе, он, наконец, понял ее.

Я видел, что этому доктору придется еще долго объяснять ее сущность, так как никто из граждан не может ее понять.

Оба доктора в конце-концов заявили, что теория этой конституции не имеет совершенно ничего общего с конституцией других стран, и поэтому вопрос о ней должен оставаться открытым. Видя такое осторожное отношение к ней, я все же был уверен, что с течением времени, через несколько столетий, даже тысячелетий, эта конституция будет проведена в жизнь.

Мы стремимся сделать Китай сильной и славной страной, но каким образом и как мы можем это осуществить? Я думаю, что должен быть путь не особенно трудный. Этим путем и является «проведение пятистепенной конституции». Прошло уже более двадцати лет с того дня, когда я говорил на тему о «пятистепенной конституции» в день празднования годовщины газеты «Мин-Бао» в Токио; все же число сторонников этой конституции чрезвычайно мало. Нужно приветствовать всяческое желание познакомиться с этим вопросом. Но если мы захотим представить картину этой конституции во всех подробностях, две недели будут для нас не только недостаточны, но еще более запутают общее положение.

Подумайте только: почему нам нужна эта конституция? Если мы желаем понять, к чему нам эта конституция, то сперва нам нужно сделать обзор истории политики в течение прошедших нескольких тысячелетий. В политической истории существуют две тенденции: одна тенденция — «свобода» и другая — «порядок». В политической истории, как и в физике, существуют две силы: центробежная и центростремительная. Тенденция центробежной силы — распространение вовне; центростремительной — собирание вокруг центра. Если центробежная сила превзойдет, то вещество уничтожится; если же превзойдет центростремительная сила, то вещество лишь слегка уменьшится и сожмется. Необходимо, чтобы эти две силы были равны; то же и со «свободой» и «порядком». Если границы «свободы» будут сильно расширены, то появится возможность возникновения анархии; если же «порядок» будет на первом месте, то будет править абсолютизм. Политические перемены в течение не-

скольких тысячелетий являются результатом столкновения этих двух сил.

История Китая началась династиями Тэн и Ю; этот период называется «золотым». История Китая—история движения от свободы к абсолютизму; история же Европы—история движения от абсолютизма к свободе. Народ пользовался свободой слишком долго, и она начала ему надоедать: он ее уничтожил; тогда амбиционные императоры и короли воспользовались случаем для облечения в тогу абсолютизма: начался абсолютизм династий Цин и Тэн. Политическая история других стран идет от абсолютизма к свободе; вначале люди переносили страшные страдания, и поэтому в этих странах нашла себе место следующая поговорка: «нет свободы,—лучше смерть». Таким образом, мы можем убедиться в ужасном влиянии абсолютизма того времени.

История китайской политической жизни идет от свободы к абсолютизму. Китайский народ древнего времени, самостоятельно культивировавший себе пищу и копавший колодцы для питьевой воды, был совершенно свободен. Вот что сказал философ Лао-цзе: «Страна должна управляться без вмешательства». Это и есть народное представление о свободе. В то время народ пользовался полной свободой, но он не знал ее цены. Эта традиция сохранилась и до сих пор. Предметом постоянного удивления европейцев являлась апатия китайцев к свободе. Характер же европейской истории совершенно иной. Европа с момента падения Римской империи разделилась на множество стран, народы которых были на положении рабов. В течение последних нескольких столетий шли войны за завоевание свободы. Когда я говорил относительно революции, я никогда не смешивал ее с понятием о завоевании свободы; китайский народ думает только о полной политической перемене, но совершенно не связывает с этим понятие о свободе. Китайские императоры требовали только уплаты народом податей и спокойствия. Отсюда ясно, почему Европа критикует китайский народ за полное непонимание термина «свобода». Европейцы не пользуются полной свободой потому, что они борются за завоевание ее. Но китайцы пользуются свободой неисчерпаемой, поэтому они не знают слова «свобода».

Эти два течения политической истории: абсолютизм и сво-

бода являются отличительной чертой между Китаем и Европой. Но в политической истории имеются также два класса людей: те, кто управляют, и те, которыми управляют; вот что сказал великий Манфисис по этому поводу: «Есть люди, занятые гимнастикой ума, и есть люди, занятые гимнастикой тела; первые будут править, а вторыми будут управлять». Те, кто будут управлять, должны иметь знания, а те, кем будут управлять, не должны иметь знаний. Люди древнего периода были подобны детям, думающим только о том, кто их направит. Теперь же народ вырос и понимает, что нужно это различие между управляющими и управляемыми уничтожить. В Европе лишь в течение последних столетий был сброшен монархический строй с его императорами, и народ пользуется сравнительной свободой. Моя же пятистепенная конституция стремится это различие уничтожить, тем самым являясь верным и действительным путем для осуществления принципов демократии.

Теперь поговорим о месте зарождения конституции. Впервые конституция появилась в Англии. Со времени великой английской революции власть короля постепенно падала и, в конце-концов, перешла просто в политическую традицию, подобно «разделению трех властей».

Но в действительности англичане не понимают того, что эти три власти были разделены; они обладают естественным чувством любви к свободе и поступают так, как им кажется лучше.

Триста лет назад был знаменитый французский ученый Монтескье, который написал книгу «Дух законов», развивавшую теорию разделения трех властей и указывавшую, что законодательная, исполнительная и судебная власти должны быть совершенно независимы друг от друга. Но Англия, благодаря сильному развитию своих политических партий, постепенно меняла свою форму: теперь ее правительство — не правительство трех отдельных и независимых друг от друга властей, а единая сила. Современная политическая система в Англии — это полная диктатура парламента, полная власть одной партии, которая управляет страной. Система же управления Северо-Американских Соединенных Штатов базируется на теории разделения трех властей Монтескье и облечена в точную форму формулированной конституции;

сам же Монтескье свою теорию разделения трех властей базировал на политической традиции Англии. Позже реформы в Японии и революции других стран взяли за фундамент своей конституции конституцию Северо-Американских Соединенных Штатов. Английская конституция не формулирована документами, в то время как американская конституция выражена формальным образом и документами. Поэтому английская конституция называется еще «гибкой», в то время как американская—«строгой» и «точной».

Англия управляется отдельными лицами, в то время, как Северо-Американские Соединенные Штаты—законами, хотя Англия и является страной, где впервые появилась конституция, не формулированная точными словами. Наша же, китайская конституция является также конституцией трех властей, как и английская. (1-я фигура).

Китайская конституция.			Конституция других стран.		
Власть наказания.	Власть императора.	Проверочная власть.	Власть судебная.	Власть административная.	Власть законодательная.
	 Включает.			 Включ.	
	1			1	
Юридическую.	Административную.	Законодательную.		Власть проверочную.	Власть наказания.

Согласно приведенной диаграмме, китайская конституция включает проверочную власть, власть наказания и власть императора, включающую законодательный, судебный и административный отделы. Система проверочных испытаний является весьма полезной в Китае. Она отличалась точностью, отсутствием взяток и личного влияния; позже эта строгость постепенно стала понижаться. Что касается власти наказания, то во главе ее стояли специальные чиновники. В случае, если действия императора были неправильны, то и он подвергался наказанию этой властью, которая настаивала на наказании, включительно до смертной казни. Таким образом, эта система заслуживает одобрения.

Есть американский профессор Бургес, который написал книгу «Свобода и правительство», в которой он говорит, что власть наказания в Китае является наилучшим примером компромисса между свободой и правительством ¹⁾. О свободе китайский народ говорил мало; крайность свободы—анархизм. Причиной усиленных рассуждений об анархизме в Европе является его сравнительная там новизна. Первым известным анархистом был французский мыслитель, философ Прудон и затем русский Бакунин; настоящим же представителем анархизма является русский философ Крапоткин, недавно скончавшийся. Многие занялись усиленным изучением этого течения политической мысли просто потому, что оно было еще совершенно ново. Смешно, когда говорят о китайских студентах, не говоря уже о том, понимают они или нет, изучающих эту теорию и пропагандирующих ее, стараясь не отставать от моды. В сущности, теория анархизма известна в Китае еще несколько тысяч лет назад, когда многие ею сильно интересовались. Разве теория Хунга и Лао не анархизм. В Китае говорили об анархизме около нескольких тысяч лет. И только потому, что китайская молодежь не понимает этого, она не понимает, что ее пропаганда в настоящее время совершенно не нужна.

Я уже говорил, что оба политических течения—свобода и абсолютизм—должны подойти к компромиссу для того, чтобы ни одно из них не доходило до крайности, подобно центробежной и центростремительной силам. Говорить только о центробежной или только о центростремительной силе безусловно неверно. Нужно говорить об обеих. Всякое мнение только одной стороны никогда не преуспеет. Равенство обеих сил и соединение обеих тенденций образует славное будущее всего человечества. Работа конституции подобна работе машины. Я говорю, что правительство есть машина. Тогда мне могут заявить, что такая иллюстрация довольно странна. Но вы должны знать, что имеются машины для обработки разных материалов. Таковы же и машины человеческих дел. Закон—машина человеческих дел. Конституция является огромной машиной—машиной компромисса между свободой и правительством.

¹⁾ В некоторых случаях „власть наказания“ Сунь-Ят-Сеном называется „властью цензуры“.

В начале нашей революции мы предлагали положение о «трех принципах», т.-е. национализм, демократия и социализм. Это те же слова, которые были сказаны президентом Северо-Американских Соединенных Штатов Линкольном: «правительство народа, избранное народом и для народа». Люди сами должны править, тогда они будут во всем удовлетворены; если же они не могут править сами, тогда они не могут быть удовлетворены. Если же мы желаем свергнуть систему правления тех, кто развил свой ум, над теми, кто развит только физически, то нужно иметь в виду, что человеческая воля может справиться даже с небесами. На белом свете существуют: лошадь, которая может идти сотни миль в день, птицы, которые поднимаются почти до самого неба, рыбы, могущие плавать на самом дне моря, но человек не может. Однако, если мы желаем проходить тысячи верст в день, или летать по воздуху на птичьей высоте, или плавать в воде,—можем ли мы это выполнить? Можем, если имеем машины. Взяв автомобиль, мы можем пробегать расстояние больше чем в тысячу верст в день; употребляя аэроплан, достигаем поднебесной высоты; имея сумбарину, можем опускаться до дна моря. Вот что могут сделать человеческая воля и мысль. Некогда были греки, которые были способны проходить сотни верст в день; они, конечно, рождались с такой природной выдержкой и способностью к ходьбе, что случается весьма редко. Но теперь мы имеем машины, при помощи которых мы можем очень легко достигнуть всего того, что стоило раньше огромного труда.

Перейдем к вопросу о демократии, которая для народа является машиной, чтобы бегать, плавать, летать и делать все, что он захочет. Но что же это за машина? Эта машина—конституция. (См. 2-ю фигуру).

Конституция пяти степеней (властей).

Власть законодательная.	Власть судебная.	Власть административная или исполнительная.	Власть наказания.	Власть проверки знаний.

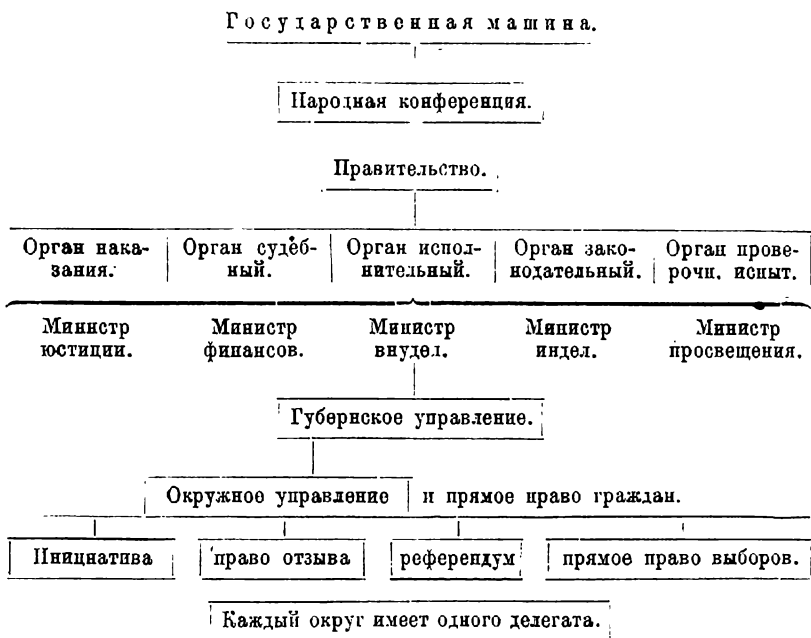
Эта пятистепенная конституция (конституция пяти видов) и есть наш автомобиль, наша сумбарина и наш аэроплан.

Она делится на власти: законодательную, судебную, административную или исполнительную, наказания и проверочных испытаний для государственных работников, совершенно независимые одна от другой. Она лишает власти императора и отнимает у него власти: законодательную, судебную и административную, при чем делает их совершенно независимыми силами. Во главе административного органа стоит президент; во главе законодательного—парламент; во главе судебного—судья. Орган наказания, проверочных испытаний и остальные органы власти должны быть совершенно независимыми друг от друга. В таком случае каждый работник на государственной службе должен сначала пройти известные проверочные испытания. Я помню, когда я приехал в Кантон, ко мне многие обратились с просьбой о предоставлении им должностей в государственном аппарате. Правительство же нуждалось в знающих и опытных работаках. Но я никого не знал. Может-быть, среди этих лиц и были опытные старые работники, но без известной проверки их знаний ничего нельзя было сделать. В таком случае эта власть чрезвычайно полезна. Многие опытные лица были неизвестны широким кругам общества, благодаря тому, что никогда не подвергались проверочным испытаниям. И вот иногда случается, что незнающие, почти безграмотные люди добиваются высоких постов и тем только возбуждают и развивают в сердцах народа глухую ненависть. Теперь мы видим, что власть проверочных испытаний является весьма существенным и важным звеном в правительственном аппарате. Без этого звена мы, как без проводника. Только при наличии этой системы мы сможем иметь опытных государственных работников.

Эта система была проведена на практике в Англии уже довольно давно, а в Америке—около 20 или 30 лет назад. Все это было заимствовано у Китая. Китайская система проверочных знаний является наилучшей во всем мире; все страны теперь пользуются ею.

Выше я сказал, что власть законодательная возглавляется парламентом, исполнительная—президентом, судебная—судьей; власти проверочных испытаний и наказания также возглавляются соответствующими лицами. Когда я был в Нанкине, я потребовал у сената принятия пятидеся-

пенной конституции. Но они не поняли, что такое пяти-
степенная конституция, упразднившая их же личные точки
зрения. Пятистепенная конституция—плод моих личных тру-
дов; она является огромной машиной. Если вы хотите про-
бегать сотни верст в день,—вы берете автомобиль, вы поль-
зуетесь аэропланом, если же вы желаете управлять страной,
вы должны употреблять машину, которой вы умеете упра-
влять. (Фигура 3-я).

Вот аппарат для управления страной. Кроме пятисте-
пенной конституции, весьма важным является прямое право
граждан в окружном управлении. Прямое право—«действи-
тельное право граждан». Оно бывает четырех видов: право
выбора, право отзыва, право инициативы и право референ-
дума. Пятистепенную конституцию можно уподобить огром-
ной машине; прямое право граждан—ключ от этой машины.
Если граждане имеют право выбора, они должны также
иметь и право отзыва избранных ими чиновников. Но что
называется правом инициативы? Если граждане желают что-
либо осуществить, они могут возбудить вопрос о принятии

закона, согласного с волей всего общества, и если граждане находят, что законы, принятые законодательным органом, не соответствуют их желаниям, они могут возбудить вопрос об их уничтожении; если же граждане знают о существовании полезных законов, которые почему-либо не могут пройти через законодательный орган, они могут, как общество, как целое, принять их. Такое право также называется правом референдума. В нашей временной конституции нет такого конкретного параграфа относительно перечисленных выше прав граждан. (В конституции, принятой в Нанкине, имеется только один параграф: «Китайская республика принадлежит только китайскому народу, как целому»). Это является моим предложением. Остальное же не согласуется с моим мнением, почему я и не могу быть ответственным за него. Позавчера я говорил вам относительно общих принципов губернского (временного) собрания; я надеюсь, что члены этого собрания потребуют у кантонского парламента пятистепенной конституции (конституции пяти видов), как основы государственного строя Китая.

* * *

Если исходить из опыта Октябрьской революции, то вряд ли можно всю систему Сунь-Ят-Сена расценивать иначе, как устаревшую, ибо для будущего системой государственного устройства, несомненно, будет советская система, которая нашла форму своего выражения в Союзе Советских Социалистических республик.

Национально-революционная борьба, происходящая в настоящее время в Китае, рано или поздно, но трансформируется в классовую борьбу, и последняя неизбежно приведет китайцев к борьбе за советскую систему. Однако, поскольку Китай переживает известную фазу национально-революционной борьбы за демократизацию Китая, во имя освобождения от феодально-монархических пут прошлого, постольку «конституция пяти видов» Сунь-Ят-Сена представляет собою факт прогрессивного значения.

Интересно отметить, что идея европейского конституционализма у Сунь-Ят-Сена подвергнута своеобразной критике. В основу этой критики легли, с одной стороны, принципы американского конституционализма, другой — некоторые

из принципов государственного права Китая. Китайские государственные экзамены навяли Сунь-Ят-Сену идею «системы проверочных испытаний» для государственных чиновников, а прошлое китайского государственного контроля систему особой «власти наказания», «власть цензуры». Желание обеспечить контроль над органами высшей власти Сунь-Ят-Сен включил в схему своей конституции—«власть наказания», которая, пожалуй, до известной степени может соответствовать нашему Рабкрину и ЦКК.

Для нас, участников и современников Октябрьской революции, будет всегда странно звучать ссылка Сунь-Ят-Сена на то, что «почти безграмотные люди могут добиваться высоких постов». Сунь-Ят-Сен рассуждает здесь, как интеллигент-ученый, которому непонятно то, что понятно нам, пережившим Октябрьскую революцию, когда в основе лежала классовая борьба,—смена всего аппарата классового господства, когда революция поднимала на гребнях своих волн простых необразованных рабочих, заменяла ими старых прислужников капитала, и затем обучала и шлифовала этих рабочих, превращая их в государственных мужей. Здесь, к сожалению, опыт Сунь-Ят-Сена лежит примерно в плоскости нашей Февральской революции, которая, аналогично китайской революции 1911 года, смела трон монархии во имя буржуазной революции.

Го-мин-дан приняла сейчас «Конституцию пяти видов» в качестве системы будущего политического устройства Китая. Но это, конечно, не последнее слово китайского революционного движения. Развитие рабочего движения в Китае рано или поздно приведет трудящихся Китая к борьбе за советскую систему.

Го-мин-дан перед новыми задачами.

Военные неудачи 1922 года и внутренний распад Го-мин-дан, выразившийся в выступлении Чен-Цзю-Мина против Сунь-Ят-Сена, что, как мы выше отмечали, заставило Сунь-Ят-Сена бежать в Шанхай,—все это, вместе взятое, заставило Сунь-Ят-Сена серьезно задуматься над вопросами реорганизации Го-мин-дан.

Увлеченный задачами военной борьбы и политическими

комбинациями Сунь-Ят-Сен, равно как и вся партия Го-мин-дан оторвались от широких масс и выродились в своеобразную военную группировку, которая была всецело поглощена своими внутренними делами. Между тем, никакая революционная партия, желающая опираться на широкие массы, не может игнорировать задач организации этих масс, просвещения их и объяснения им задач и целей своей борьбы.

Основной лозунг борьбы «Союзной Лиги» в свое время был свержение династии маньчжуров и утверждение республики. Этот лозунг был понятен широким массам, и тогда эти революционные организации пользовались широкой известностью и популярностью в массах. Но с того момента, как республика оказалась формально существующей, нужно было выдвинуть новые лозунги, которые были бы понятны широким массам. К сожалению, Го-мин-дан этого не сделала. Идеи же Сунь-Ят-Сена были слишком отвлеченны, и для того, чтобы сделать их понятными широким массам, их нужно конкретизировать и заострить в большей агитационно-пропагандистской работе.

Но беда Го-мин-дан заключалась в том, что она почти совсем не вела подобной широкой пропаганды. Еще кое-что в этом отношении делалось на юге Китая, главным образом, в г. Кантоне и провинции Гуан-дун, где очень часто выступал сам Сунь-Ят-Сен. Но зато в других провинциях партия Го-мин-дан не только не пользовалась влиянием, но очень часто почти организационно не существовала. Между тем, политическая обстановка в Китае осложнялась. На политическую арену выходили новые социальные силы. Достаточно указать на рабочее движение в Китае, на юношеское социалистическое движение, чтобы сделать вывод, что на политической арене Китая сейчас действуют не одни только милитаристы, и что не в одну только сторону этих милитаристов должно было быть устремлено внимание революционной партии, которая ставила перед собою задачи социальной реформации Китая.

Достаточно сказать, что Китайская Коммунистическая партия, складывающаяся в последние годы, выросла из юношеского и рабочего движения, и что на всекитайском съезде профсоюзов, происходившем в 1922 г. в Кантоне, го-

минданцы должны были убедиться, что они постепенно утрачивают влияние даже в профсоюзах г. Кантона.

Критика Го-мин-дан Китайской Коммунистической партией дала возможность Сунь-Ят-Сену получить ряд серьезных указаний и советов, которые исходили от нарождающейся в Китае массовой рабочей организации, которая впитывала в себя опыт многих китайских рабочих организаций и поэтому была довольно авторитетным советчиком для Сунь-Ят-Сена. Идея единого фронта и желание сочетать задачи национальной борьбы с задачами классовой пролетарской борьбы, не могли, конечно, не найти отклика у Сунь-Ят-Сена, который, видя рост китайского рабочего движения, не мог не учитывать необходимости для Го-мин-дан слиться с этим движением.

До сих пор социальный состав Го-мин-дан был очень пестрый. В нее входили самые разнообразные элементы, начиная от солдат и рабочих и кончая мандарином и кантонским купцом. Это была в полном смысле слова внеклассовая партия, которая на первый план выдвигала задачи гражданской борьбы с севером Китая. При чем, каждый член партии Го-мин-дан по-своему объяснял задачи этой борьбы в соответствии с интересами своей группы или класса, к которому он принадлежал.

Отсюда естественной была задача Го-мин-дан упорядочить членство своей организации и разобраться в той политической действительности современного Китая, применительно к которой должна быть введена интерпретация всей программы Го-мин-дан и выдвижение очередных лозунгов борьбы, понятных широким народным массам Китая.

Эта задача была поставлена перед конгрессом Го-мин-дан, состоявшимся в Кантоне в январе 1924 года. Этот съезд открывает новую страницу в истории Го-мин-дан. Здесь впервые поставлены кардинальнейшие вопросы будущего Китая, а именно намечена линия борьбы с мировым капиталом, борьбы за свободный Китай, против его опеки мировым капиталом. Это, конечно, фокус международной политики современного революционного Китая. Этот лозунг, безусловно, будет понятен широким массам, которые его примут и будут во имя его бороться.

Другие лозунги, в роде задач демократизации Китая и

борьбы с китайским милитаризмом, будут ориентировочными вехами для Го-мин-дан и будут постепенно разворачиваться на фоне широкого национально-революционного движения во имя борьбы с мировым империализмом.

Как оценивает современное международное и внутреннее положение Китая Го-мин-дан,—можно видеть из манифеста, с которым обратился новый Центральный Комитет Го-мин-дан 20-го января 1924 года. В этом манифесте он пишет:

«Революционное движение Китая, начавшись после китайско-японской войны, приняло более бурный характер в 1901 году и закончилось победой над абсолютизмом в 1911 году. Революция возникла не сразу. Уже с того момента, когда маньчжуры победили Китай, угнетение народа другим народом вызывало у китайцев недовольство. После того, как Китаю навязали сношения с мировыми державами, последние сразу же повели агрессивную политику; с тех пор Китай постоянно подвергался всевозможным угнетениям, военным грабёжам, экономической эксплуатации и лишению своей национальной независимости, будучи доведен до степени полукolonии. При этом, маньчжурское правительство оказалось не только совершенно неспособным противиться империалистическому влиянию и хозяйничанью в Китае, но его собственная политика «владычества над рабами», являясь политикой прислужничества империализму, становилось все сильнее и сильнее в отношении китайского народа. Мы, кучка революционеров, во главе с Сунь-Ят-Сеном, зная, что преобразование Китая было невозможно до тех пор, пока существовало маньчжурское правительство, тогда же поднялись, как авангард народа, и боролись вплоть до 1911 года, когда, наконец, маньчжурское правительство было свергнуто.

Революция 1911 года выявила тенденцию перехода от деспотического господства одного народа над другим к объединению народов Китая на началах равенства, перехода от политической феодальной системы к демократическому строю и от ручного труда и ремесленного хозяйства к капиталистическому производству в условиях независимого государства.

Мы поэтому вскоре поняли, что цель революции не ограничивается одним свержением маньчжуров, но заклю-

чалась в том, чтобы после их свержения начать экономическое и политическое преобразование Китая.

Однако, революция не завершилась победой. Революционное правительство, выражавшее национально-освободительное стремление китайского народа, вынуждено было пойти на компромисс с контр-революционным классом феодалов, а стало-быть, на компромисс с империализмом. В этом компромиссе кроются причины первого провала революции. Несмотря на то, что Юань-Ши-Кай находился в неблагоприятных условиях, революция не победила. Она не победила потому, что не имела революционной, дисциплинированной, знающей цели и задачи своей партии, которая воспользовалась бы слабостью Юань-Ши-Кая и его реакционной клики. Наоборот, революция пошла на службу Юань-Ши-Кая, вручив власть организатору военной партии Бэй-ян, объединившей всех феодалов—контр-революционных генералов, прислужников то одной, то другой империалистической державы.

После неудавшейся попытки Юань-Ши-Кая восстановить монархию, власть еще на одно историческое мгновение перешла к демократическим элементам, но и на этот раз, благодаря отсутствию организованной, дисциплинированной национальной партии с ясно выраженной программой, базирующейся на угнетенных массах китайского народа, революция снова потерпела поражение.

Поражение революции имело своим последствием усиление режима реакции милитаристов и усиление гнета мирового империализма над Китаем. Так-называемая республиканская власть попала в руки милитаристов, которые, в условиях полу-феодального хозяйства, использовали ее попрежнему для объединения своих действий с мировыми империалистами, вступившими с ними в соглашение о займах на военные нужды и на разорение страны.

Империалистические государства использовали возможность размещения своих капиталов в Китае, усиливая, благодаря системе финансового закабаления, свои «сферы влияния», специальные права и привилегии.

Продолжение гражданской войны в Китае было и остается отражением враждующих интересов мирового империализма в Китае. Вследствие этой гражданской войны развитие ки-

тайской промышленности задержалось, не будучи в состоянии выдержать конкуренции с иностранным капиталом, заполнявшим китайский рынок продуктами своего производства в ущерб национальному хозяйству. Поражение революции и гражданская война сказались особенно катастрофически на положении средних промежуточных классов, рабочих и крестьян: владельцы мелких предприятий лишались собственности, ремесленники пополняли собой ряды армии безработных, крестьяне продавали за бесценок свою землю, не будучи в состоянии вести свое хозяйство при непрерывном вздорожании жизни и непомерных военных палобах. Это, в свою очередь, отражалось губительно на национальном хозяйстве и промышленности.

В настоящее время положение не только не улучшилось, но значительно ухудшилось. Хозяиничанье милитаристов и империалистов растет с неослабной и безудержной энергией и силой, разоряя страну и повергая ее все глубже в состояние полукolonии.

Где выход из этого плачевного положения, в котором сейчас находится Китай? На этот вопрос существует много ответов в виде предложений, (сделанных различными партиями, группами и лицами как китайского, так и иностранного происхождения.

Даст ли хотя бы одно из них действительный выход из положения?

1. Китайские конституционалисты.

Конституционалисты полагают, что главная беда Китая заключается в отсутствии «правового порядка». Если у Китая будет конституция, то при ее помощи можно будет объединить Китай и положить конец всем несчастьям.

Они не понимают, что конституция имеет силу только в том случае, если она опирается на народные массы. В противном случае она остается на бумаге и не обеспечивает народ от действительной власти милитаристов. Уже с первого года республики мы имеем «Временную Конституцию», но пока у власти будут представители отживающего, но все еще цепляющегося за власть военного феодализма, всякая конституция—пустой звук. Теперешняя конституция,

данная самим Цао-Кунем при помощи подкупленных выборов, является только нарядом цаокуневского правительства. Все, что ни делает сейчас цаокуневское правительство, не имеет ничего общего с его же собственной «конституцией». Народ, если он не представляет собой организованной силы, не может в конституции найти защиту своих прав. Конституционалисты высказывают благие желания иметь демократическую конституцию, но у них нет ни средств, ни организации, ни желания бороться за действительную конституцию, возможную только в условиях полной победы народных масс над милитаристами, прислужниками мирового империализма.

II. Федералисты и автономисты.

Эти люди думают, что весь беспорядок, в стране вызывается тем, что центральное правительство имеет слишком большую власть. Они полагают, что нужно взять из рук центрального правительства часть власти и отдать ее провинциям. Когда будет установлена автономная система для провинций и уменьшена власть центрального правительства, тогда, по их мнению, последнее уже не сможет «делать зла».

Но эти люди забывают, что власть теперешнего центрального правительства вовсе не была дана ему народом, а была захвачена самими милитаристами насильственным путем. Дело сейчас обстоит так: крупные милитаристы держат в своих руках центральное правительство и, пользуясь им, увеличивают свои силы. По мнению же автономистов, мы не должны разбивать этих крупных милитаристов центрального правительства, но, воспользовавшись мелкими милитаристами в провинциях, ослабить этим путем центральное правительство. Как это нелепо! И это называется автономией?

Такая борьба с центральным правительством, в сущности, вовсе не есть борьба за автономию, это есть борьба малых милитаристов с большими из-за права эксплуатации народа. Настоящая автономия, особенно в условиях китайской действительности, автономия, необходимая и вполне соответствующая духу и потребностям нашего народа, возможна только в условиях национальной самостоятельности объединенного Китая. Смешно говорить о свободе части, когда

целое не свободно. Поэтому борьба за автономию не отделима от борьбы всего Китая против своего полуколониального положения за свою национальную независимость. Только свободный и объединенный Китай может сделать свободными и провинции. Экономические, социальные и политические вопросы внутри провинции, равно как и провинциальная автономия, не могут быть разрешены иначе, как в общенациональном масштабе.

III. Сторонники „объединения Китая посредством мирных конференций“.

Китай уже давно страдает от гражданских войн. Поэтому возникли предложения «мирных конференций» между борющимися сторонами. Такие предложения неоднократно были делаемы как китайцами, так и иностранцами. Мирная конференция означает, прежде всего, перемирие всех реальных сил Китая. Такое перемирие, если бы оно даже и было возможно, не может, в виду противоречивых интересов борющихся милитаристических и всяких иных групп, привести к миру и объединению страны. Кроме того, объединение военных кланов не означает национального объединения. Результат подобных мирных конференций не может отличаться от результатов мирных конференций после империалистической войны. Империалистические группы стоят на пути объединения европейских стран, те же препятствия стоят на пути объединения Китая.

Что касается вопроса о создании равновесия или «статус-кво» между воюющими группами, то это—чистейшая утопия, ибо: 1) самая логика вещей заставляет одних милитаристов нападать на других, 2) нельзя держать наемную армию, не удовлетворив ее нужд, а чтобы удовлетворить ее нужды, нужно грабить. Грабежом же всегда легче заниматься в соседних провинциях.

IV. Деловое правительство.

Выступающие с предложением создать деловое правительство под опекой империалистов думают, что только империалисты и бюрократы испортили положение в стране, а бур-

жуазия спасет страну. Но теперешнее милитаристское правительство не находится под опекой иностранцев, но тем самым оно вызывает всеобщую вражду народа по отношению к себе. Это показывает, что если «деловое правительство» из буржуазии будет находиться под той же опекой, то оно неизбежно разделит ту же участь, что и милитаристы. Не высказываясь против делового правительства, мы, тем не менее, требуем, чтобы народ сам организовал свое правительство, действующее в интересах народных масс и базирующееся не на иностранных державах, а на собственном народе.

Таким образом, мы видим, что все сделанные предложения, рассчитанные, будто бы, на спасение Китая от окончательного развала, на самом деле не что иное, как пустая болтовня или злостная насмешка над нашим пострадавшим народом.

Не меньший интерес представляет та часть манифеста Го-мин-дан, которая посвящена новой интерпретации принципов Сунь-Ят-Сена (национализм, демократизм и социализм). Сравнивая данную сейчас съездом формулировку этих принципов с приведенными нами выше речами Сунь-Ят-Сена, мы отмечаем не только большие сдвиги, но и, несомненно, более правильную теоретическую постановку вопросов применительно к политической обстановке современного Китая.

«Принципы Го-мин-дан, провозглашаемые доктором Сунь-Ят-Сеном и легшие в основу нашей программы, являются единственными принципами, которые могут помочь Китаю выйти из его теперешнего положения. Конгресс заявляет, что эти принципы будут положены в основу и всей дальнейшей деятельности Го-мин-дан.

Настоящая реорганизация партии имеет своей целью поднятие боеспособности партии в предстоящей борьбе за осуществление этих принципов; потому партия будет обращать особенное внимание на свою организованность и дисциплинированность.

Конгресс с радостью принимает нижеследующую интерпретацию этих принципов, вытекающую из речи доктора Сунь-Ят-Сена от 25/XI и его доклада о настоящем положении Китая и реорганизации Го-мин-дана.

1. Национализм. Национализм Го-мин-дана имеет двойное значение: 1) борьба за освобождение самого китайского

народа, 2) полное равенство между всеми национальностями Китая.

Первая сторона национализма заключается в борьбе за освобождение и независимость китайского народа. До революции 1911 г. внутри Китая господствовали над китайцами одни маньчжуры, а извне нас угнетал международный империализм. Поэтому националистическое движение тогда являлось борьбой против деспотизма маньчжуров, с одной стороны, и борьбой против «международного раздела Китая» — с другой. После революции 1911 г. маньчжурское господство было свергнуто народом, но империалистическое «железное кольцо», которое повседневно душит Китай, осталось в старом виде. Только «международный раздел» превращался в «международный контроль», иначе говоря, империалисты от военных захватов переходили к экономической эксплуатации, что одно и то же. Результат военных захватов и экономической эксплуатации привел китайский народ к потере своей независимости и самостоятельности. Кроме того, туземные милитаристы, связанные с империализмом, и национальная буржуазия, стремящаяся поделить с ним добычу эксплуатации, с каждым днем все больше нарушают политическую и экономическую устойчивость китайского народа. Го-мин-дан не может не продолжать бороться всеми силами за освобождение китайского народа от двоякого гнета, опираясь на широкие массы крестьян, рабочих, интеллигенции и среднего торгового класса. Национализм для каждого из этих слоев означает уничтожение гнета иностранного империализма. Если для торгово-промышленных слоев национализм означает избавление от иностранного экономического гнета, исключающего возможность развития национального хозяйства, то для трудовых слоев национализм означает избавление и от ставленников империализма, милитаристов и капиталистов, как иностранных, так и национальных, хищнически эксплуатирующих их жизненные интересы. Вся задача борьбы за национальное освобождение для широких народных масс заключается в антиимпериализме.

Партия Го-мин-дан покажет на деле, что там, где империализм в результате национальной борьбы ослаблен, массы получают возможность лучшего развития и укрепления своих организаций для дальнейшей борьбы. Го-мин-дан дока-

жет, что принцип национализма воплощает в себе понятие здорового антиимпериалистического движения, для этого он и должен всеми силами поддерживать организации народных масс, этим самым развязывая национальную энергию. И только в глубокой связи Го-мин-дана с массами Китая—залог достижения действительной национальной независимости страны.

Вторая сторона национализма. До революции 1911 г. маньчжуры одни господствовали в Китае, но после, когда маньчжуры уже были свергнуты, казалось бы, объединение всех национальностей Китая на началах равенства должно было претвориться в жизнь. К несчастью, правительство Китая попало в руки милитаристов, наследия деспотизма. Китайский империализм старого времени неизбежно возрождается вновь,—отсюда постоянные стеснения и столкновения между разными национальностями Китая. Национальные меньшинства сомневаются даже в искренности Го-мин-дана, когда последний заявляет свой принцип—национализм. Поэтому для успеха борьбы национального движения Го-мин-дан должен добиваться дружеского взаимопонимания с национальными меньшинствами, постоянно указывая им на общность их интересов с китайским национально-революционным движением.

Го-мин-дан находится в периоде собирания своих сил, в периоде пропаганды и агитации за свои принципы, но по мере успешного развертывания революционного движения внутри Китая Го-мин-дан постепенно приступит к организационным связям с национальными меньшинствами и к конкретному решению национального вопроса. Го-мин-дан открыто заявляет, что он признает право на самоопределение народностей, населяющих Китай, и что после победоносной революции в Китае против иностранного империализма и отечественного милитаризма он готов образовать (свободно объединенную) свободную и единую Китайскую республику.

II. Демократизм. Демократизм Го-мин-дана вытекает из принципов доктора Сунь-Ят-Сена. Кроме «посредственной народной власти», мы проводим еще «прямую народную власть», т.-е. всякий гражданин имеет не только избирательное право, но и право на инициативу, отзыв правительственных лиц.

Конституция, реализующая демократию, должна установить по принципу доктора Сунь-Ят-Сена, т.-е. разделения власти на пять прав: законодательное, судебное, исполнительное, цензурное и экзаменационное.

Такой демократический строй не страдает от обыкновенных слабостей парламентаризма и выборных начал. В условиях современного общества так-называемый демократизм выражается в систему и аппарат угнетения народных масс буржуазией. А демократизм Го-мин-дана—это народовластие всего народа, а не только меньшинства. Демократизм Го-мин-дана рассматривается не с точки зрения «врожденных прав человека» вообще, но как принцип, соответствующий революционной потребности в данное время в Китае. Власть принадлежит только гражданам республики, и очевидно, что нельзя давать власть противникам революции. Точнее говоря, в то время как всеми правами и свободами должны широко пользоваться те элементы населения и те организации, которые стоят на платформе действительной борьбы против империализма, эти свободы ни в коем случае не распространяются на те элементы и организации в Китае, которые способствуют иностранным империалистам или их ставленникам—китайским империалистам.

III. Социализм. Социализм Го-мин-дана, главным образом, заключается в следующих двух принципах: 1) равноправие в пользовании землей, 2) разграничение капитала.

Так как экономическое неравенство вызывается тем, что только меньшинство народа обладает землей, то государство должно издавать земельный закон, закон о пользовании землей и закон о налоге на землю, цена которой определяется самими владельцами. Частные собственники должны регистрировать у правительства цены на свою землю. По ими же установленным ценам на землю государство взимает налог, а в случае надобности покупает их землю по этим же ценам, что остановит владельцев от неправильных указаний цен на землю. При этом Го-мин-дан заявляет крестьянам, что так как Китай—страна земледельческая, где крестьянство страдает больше всех других классов, Го-мин-дан требует, чтобы безземельные крестьяне и арендаторы получили от государства землю и средства для ведения своего хозяйства. Для этого государство должно создать земельный фонд из

земель, принадлежащих крупным землевладельцам, а также тем землевладельцам, которые не работают на земле, а занимаются отчасти торговлей, отчасти являются служилым элементом в государстве и обирают крестьянство как путем взимания денежной ренты, так и натурой. Государство также должно оказать помощь крестьянству в вопросах орошения, переселения из густо заселенных мест в менее заселенные, культивирования диких земель и т. д.

Бедное крестьянство часто занимает деньги у кулаков по высоким процентам, а потом всю свою жизнь не может откупиться от своих долгов. Государство должно создать особые учреждения, напр., земельные (крестьянские) банки для оказания помощи таким крестьянам, дабы поднять их благосостояние и дать им возможность жить, как человеку и гражданину.

Что касается рабочих, то Го-мин-дан заявляет, что экономическое положение китайских рабочих не обеспечено; Го-мин-дан требует, чтобы государство помогало безработным, издавало рабочее законодательство с целью улучшения положения рабочих.

Наконец, Го-мин-дан требует учреждения охраны старости, материнства, младенчества и инвалидов, введения всеобщего воспитания и образования,—одним словом, все те мероприятия, которые связаны с благоустройством народа, должны проводиться в жизнь. Все это—дело государственного социализма.

В области промышленности все те предприятия, которые или по своему характеру монополизируют всю отрасль данной промышленности туземной или иностранной, или же по своему размеру слишком крупны, чтобы ими управляли частные предприниматели, напр., банки, железные дороги, водные пути сообщения и т. д., должны находиться в распоряжении государства. При осуществлении этих двух принципов государственный социализм даст базу для дальнейшего развития Китая.

Начиная с севера Китая и до самого юга, с крупных портов и до самых глухих местностей, интересы беднейших крестьян и рабочих одинаковы и стремление их к освобождению равно сильно. Только при участии крестьян и рабочих национальная революция может победить. Это несомненно. Го-

мин-дан оказывает помощь рабоче-крестьянскому движению стремится развивать его и поддерживает экономические организации рабочих и крестьян, все больше вовлекая их в национально-революционное движение.

С другой стороны, Го-мин-дан предлагает крестьянам и рабочим вступить в Го-мин-дан, чтобы вместе бороться и ускорить процесс национальной революции. Так как Го-мин-дан борется против империализма и милитаристов, против тех привилегированных классов, которые угнетают рабочих и крестьян, то это значит, что он в то же время борется за освобождение рабочих и крестьян. Это значит, что Го-мин-дан, ведя борьбу именно за интересы рабочих и крестьян, тем самым показывает, что их интересы и интересы партии вполне совпадают.

Наконец, нельзя обойти молчанием принятую съездом Го-мин-дана резолюцию о партийной дисциплине, которая представляет огромный интерес в том отношении, что здесь проводится мысль о демократическом централизме. Вот эта резолюция.

«Съезд заявляет, что одной из кардинальных задач в реорганизации Го-мин-дана является строжайшее проведение партийной дисциплины всех его членов.

Съезд с удовлетворением констатирует факт существования в партии целого ряда товарищей, беззаветно и бескорыстно преданных основателю и вождю Го-мин-дана и тому великому делу, которому они служат и во имя которого они готовы на всякие самопожертвования.

Съезд глубоко чтит память тех великих гоминданцев, которые погибли за дело народа, показав яркий пример партийной дисциплины.

Съезд, однако, находит, что партия, стремящаяся для осуществления своих национально-революционных целей стать широкой массовой партией, не может базироваться исключительно на самодисциплине и преданности отдельных товарищей. В такой партии всеобщая и обязательная дисциплина, вытекающая из самого характера организационного аппарата, является первым и основным условием для победы.

В основу организации Го-мин-дана съезд кладет принцип

демократического централизма. Это значит, что каждый член партии имеет свои права и обязанности. Его права заключаются в том, что он участвует в разрешении не только вопросов внутрипартийной жизни, но и вопросов, определяющих всю политику, всю линию поведения партии, и избирает соответствующие органы, органы руководства всей деятельностью партии. Такое участие всех членов партии в обсуждениях, решениях и выборах руководящих органов дает лучшее обеспечение проведению по всей линии партии принципа демократизма.

Там, где кончаются дискуссии и решения, принятые руководящими органами партии, начинаются обязанности всех членов в отношении проведения в жизнь этих решений и подчинения руководству партии. В этом заключается смысл партийного централизма.

Без демократического централизма, определяющего права и обязанности всех членов, партия, претендующая на завоевание государственной власти в целях осуществления национально-революционной программы, заранее обречена на полное поражение. Такая партия достойна названия клуба анархистов, а не партии авангарда народных масс, в борьбе за их освобождение, за освобождение нации.

Съезд находит, что там, где партия Го-мин-дан не стоит у власти, она, в отличие от государства, не обладает физически средствами принуждения своих членов к подчинению ими же созданным законам, она не обладает ни полицией, ни армией, при помощи которых государство заставляет своих граждан подчиняться его законам, хотя последние применяются только в интересах господствующего класса. Единственное средство в руках партии, не стоящей у власти, добиться дисциплины своих членов—это моральное на них воздействие или меры дисциплинарного характера, согласно конституции партии.

Съезд далее находит, что там, где Го-мин-дан у власти, как, например, в Гуан-дуне, дисциплинарные меры не должны ограничиваться одним только моральным воздействием на нарушающих партийную дисциплину членов. В местах, где партия стоит у власти, ответственность ее членов за свои поступки во много раз больше и серьезнее. Там партийная дисциплина приобретает сугубое значение. Вот почему на-

рушение дисциплины в данном случае должно повлечь за собой и более серьезные последствия. В целях борьбы с партийной анархией и в целях сохранения боеспособности и эффективного, действительного, руководства партии в условиях гражданской войны, съезд подчеркивает необходимость, кроме морального воздействия, мер принудительного характера, как-то: перемещения или смещения со службы, временно или окончательно, выселения с территории, управляемой Го-мин-даном, и всяких других мер, которые, по предложению ревизионной комиссии и решению ЦК, будут найдены необходимыми. При этом подвергающиеся дисциплинарным мерам партии могут обжаловать решение ЦК перед съездом партии.

Принятие членами партии конституции, определяющей характер партийной дисциплины, равносильно принятию солдатом присяги на верность своему делу и нарушение этой конституции равносильно нарушению присяги со всеми вытекающими отсюда последствиями. Придавая серьезное значение вопросу о партийной дисциплине, съезд заявляет, что партия будет вести беспощадную борьбу со всеми ее нарушениями, равно как со всякими поступками членов партии, — поступками, противоречащими духу и морали партии Го-мин-дана».

* * *

Трудно пока судить, в какой мере Го-мин-дан справится с реализацией поставленных перед собою задач. Особенно, если принять во внимание пестрый состав ее настоящих членов, на что мы выше уже указывали. Ибо приведенный нами манифест Го-мин-дана в значительной своей части свидетельствует о стремлении партии отождествить свои интересы с интересами китайских рабочих и крестьян, что дает классовый уклон, что вряд ли будет приемлемо для правого крыла Го-мин-дан, которое очень тесно срослось с китайской торговой и земледельческой буржуазией.

Весьма вероятно, что новые задачи, декларированные Го-мин-дан, поведут в недалеком будущем к расслоению внутри последней и отходу тех, кто до сих пор был попутчиком Сунь-Ят-Сена. Смутит ли это последнего? Думается, что нет. За это говорит недавний опыт борьбы Сунь-Ят-Сена с ген.

Чен-Цзю-Мином, который как-раз представляет собою крайнее правое крыло Го-мин-дана, ориентирующееся на соглашение с северными милитаристами и чужающееся революционных идей Сунь-Ят-Сена.

Го-мин-дан встал сейчас на новый путь, который обещает ему могучих союзников в лице китайских рабочих и крестьян. Надо полагать, здоровый революционный инстинкт отца китайской революции Сунь-Ят-Сена не даст ему свернуть с верной дороги, на которую он и руководимая им партия Го-мин-дан сейчас встали.

Задачи китайской революции.

Капиталистическое развитие Китая принесло с собою не только довольно сильное развитие рабочего движения в Китае, но и привело сейчас к образованию Китайской Коммунистической партии.

В последние годы в Китае существовало довольно много интеллигентских кружков, которые, наряду с идеями национального освобождения Китая, интересовались также и социалистическими идеями, заимствованными из Европы. Эти кружки китайской интеллигенции изучали разные социалистические системы, переводили на китайский язык социалистическую литературу и этим замыкали круг своего интереса к социализму.

Рост капиталистического развития Китая, который выдвинул на видное место фабрику и завод с тысячами китайских рабочих, не только поставил на очередь вопросы политической экономии, изучать которые жадно бросилась китайская интеллигенция, но и привел последнюю к вопросам рабочего движения, а отсюда оставался один шаг до научного социализма—марксизма.

Сейчас марксизм приобрел большее влияние на умы китайской интеллигенции, которая жадно бросилась изучать труды К. Маркса и К. Каутского. Появились переводы марксистских книг. Образовался целый ряд марксистских кружков. В китайской литературе и журналистике марксизм тоже начинал находить свое выражение в ряде статей, которые пытались осмыслить китайскую действительность под мар-

ксистским углом зрения. Однако, и это движение оставалось долгое время исключительно интеллигентским и кружковым, замкнувшись преимущественно в стенах кабинетов китайской интеллигенции и аудиториях некоторых высших китайских учебных заведений.

Мировая война в ее последствиях для Китая всколыхнула китайскую интеллигенцию, и она в порыве национального возмущения против наглости международного империализма вышла в 1919 году на улицу с лозунгами, направленными против иностранного капитала в Китае. Вопрос стоял о раскрепощении Китая от империалистической опеки.

Началась борьба. Однако, задача, поставленная китайской интеллигенцией и, главным образом, ее молодой частью—студенчеством, была слишком большой, чтобы оказаться под силу только китайской интеллигенции. Да к тому же последняя в своей массе после ряда бурных массовых выступлений начала выдыхаться и отходить в сторону от непосредственной борьбы.

Наиболее активной части интеллигенции пришлось призадуматься над дальнейшими путями освободительного движения в Китае. И вот здесь-то и начинается момент поворотного устремления китайской интеллигенции к рабочему движению. Этот момент относится к 1920 году. Видя на примере русской пролетарской революции, какое значение имеет организованный рабочий класс, лучшая часть китайской марксистской интеллигенции с жадностью набрасывается на изучение опыта русской революции и на установление тесных связей с китайскими рабочими.

С 1920 года начинается усиленная тяга китайской молодежи в Советскую Россию, где она лихорадочно учится и затем спешит обратно в Китай на работу. В самом Китае начинается процесс организации коммунистических ячеек, которые, в противоположность прежним кружкам, ставят себе задачи практического действия. Они участвуют в профессиональном строительстве, они собирают учащуюся молодежь в кружки для изучения марксизма, кладя этим основу широкого движения социалистической молодежи. Наконец, они не только переводят коммунистическую литературу, но и сами откликаются на политические злобы дня прокламациями и летучками.

Между тем, профессиональное движение среди китайских рабочих делает успехи. Возникают десятки профессиональных союзов, охватывающих десятки тысяч китайских рабочих. Начинается большая экономическая борьба, направленная к сокращению непомерно долгого рабочего дня китайского рабочего и повышению его заработной платы. И чем больше разрастается рабочее движение, тем с все большей настойчивостью перед местными организациями китайских коммунистов встает необходимость принять непосредственное участие в руководстве этой борьбой китайских рабочих за улучшение их положения. Это же, в свою очередь, толкает к консолидации сил китайских коммунистов. В 1921 году, происходит первая конференция китайских коммунистических организаций, которая и кладет основание к выступлению китайских коммунистов на политическую арену в качестве партии.

Однако, 1921 год еще уходит на процесс собирания сил. Много внимания у китайских коммунистов продолжает отнимать профессиональное движение, а также организация «Союза социалистической молодежи Китая», который является как бы застрельщиком коммунистической партии Китая.

Но вот начинается вспышка гражданской войны между двумя крупнейшими милитаристическими группировками Китая—Фынтяном и Чжили, т.-е., иными словами, между Чжан-Цзо-Лином и У-Пей-Фу. В эту борьбу втягивается и южный Китай, который, в лице своего президента Сунь-Ят-Сена, входит в соглашение с Чжан-Цзо-Лином и пытается поставить ставку на расширение власти кантоновского правительства до Ханькоу, а затем и до Пекина.

Однако, несмотря на сложные расчеты Чжан-Цзо-Лина и Сунь-Ят-Сена, оба они терпят поражение. Первый—от непосредственного удара войск У-Пей-Фу, под стенами Пекина; второй—от морально-невыгодного впечатления, которое получилось от попытки его соглашения с Чжан-Цзо-Лином. Победителем оказывается У-Пей-Фу, который декларирует созыв так-называемого «Старого парламента» и вместо президента Сюй-Ши-Чана восстанавливает в правах экспрезидента Ли-Юань-Хуна, которого позднее заменяет Цао-Кунь.

Но Юге против Сунь-Ят-Сена выступает его ближайший

соратник ген. Чен-Цзю-Мин, который временно изгоняет Сунь-Ят-Сена из Кантона.

Этот момент необычайной политической встряски застает Китайскую Коммунистическую партию в стадии пересмотра ее программы и тактики. Она заканчивает собрание своих наличных сил, проводит в мае месяце 1922 года в Кантоне два съезда: съезд профсоюзов и съезд социалистической молодежи Китая. Этим она окончательно укрепляет свои позиции и выступает на политическую арену, как политическая сила, заявляющая свои права на руководство рабочим движением в Китае.

Для китайских коммунистов встает вопрос о путях, которые должны быть ими определены для себя в отношении к политической борьбе сегодняшнего дня. На очередь встанут вопросы: об отношении к милитаристам, об отношении к парламентской трибуне и т. д. Уже на съезде профсоюзов, происходившем в Кантоне, Китайской Коммунистической партии приходится поставить вопрос о тактическом соглашении с партией Го-мин-дан, которая, являясь демократическо-революционной партией, имела господствующее влияние среди трудящихся юга Китая. Кроме того, являясь вместе с тем единственной правильно организованной партией, она представляла прогрессивную силу для освободительного движения Китая. Именно это и заставило китайских коммунистов поставить вопрос об «едином фронте» с партией Го-мин-дан. Политическая обстановка заставила китайских коммунистов выработать программу, которая могла бы объединить вокруг себя широкие трудовые массы Китая. Такая программа родилась в виде «Декларации Китайской Коммунистической партии», которая была опубликована Центральным Комитетом Китайской Коммунистической партии 10 июня 1922 г. и которую мы помещаем ниже.

Декларация эта интересна тем, что она впервые не только дает анализ происходящей в Китае гражданской борьбы, оценку отдельных группировок и партий, но и намечает, так сказать, программу-минимум Китайской Коммунистической партии. Несомненно, этот манифест является важнейшим моментом в истории китайского рабочего движения, которое не только организационно твердо стало на ноги, но и сделало попытку самостоятельно формулировать свою политичес-

скую программу. Интересна эта декларация китайских коммунистов еще и потому, что в ней впервые дается оценка партии Го-мин-дан, как партии китайской революции.

Вот как оценивает современное политическое положение Китая Китайская Коммунистическая партия.

«В течение тысячелетий Китай находился в условиях феодального хозяйства. Базой китайской экономики являлось земледелие. Отсюда—общественная распыленность Китая с отсутствием организующих сил. Отсюда—отсутствие интереса к политической жизни страны. Лишь во второй половине XIX столетия развитие мирового капиталистического производства поставило вопрос перед капиталистическими правительствами об использовании необъятного Китая в качестве рынка. Китай, ранее недоступный для постороннего влияния на протяжении тысячелетий, оказался под опекой капиталистических государств. В период утверждения захватнических стремлений капиталистических государств в Китае трудящиеся массы его попытались оказать сопротивление завоевателям. После расправы над народным восстанием Китай в еще большей мере стал испытывать гнет иностранного работорговца, обнаруживая в то же время продажность и порочность своих правящих классов.

В процессе борьбы китайские народные массы усваивали истину, что защита страны от иностранного порабощения невозможна без репрессивной перемены всей политической системы. Одним из проявлений пробудившегося самосознания Китая в свое время явилась борьба за конституционную монархию, борьба, возглавлявшаяся Кан-Ю-Всем. Самым же значительным событием в эпохе борьбы со старым строем является революция 1911 года, открывшая народным массам возможность непосредственного участия в политическом переустройстве страны. В условиях политического и экономического гнета иностранных государств над Китаем политическое развитие и нарастание силы к организации народных масс в Китае должно было перешагнуть через этапы малых реформ, с целью исправления и улучшения государственного управления и подойти к революции, выбросившей лозунги и требования демократической власти. Революция сбросила традиционную монархию в Китае, насчитывав-

шую тысячелетия своего существования, открывая собою новую эру в политической истории Китая.

Революция 1911 года имела две исторических задачи: во-первых, свержение маньчжурской династии и, во-вторых, освобождение Китая от иностранного гнета, с превращением его в независимое государство. Во втором своем значении революция 1911 года имела своей задачей в рамках расовой и национальной независимости создание условий, благоприятных для развития промышленности в Китае. Революция 1911 года выявила тенденцию перехода от политической системы феодализма к демократическому строю, от ручного труда и ремесленного хозяйства—к капиталистическому производству.

Революция в Китае—в определенных условиях исторической среды—не завершилась победой. Демократическая партия, выражавшая требования либерального общества, пошла на компромисс с контр-революционным классом феодалов. Первый провал демократической партии заключался в соглашательстве с Юань-Ши-Каем, несмотря на то, что с вынужденной отставкой династии, в исключительно-неблагоприятных финансовых условиях, положение главы реакционных классов было чрезвычайно тяжелым. Лидеры революционного правительства отдали приказ войскам революции расквартироваться в Нанкине, вместо того, чтобы отдать приказ о переходе реки Ян-цзы, для дальнейшего наступления на северный Китай.

Революционное правительство вручило власть Юань-Ши-Каю, организатору бэй-янской военной партии, объединившей всех феодалов—контр-революционных военных лордов и военных командиров.

После неудавшейся попытки Юань-Ши-Кая к восстановлению монархии в Китае власть еще на одно историческое мгновение перешла к демократической партии, которая не сумела удержать ее в своих руках, вручив ее реакционному Дуань-Ци-Джюю, новому главе бэй-янской военной партии. Соглашательская политика демократической партии во второй раз привела ее к поражению.

В условиях настоящего времени, когда власть находится в реакционных руках Цао-Куня и У-Пей-Фу—нынешних лидеров бэй-янской партии—третье поражение демократи-

ческих элементов страны от политики соглашательства и компромиссов. Демократическая власть в Китае может восторжествовать лишь в процессе революционного захвата власти.

Поражение революции имело своим последствием усиление гнета мирового империализма над Китаем и усиление режима реакции своих милитаристов. Так-называемая республиканская власть находится в руках милитаристов, которые в условиях полуфеодального хозяйства используют ее для объединения своих действий с мировыми империалистами, вступающими с военной кликой Китая в соглашения о займах на их военные нужды, и в интересах государственного самосохранения. Иностранные государства, с своей стороны, используют возможность размещения своих капиталов в Китае, приобретая, благодаря системе финансового закабаления, «сферы влияния» в Китае и специальные права и привилегии.

Что, однако, всего более важно для мировых империалистов,—это поддержание гражданской войны в Китае, которая задерживает развитие Китая, мешает Китаю развить свою собственную промышленность, насыщает китайский рынок фабрикатами собственного производства, а буржуазия Китая мешает использовать страну в интересах отечественной эксплуатации. В данных исторических условиях развитие китайской промышленности задерживается в виду неблагоприятной конкуренции китайского капитала с иностранным капиталом на территории самого Китая, обеспечившего свое господство системой мер экономического давления (тарифная система и др.) в виду гражданской войны, местных беспорядков, грабежа населения чиновниками и всеми видами и формами гнета.

С особенною силою социально-экономические условия в Китае сказываются на положении средних и промежуточных классов. Владельцы маленьких предприятий, лишаются собственности, ремесленники пополняют собою ряды армии безработных, крестьяне продают за бесценок свою землю помещикам, не будучи в состоянии вести свое хозяйство при непрерывном вздорожании жизни...

Эти условия будут оставаться в неизменном виде до тех пор, пока власть будет находиться в руках правительства

феодалов, в руках милитаристов, пока власть не будет вырвана из их рук, пока не будет организовано демократическое правительство.

Демократическое правительство означает правительство демократической партии. Мы имеем в виду создание власти на условиях полной реорганизации всей политической системы управления. В своем основном значении это требование влечет за собою свержение власти реакционных, контр-революционных элементов и групп революционными методами демократической партии и блоком демократических группировок, организующих власть применительно к историческим потребностям своей страны в реальном учете новой международной обстановки.

В результате компромисса, достигнутого между Юань-Ши-Каем, с одной стороны, и Сунь-Ят-Сеном и Сунь-Цзяо-Жанем, с другой стороны (оба эти лица являлись лидерами партии Го-мин-дан), был образован кабинет, состоявший из членов партии Го-мин-дан, возглавлявшейся Чжао-Бин-Цзюнем, ставленником Юань-Ши-Каю в роли премьер-министра. Каковы же последствия деятельности этого, так называемого гоминданского кабинета? Во втором году республики (1913 год) Сунь-Цзяо-Жань хотел организовать кабинет исключительно из членов партии Го-мин-дан, но был убит. Если бы даже Сунь-Цзяо-Жань и не был убит, он подвергся бы той же самой участи, какой подвергалось все движение против Юань-Ши-Каю. Импульсами этого движения было убийство Сун-Цзяо-Жаня и увольнение генерала Ли-Ло-Цзюня (генерала революционных войск, гоминданца, ныне командующего войсками анти-северной экспедиции) из провинции Цзян-си *). Оба эти обстоятельства на деле удостоверяли невозможность коалиции партии Го-мин-дан с Юань-Ши-Каем.

После разгрома партии Го-мин-дан, партия «прогрессистов» «взяла власть», поручив Сюн-Си-Линю организовать кабинет. Ее участие в правительстве лишь дискредитировало партию до последних пределов.

После падения Юань-Ши-Каю борьба против контр-революционного правительства закончилась восстановлением

*) Анти-северная экспедиция Сунь-Ят-Сена 1922 года.

конституции, избранием Ли-Юань-Хуна в президенты, и созывом старого парламента. Все это не сопровождалось, однако, фактическим лишением власти всех сторонников и друзей Юань-Ши-Кая, прочно сидевших на своих местах. Лидеры демократической партии гордились своими победами и самым фактом восстановления республики.

После краха планов Чжан-Сюня по восстановлению маньчжурской династии на троне демократические элементы вошли в правительство вместе с реакционной военщиной, с генералом Фын-Го-Чжаном в роли президента, маршалом Дуань-Ци-Джуем в роли премьер-министра (лидер аньфуистов). Все это именовалось республикой.

То положение, что политическая борьба означает собою не борьбу лиц за власть, а служит проявлением и выражением классовой борьбы: в период революции—социальной борьбы пролетариата против буржуазии, а в период буржуазной революции—борьбы буржуазии против феодалов и системы феодального хозяйства,—должно стать ясным для каждого. Ясным должно быть также и то положение, что ценной является только та свобода, которая приобретается в тяжелой борьбе, ценою человеческой крови в отличие от тех методов борьбы, какими пользуются наши классовые противники. Борьба за демократию—это борьба одного класса, имеющая своею целью свержение господства другого класса, это смена одной системы другою и ни в коем случае не может рассматриваться, как борьба одного лица или одной группы за свержение другого лица или другой группы.

Истинно-демократическая партия должна обладать двумя характерными элементами: 1) ее принципы должны быть в соответствии с понятиями демократии, 2) ее действия должны быть активной борьбой против феодализма в формах военщины. Из всех существующих в Китае политических партий одна только партия Го-мин-дан может быть охарактеризована как революционная партия, впрочем с относительной демократичностью и относительной революционностью. Программа этой партии еще до конца не разработана. Однако, три принципа этой партии «за народ, для народа, через народ» вместе с планами промышленного развития Китая являются отблесками демократизма в партии Го-мин-дан. Помимо участия этой партии в революционной борьбе в роли чле-

нов парламента, партия Го-мин-дан дала ряд других доказательств своего демократизма. Так, кантонское правительство не стесняло рабочего движения, отменило полицейские правила об «общественном порядке и государственной безопасности», отменило закон, лишавший рабочих права стачек. Весьма нередко, однако, действия этой партии внутренне противоречивы. Партия Го-мин-дан выявляет иной раз дружественную тенденцию даже по отношению к... монархистам и склонность к сближению «по тактическим мотивам» с бэй-янской военной кликой. Если Го-мин-дан, как партия, желает играть определенную роль в революционной борьбе за утверждение демократии в Китае, этой партии необходимо отказаться раз и навсегда от своей политики колебаний, компромиссов и вечных зигзагов.

Применительно к положению, создавшемуся ныне, весьма популярно мнение, что созыв старого парламента и восстановление Ли-Юань-Хуна в роли президента являются кардинальными моментами, обеспечивающими решение политических проблем, стоящих перед Китаем. Эта точка зрения не выдерживает критики и находится в резком противоречии с фактами. Где основание к утверждению, что парламент сумеет осуществить свою законную власть при наличии господства феодального типа власти партии Бэй-ян, проводящей идею монопольного военного контроля над правительством, расценивая себя, как «родственников», наследовавших бэй-янской военной клике? Уроки прошлого отчетливо свидетельствуют о том, что Ли-Юань-Хуну в период его президентства (1915—1917 годы) в недавнем прошлом не удалось разрешить ни одной из политических задач, ни проблемы в целом. Где основания к утверждению, что Ли-Юань-Хуну удастся сейчас организовать демократическое правительство, когда при всех неблагоприятных исторических обстоятельствах самый срок полномочий Ли-Юань-Хуна истек? До тех пор, пока военщина будет господствовать в Китае и над Китаем, до тех пор не только не прекратится организованная борьба против демократии, но не прекратится также и борьба между самими милитаристами.

Примеры могут проиллюстрировать эту мысль: война между Фынтян и Чжили (Фынтян—военная партия мукденского сатрапа Чжан-Цзо-Лина, Чжили—военная партия, при

фактическом главе генерале У-Пэй-Фу и номинальном главе Цао-Куне) ни в коем случае, не может рассматриваться как законченная: она возобновится. Если победителем выйдет Чжан-Цзо-Лин, совершенно неизбежно пойдет борьба в рядах фыньтянской партии. Чжан-Цзо-Лин будет воевать против своего же коллеги и «сопартийца»—генерала Сун-Ле-Ченя, нынешнего военного губернатора провинции Гирин, а этот последний, в свою очередь, будет драться с генералом У-Цаюнь-Шенем, нынешним губернатором провинции Хейлудзянь. Если победит чжилийская партия, неизбежны войны между членами этой партии—между У-Пэй-Фу и Цао-Кунем или Фын-Ю-Сяном, нынешним военным губернатором провинции Хэ-нань, известным под именем «христианского генерала». Если победит партия аньфуистов, и ей удастся вырвать власть из рук партии Чжили, неизбежно столкновение между партиями Фыньтянь и аньфуистами. Внутри же самой партии аньфуистов «маленький Сюй», душа партии аньфуистов, японофил, сейчас же после победы над партией Чжан-Цзо-Лина объявит войну своему злейшему генералу Лу-Юань-Сяну, командующему войсками провинции Чжецзянь. Помимо вышеуказанных моментов, обеспечивающих и обуславливающих военные события в Китае, не прекратится борьба за должность дучжюней и командные военные посты в провинциях Шен-си, Ху-нань и в других.

Военщина—причина гражданской войны в Китае. До тех пор, пока военщина существует и господствует, не может идти речь о создании так-называемого «хорошего правительства». Ни одно правительство в Китае в современных условиях не может быть устойчивым и прочным, а жизнь и имущество граждан Китая подвергается разорению с каждой схваткой милитаристов между собою:

Наконец, сторонники «хорошего правительства». С выходом первого номера вашего «Старания» (еженедельный орган либеральной профессуры пекинского национального университета), как только беспомощный и безвластный Сюй-Ши-Чан (пекинский президент, поставленный у власти аньфуистами, ушедший в отставку под давлением У-Пэй-Фу) был изгнан из Пекина, вы сочли возможным удовлетвориться и обратились к Югу с телеграфным предложением прекратить наступление на Север. Этот буржуазный пацифизм, эта оп-

портунистическая политика, эта ломаная линия компромиссов поистине является препятствием к воплощению в жизнь высших собственных лозунгов: «борьба», «старание», «держись против исчадия зла». В учете обстановки Тяньцзиня и Баодина, являющегося номинальной ставкой главы чжунлийской партии—маршала Цао-Куня, действительно ли вы полагаете, что «хорошее правительство» может быть организовано в современных условиях? Рассчитываете ли вы на осуществление ваших трех принципов и шести конкретных желаний вашей программы (программа пекинских профессоров объявлена в декларации этой группы и напечатана в первом номере еженедельника «Старание») в условиях диктатуры восницыны? После падения династии маньчжуров Чжан-Вин-Ли стремился из всех сил к заключению компромисса с Юань-Ши-Каем для борьбы с революцией. После разгрома и смерти Юань-Ши-Кая партия «прогрессистов» из всех сил стремилась к компромиссу с маршалом Дуань-Ци-Джуем, главою аньфуистов. Все эти попытки и благочестивые намерения закончились торжеством реакции. Не идете ли вы по этому же самому пути, и не думаете ли вы, что вы унаследуете бесславное имя ваших предшественников?

Члены партии Го-мин-дан, вы первоначально, были революционными борцами за торжество демократии. Вы должны и сейчас вести революционную борьбу за демократию и скорее погибнуть в этой борьбе, чем исчезнуть с общественно-политической арены в результате политики компромиссов. В первый год существования республики в Китае вы были обмануты Юань-Ши-Каем, который пытался демонстрировать свою лояльность республике. Вы так же жестоко были обмануты Дуань-Ци-Джуем, когда он предложил вам восстановление парламента и конституции. Не дайте же себя обмануть сейчас всей этой болтовней о восстановлении парламента, упразднении системы дучжуната, демобилизации провинциальных войск ради заключения нового компромисса с военщиной северного Китая. Разве конституционный парламент чем-либо отличается сейчас от парламента 5-го и 6-го годов республики. Разве надежды на упразднение системы дучжуната и демобилизацию не являются надеждами на то, что тигр сам снимет с себя шкуру. Дает ли по существу название командующего войсками вместо дучжуната,

какое положение наблюдается в провинциях Юнь-нань, Сычуань и Ху-нань, какое-либо различие с институтом дучзюната и условиями, существовавшими до номинального упразднения дучзюна?

В период, когда война милитаристов между собою является наиболее интенсивной, есть ли хоть какая-нибудь надежда на демобилизацию войск? «Маленький Сюй» (генерал Сюй-Шу-Чен, активный аньфуист) сказал: «Я—сторонник разоружения, но подождите до тех пор, пока мои солдаты будут достаточно хорошо обучены и подготовлены для того, чтобы я мог разоружить солдат своих противников». Генерал Чжан-Шiao-Цзэн сказал: «Война идет сейчас в провинции Цзян-си. Положение в провинциях Фыньтян и Хе-нань крайне тревожно. Необходимо, чтобы кто-либо контролировал дела в провинциях. Если генералы У-Пэй-Фу и Цao-Кунь действительно будут намерены воплотить в жизнь схему демобилизации, вообразите, что станет с провинциями».

Неспособность военщины к саморазоружению ярче всего выражена в цитированных мнениях двух махровых милитаристов. Все, что вам остается делать, это выполнить до конца вашу историческую миссию по борьбе за торжество демократической революции, быть на-чеку, чтобы не быть вновь обманутыми поллитическими шарлатанами.

До тех пор, пока не свергнута власть военщины, нет надежды на разоружение провинциальных армий и на упразднение системы дучзюната. До тех пор, пока не свергнута власть военщины, нет надежд на сокращение требований народных средств, идущих на покрытие военных расходов,

дальнейшее разрушение всей системы государственных местных финансов. До тех пор, пока не свергнута власть военщины, все данные имеются налицо за заключение милитаристами новых займов у иностранцев, с соответственным возрастанием иностранного влияния в Китае. До тех пор, пока не свергнута власть военщины, нет надежд на то, что милитаристы перестанут облагать тягчайшими налогами граждан Китая, нет надежд на прекращение грабежей, нет надежд на приведение всех областей Китая в состояние порядка. До тех пор, пока не свергнута власть военщины, нет надежд на широкую постановку образовательных задач в Китае и на развитие промышленности в нашей стране. До

тех пор, пока не свергнута власть военщины, нет надежд на то, что прекратят борьбу между собою за расширение сфер своего влияния. Крестьяне и купцы всегда являются жертвами этих войн. Эти войны будут неизбежны и бесконечны, если они не будут остановлены силами самого народа.

Единственный выход для всех нас к освобождению себя от тяжелого ига военщины—это присоединиться к борьбе демократии против остатков феодализма, к борьбе, не знающей компромиссов, к борьбе без живого пацифизма, к борьбе за свободу и мир. Той оппозиции правительству, в какую играет буржуазия, интеллигенция и политики, доверять нельзя. Мы все желаем мира, но мира настоящего, не фальшивого. Мы приветствуем войну для борьбы за торжество демократии, за свержение военщины и милитаристов, за освобождение китайского народа.

Китайская Коммунистическая партия, являясь авангардом пролетариата, борется за освобождение рабочего класса и за пролетарскую революцию. До момента, когда китайскому пролетариату удастся захватить власть в свои руки, и в учете современных политических и экономических условий развития Китая, в учете всех идущих сейчас в Китае исторических процессов насущной задачей для пролетариата являются совместные действия с демократической партией в целях образования единого фронта демократической революции для борьбы за свержение военщины и за организацию действительно демократического правительства.

Конкретные цели современной политической борьбы не могут ограничиваться борьбой за оглашение цифр правительственных финансов или за наблюдение за деятельностью парламента или местных административных органов.

Нашими ближайшими задачами являются:

- 1) Пересмотр системы тарифов, насильственно навязанной Китаю мировыми капиталистами; отмена консульской юрисдикции и всей системы привилегий для иностранцев; учет железнодорожных займов, данных иностранным капиталом Китаю, и немедленный переход всех железных дорог в руки государства.

- 2) Уничтожение строя военщины и взяточников-чиновников, конфискация собственности милитаристов и распреде-

ление их земельных латифундий между беднейшими крестьянами.

3) Всеобщее избирательное право.

4) Свобода собраний, слова и печати; отмена законов об охране полицией «общественного порядка»; свобода стачек.

5) Ограниченный налог на землю.

6) Обязательное обучение.

7) Воспрещение детского и женского труда; законы о санитарных условиях на фабриках и заводах, законы о рабочем страховании.

8) Отмена всех сверхтарифных обложений и системы лицензов.

9) Пересмотр всего кодекса законов с немедленной отменой смертной казни и телесных истязаний.

10) Равенство прав мужчин и женщин.

11) Введение прогрессивно-подоходного налога.

Вся эта программа-минимум не может быть осуществлена в условиях господства власти феодалов-милитаристов, в методах компромиссов, петиций или ходатайств. Коммунистическая партия берет на себя инициативу созыва конференции с участием революционных элементов партии Го-мин-дан и революционных социалистов, для обсуждения вопроса о создании единого фронта для борьбы против военных лордов феодального типа и всех остатков феодализма. Эта борьба на развернутом едином фронте является войной за освобождение китайского народа от двойного ига, — от ига иностранцев и от гнета временщиков-милитаристов в своей стране, война, которая является столь же неотложно необходимою, сколь и неизбежной.

Таковы взгляды на современное положение Китая китайских коммунистов.

Основная политическая задача китайской революции в формулировке Сунь-Ят-Сена, вождя и руководителя ее, заключалась в том, чтобы освободить Китай от монархии маньчжуров и учреждением демократической республики гарантировать возможность прогрессивного развития Китая.

Социально-экономическая природа китайской революции, как мы отмечали выше, заключалась в необходимости устра-

нить то несоответствие между тем старым хозяйственным укладом, который стоял в непримиримом противоречии с новыми формами развития китайского хозяйства, на путь которого вступил Китай.

Монархия уступила место республике. Китай получил возможность капиталистического развития. Казалось бы, что в основном китайская революция сделала свое дело и осуществила те задачи, которые были перед нею поставлены. Но выше мы уже отметили, что революция оказалась недоделанной. Республиканские формы не получили своего устойчивого завершения, а революцию сменила ожесточенная гражданская война, которая поставила ряд препятствий к полному развитию производительных сил Китая.

По своей социально-экономической природе китайская революция должна была бы быть буржуазной революцией, есть такой, которая должна была бы если не передать власть в руки китайской буржуазии, то, по крайней мере, поставить ее в зависимость от последней.

Но случилось так, что к моменту революции сама китайская буржуазия была еще в пеленках и не могла заявить, в силу несовершеннолетия, своих прав на власть. Поэтому-то и получилось то уродливое явление, что на другой день после китайской революции у власти оказался тот же феодальный мандаринат, против которого, казалось, направлено острие китайской революции.

И если первые годы гражданской войны в Китае нужно отнести почти исключительно за счет борьбы сил революции и контр-революции, то в дальнейшем контр-революция, воспользовавшись бессилием буржуазии, укрепила свои позиции за счет последней и превратилась в тот всемогущий дуцзунат, который уже начал борьбу за власть между собою.

Но годы шли, и малолетняя китайская буржуазия подрастала. Росло ее классовое самосознание, рос вместе с тем и ее аппетит к власти. От провинциальных интересов она потянулась к постановке вопроса всекитайского значения. Росло также ее национальное самосознание. И последние годы гражданской войны в Китае идут уже, несомненно, при влиянии и участии вставшей на ноги китайской буржуазии.

Нет спору, выросшая китайская буржуазия нашла на своем пути милитаризованный мандаринат, в качестве реаль-

ной силы, державшей всю полноту реальной власти в Китае, нашла она китайскую либеральную интеллигенцию, которая претендует на власть. Но китайская буржуазия не смущается этим, она знает, что завтрашний день в Китае принадлежит ей. Ибо, как мы выше отмечали, милитаризованный мандари́нат уже начал срачиваться с буржуазией и все больше и больше подпадает под ее влияние; а китайская либеральная интеллигенция при своей призрачной самостоятельности все больше и больше оказывается в зависимости от того же влияния китайского капитала.

Таким образом, исторический процесс ведет к неизбежному приходу к власти китайской буржуазии, а следовательно, к тому, что можно было бы назвать завершенном буржуазной революцией в Китае.

Как же в таком случае с перспективами социальной революции в Китае?—спросит наш читатель.

Мы не склонны предаваться чрезмерному оптимизму и строить схемы и расчеты на немедленную социальную революцию в Китае. Но мы не склонны и преуменьшать значение тех глубоких социальных процессов, которые происходят сейчас в Китае.

Несомненно, что для социальной революции в Китае необходимо активное действие не только пролетариата, но и крестьянства. Только в таком союзе китайского рабочего с крестьянством они могут развить революционную энергию, способную революционизировать Китай. Но китайское крестьянство в своих основных толщах чрезвычайно косно и неподвижно. И если что его сдвинуло с этой мертвой точки, то именно процесс гражданской войны, которой, подобно большому трактору, поднимал на протяжении лет целину и этим подготавливал к революционному осознанию своего положения мысль китайского крестьянства.

Китайский пролетариат тоже зреет. Он организует свои силы: сейчас он выходит на политическую арену в качестве борющейся силы. В общем и целом он подготавливает себя и окружающую обстановку для большой социальной борьбы, которая для него объективно неизбежна.

Конечно, в китайских условиях пути революции будут носить своеобразный характер. Они пойдут, вероятно, своими путями, имеющими много отличного от путей революции

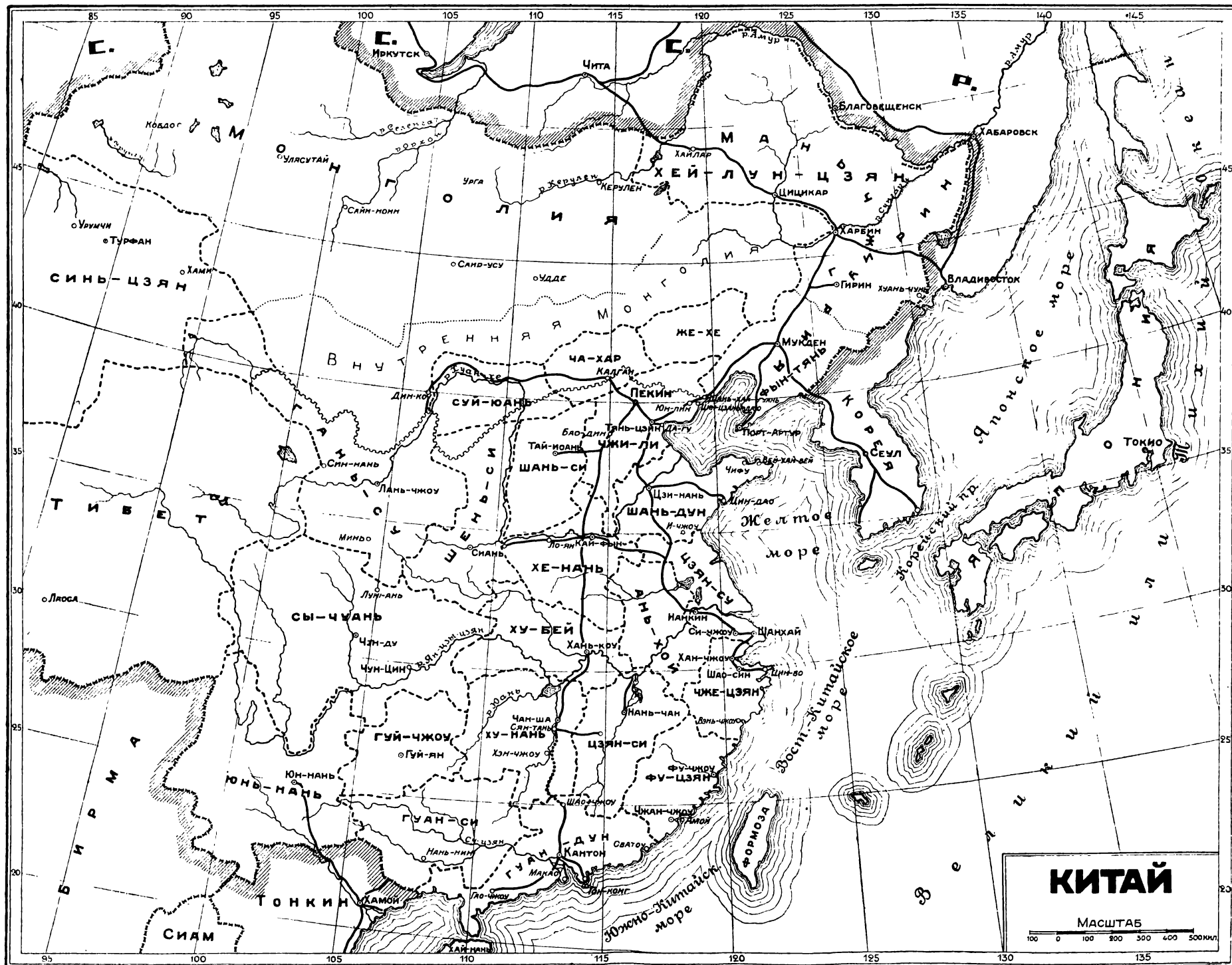
европейского пролетариата. Но несомненно, что и в китайской революции руководящее значение будет за пролетариатом.

И стратегически, при своей малочисленности, он будет, несомненно, в лучших условиях. Он будет господствовать не только почти во всех жизненных центрах страны, но в его руках будет находиться все железнодорожные и водные пути, что всегда дает в борьбе преимущество.

Сейчас идет гонка между китайской буржуазией и пролетариатом. И вопрос о моменте их непосредственной борьбы друг с другом по существу стоит на очереди. Но, конечно, самые условия капиталистического развития Китая еще недостаточны для того, чтобы поставить этот вопрос в плоскость факта. Весьма вероятно, что час этой борьбы будет отсрочен, но, несомненно, что он наступит все же для китайской буржуазии в неблагоприятный момент, когда она еще не успеет укрепить на своих новых позициях; ибо нетрудно предположить, что укрепить свое господство в огромном Китае ей будет нелегко. Для иллюстрации этой мысли достаточно вспомнить социально-экономические противоречия отдельных фракций китайской буржуазии Севера, Юга и Среднего Китая. Эти интересы противоречивы, и уже сейчас борьба между милитаристическими группировками вытягивается по линии именно этих противоречий.

Рабочий класс Китая в этом отношении имеет преимущество перед буржуазией. Он не имеет противоречий в отношении своих задач борьбы, и поэтому к моменту решительной борьбы он, несомненно, будет в лучших условиях, способных обеспечить ему успех в его борьбе за торжество социальной революции в Китае.

КАРТА КИТАЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловие к 2-му изданию .	3
Предисловие к 1-му изданию .	9
Отец китайской революции	13
I. Китайская революция.	
Как готовилась китайская революция. (Из воспоминаний Сунь-Ят-Сена).	35
Двенадцать лет гражданской войны .	62
Сунь-Ят-Сен и гражданская война (Из документов китайской революции) .	79
Борьба массов в современном Китае	93
II. Го-мин-дан и суньятсенизм.	
Из истории партии Го-мин-дан	117
Суньятсенизм:	
I. Сан-мин-чжу (три принципа) .	127
II. Проблема индустриализации Китая	139
III. Конституция пяти видов	145
Го-мин-дан перед новыми задачами	159
Задачи китайской революции	175
Приложения:	
1) Схема революционной борьбы 1911—1912 гг.	63
2) Схема гражданской борьбы 1920—1922 гг.	71
3) Карта Китайской республики	193